Министерство культуры Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское» (Пушкинский Заповедник)

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 92

ПОИСКИ И НАХОДКИ

МАТЕРИАЛЫ научно-практических чтений «Библиотека в усадьбе» (20–23 апреля 2022 года)

СООБЩЕНИЯ по итогам исследовательской и научной работы

Сельцо Михайловское Пушкинский Заповедник 2022

Серия основана в 1996 году.

Поиски и находки: Материалы научно-практических чтений «Библиотека М 341 в усадьбе» (20–23 апреля 2022 года); сообщения по итогам исследовательской и научной работы: [сб. ст.]. — Сельцо Михайловское: Пушкинский Заповедник, 2022. — 168 с. — (Серия «Михайловская пушкиниана»; вып. 92).

ISBN 978-5-94595-124-2

Настоящий сборник научно-популярного издания «Михайловская пушкиниана» состоит из двух разделов. В первом — материалы научно-практических чтений «Библиотека в усадьбе», проходивших в Пушкинском Заповеднике 20–23 апреля 2022 года, во втором — сообщения, подготовленные авторами по итогам исследовательской и научной работы.

Тема нынешних чтений «Библиотека в усадьбе» выражена цитатой «Мы все учились понемногу...» и раскрывается авторами в том числе через исследование круга чтения прошлых времен — от входивших в домашние собрания томов до учебных пособий, книг, формировавших мировоззрение молодых людей. Интересен опыт использования тех, «прошлых» учебников на уроках в современной школе.

Среди сообщений второго раздела — статьи, посвященные реликвиям, персоналиям, быту пушкинской эпохи, исторической подоплеке современного текста (рассказа С.С. Гейченко «Из дневника игумена Святогорской обители»), актуальным событиям в жизни музея-памятника «Исаакиевский собор», и статья-приглашение к коллегаммузейщикам помочь в наполнении «кластера памяти» академика В.Г. Костомарова.

Издание предназначено для специалистов в области истории, литературы, краеведения, музейного и библиотечного дела, а также для всех, кто неравнодушен к истории отечественной культуры и пушкинских мест России.

Цитаты А.С. Пушкина, кроме специально указанных случаев, приведены по изданию: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Указание на источник дается в тексте в круглых скобках, где римская цифра обозначает номер тома, арабская — номер страницы.

ББК 83.3 (2=411.2) 52-8 (Пушкин)

Вот уже десять лет в Пушкинском Заповеднике проходят научнопрактические чтения по проекту «Библиотека в усадьбе». И хотя тема чтений меняется каждый год, остается неизменным их направление исследование книжных коллекций и уникальных изданий, хранящихся и изучаемых в фондах российских музеев, библиотек и образовательных учреждений.

Большинство этих изданий — книжные памятники, требующие внимания и имеющие особую ценность не только как предмет полиграфии, но и как часть истории и культуры нашего государства. Поэтому участниками чтений становятся не только хранители коллекций — музееведы, библиотекари, искусствоведы, но и историки, политологи, философы, филологи, педагоги, т. е. все те, кто заинтересован в вопросах изучения российской культуры XVIII—XX веков, в том числе истории русской усадьбы, русской литературы, истории книги и книжных усадебных традиций, представления уникальных изданий в экспозиционной, выставочной и издательской деятельности музеев и библиотек. О научном изучении и практической деятельности с редкими и ценными изданиями говорили представители образовательных и культурных организаций не только России, но и Эстонии, Франции, Республики Беларусь.

В настоящий сборник вошли материалы чтений 2022 года. Их тема — «Мы все учились понемногу...» — продолжила разговор специалистов о хранящихся в собраниях библиотек и музеев, в образовательных учреждениях и частных коллекциях книжных изданиях, знакомство с которыми влияло на воспитание и образование молодых людей, помогая им стать достойными членами общества, быть востребованными в культурной, политической и общественной жизни.

Обсуждаемыми вопросами стали: круг детского чтения; интересы и предпочтения; зависимость особенностей образования от социальной среды; учителя и воспитатели; популярные и исключительные издания и т. д. Сотрудники музеев и библиотек Санкт-Петербурга, Смоленска, Пскова поделились своим опытом изучения и научно-практического использования учебников и учебных пособий по математике, естественным наукам, физике, географии, фортификации; рассказали о любопытных изданиях, ставших наградными экземплярами, об альманахах, издаваемых в разных странах, с рассказом о том или ином учебном заведении с персоналиями учредителей, преподавателей; о практическом использовании в учебном процессе современных школьников малоизвестных учебников конца XIX — начала XX века, а также представили

ряд изданий на русском и французском языках, в которых по дарственным надписям можно проследить судьбы награждаемых, тесно переплетающиеся в исторических процессах разных стран. Коснулся рассказ и образа учителя в пушкинское время, и круга чтения родителей А.С. Пушкина, сыгравшего определенную роль в формировании читательского вкуса поэта, и книг в жизни самого поэта, его знакомых и его литературных героев.

При подведении итогов была отмечена необходимость объединения и встреч специалистов для обсуждения вопросов сохранения и изучения книжных коллекций, определяющих нравственные и духовные ценности; вопросов помощи библиотекам и музеям в их усилиях по сохранению уникальных фондов.

В этом же сборнике в объемном разделе «Поиски и находки. По итогам исследовательской и научной работы» публикуются как музейные статьи 1980-х годов, сохранившие свою непреходящую научную ценность (авторы Анатолий Давыдов и Галина Симакина), так и современные работы (автор Вячеслав Козмин), тематика которых продолжает и дополняет традиции научной работы Пушкинского Заповедника. Кроме того, в разделе представлены работы гостей музея, позволяющие глубже и всеохватнее узнать как историю главного храма Санкт-Петербурга, ныне Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор» (авторы Юрий Мудров и Анна Голованова), так и снова вернуться к истории Пушкинского Заповедника, познакомиться с историей создания рассказа С.С. Гейченко «Из дневника игумена Святогорской обители» (автор этого материала — протоиерей Михаил Иванов). Яркая палитра всех статей, опубликованных в этом сборнике, традиционно направлена на формирование новых страниц уникальной истории Пушкинского Заповедника.

Завершает сборник статья авторства Светланы Камышевой и Альбины Филипповой (Институт русского языка имени А.С. Пушкина), посвященная созданию Мемориального музея академика Виталия Григорьевича Костомарова (1930–2020) и содержащая приглашение коллегам-музейщикам поделиться свидетельствами участия большого ученого, энтузиаста-исследователя лингвиста В.Г. Костомарова в жизни Пушкинского Заповедника и его встреч с легендарным хранителем пушкинских мест Псковской земли — Семеном Степановичем Гейченко. Недавнее прошлое тоже нуждается во внимании, а сотрудничество в сохранении памяти позволяет поддерживать живую ткань единого культурного пространства.

научно-практических чтений «Библиотека в усадьбе» (20–23 апреля 2022 года)

Мария Козмина

ОБРАЗ УЧИТЕЛЯ В ПУШКИНСКОЕ ВРЕМЯ

Судьба Евгения хранила: Сперва *Madame* за ним ходила, Потом *Monsieur* ее сменил...

А.С. Пушкин. Евгений Онегин

Следуя за пушкинскими словами: «Мы все учились понемногу / Чему-нибудь и как-нибудь», поговорим о том, какие представления были в XIX веке о педагогике. Передача любых знаний происходит в определенной парадигме, в зависимости от конкретной культурно-исторической реальности, среды и человеческого фактора. Воспитание и образование призваны обеспечивать историческую преемственность поколений, сохранение и развитие культуры той среды, к которой принадлежат учащиеся.

В древние времена учителями для народа становились особые люди, отмеченные Провидением, ведущие чистую жизнь, патриархи, священники, пророки¹. Когда пророк Моисей вышел учить народ, в помощь ему был дан Аарон, его брат: «Иди... он будет твоими устами, а ты будешь ему вместо Бога» (Исх. 4, 16). Аарон и его сыновья затем стали священниками, учителями для народа (Исх. 28, 1–3). В языческой культуре также были авторитеты, к которым обращались за разъяснениями в сложных обстоятельствах жизни, прося совета для успеха в будущем: оракулы, жрецы, гадатели, а также философы, учившие соблюдать правила человеческого общежития. У наиболее успешных были ученики

 $^{^{1}\,}$ Пророк по-еврейски «нави», от глагола «нават» — говорить, передавать волю другого.

и школы, где они разбирали мировоззренческие вопросы и житейские проблемы своих соплеменников.

В России долгое время сохранялась древняя православная культура с ее формами внешней (бытовой) и духовной деятельности. Для обучения открывались школы при церквях, где священники выступали в роли педагогов и пастырей. Петровские реформы расширили подход к обучению: молодые люди получали более широкий кругозор, знакомились с арифметикой, географией, историей, изучали языки. Без этих знаний невозможно было поступить на государственную службу, а по мере продвижения по служебной лестнице можно было достичь «степеней известных». В заметке 1830 года Пушкин и Дельвиг писали: «Дворянское достоинство в особенности ни в ком не может возбуждать неприязненного чувства, ибо доступно каждому. Военная и статская служба, чины университетские легко выводят в оное людей прочих званий. Ежели негодующий на преимущества дворянские не способен ни к какой службе... Враждебное чувство его, конечно, извинительно, ибо необходимо соединено с сознанием собственной ничтожности, но высказывать его неблагоразумно»².

С XVIII века становится популярной система чешского просветителя Яна Амоса Коменского (1592–1670), который, опираясь на светские научные знания, воспитывал своих учеников в духе христианской нравственности. Именно его классно-урочная система с разработкой дидактических принципов обучения практиковалась в России вплоть до 1917 года. Одним из самых известных его трудов была «Материнская школа», в которой он требовал не только передачи знаний, но и воспитания учеников. Но в России XVIII века были только церковные школы и училища, а обучаться светским предметам можно было только за границей или с помощью приглашенных иностранных учителей. Со времени издания Петром I Духовного регламента (1721) появляются новшества и в православных учебных заведениях. Была открыта Петербургская семинария, которая должна была стать образцом для всех последующих в Ростове, Новгороде и Тобольске. В Пскове при архиерейском доме была открыта в 1730-х годах Славяно-российская школа, в которой обучали детей духовного сословия³. Происходит реформи-

 $^{^{2}}$ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. 2. М., 1985. С. 137.

 $^{^3~\}it Князев~A.C.$ Очерк истории Псковской семинарии от начала до преобразования ея по проекту Устава 1814 года. М., 1866. С. 5.

рование церковных школ, в 1814–1818 годах открываются семинарии и в других губернских городах, по статусу приравненные к гимназиям. Кроме академий и семинарий учреждаются уездные училища для подготовки в семинарии и низшие приходские школы — «для распространения единообразного обучения». Кроме богословских наук в семинариях преподавались и общеобразовательные предметы, соответствующие программе гимназии. Пушкин писал: «Преобразование семинарий, рассадника нашего духовенства, как дело высшей государственной важности, требует полного, особенного рассмотрения» (XI, 46). А находясь в Одессе, писал в шутку своему брату: «Изъясни отцу моему, что я без его денег жить не могу. Жить пером мне невозможно при нынешней цензуре; ремеслу же столярному я не обучался; в учителя не могу идти; хоть я знаю закон Божий и 4 первые правила» (XIII, 67). Закон Божий в России преподавался и ученикам приходских школ и учебных заведений для дворян, включая иностранные пансионы. Пушкину преподавал «до самого вступления в Лицей священник Мариинского института Александр Иванович Беликов, довольно известный тогда своими проповедями и изданием «Духа Максилиона»⁴: он, уча Закону Божиему, учил русскому языку и арифметике»⁵.

Лучшие выпускники семинарий могли продолжить обучение в духовных академиях и в двух университетах: Томском и Дерптском. В Дерптском университете учились и друзья Пушкина: А.Н. Вульф и его однокашник, поэт-романтик Н.М. Языков. Первоначальное образование они получили дома, а затем самостоятельно готовились к поступлению в университет, изучая немецкий язык в Дерпте, поскольку преподавание там велось на немецком языке. С XVIII века предполагалось обязательное обучение и для девочек, главным для них было умение читать и писать, а также знание иностранных языков. Неграмотную девушку могли не взять замуж, а знание языков, литературы и музыки открывали перед ней дорогу в высшее общество. «Дочери П.А. Осиповой, отличаясь красотой, грацией, прекрасным образованием, и одна из них — высоким музыкальным талантом, совершенно очаровали молодого Языкова» 6.

⁴ В 1808 году он издал в своем переводе «Дух Массильйона», епископа Клермонского, или Мысли, избранные из его творений, о различных предметах нравственности и благочестия».

⁵ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1983. С. 30–34.

 $^{^6}$ Семевский М.И. Прогулка в Тригорское. Биографические исследования и заметки о Пушкине. СПб., 2008. С. 169.

Речь идет об Алине, падчерице П.А. Осиповой, но и ее дочь Мария Ивановна прекрасно играла и в конце жизни стала учительницей музыки в классах «псковских Мариинских училищ 1-го разряда» ^{7} .

Дворянские дети до определенного возраста обучались дома: мальчики до 12 лет, а девочки оставались на «домашнем обучении» практически до замужества. Как правило, в этом процессе принимали участие родители, родственники и приглашенные учителя. В семействе Пушкиных наибольшее участие в воспитании принимала бабушка Мария Алексеевна Ганнибал: «Замечательна по своему влиянию на детство и первое воспитание Александра Сергеевича была их бабушка Марья Алексеевна. Происходя по матери из рода Ржевских, она дорожила этим родством. Марья Алексеевна была ума светлого и по-своему образованного; говорила и писала прекрасным русским языком, которым так восхищался друг Александра Сергеевича, барон Дельвиг»⁸. Эти же воспоминания переданы в виде художественной прозы литературоведом А.Л. Слонимским (1881–1964): «А по вечерам бабушка рассказывала ему про своих дедов Ржевских, про царя Петра и его крестника Абрама Ганнибала. Она хорошо помнит старого арапа... Александр слушает рассказы бабушки, сидя на ступеньках балкона»⁹. Эти живые картины детства Пушкина возникли на основе устного предания семьи жены Слонимского, Лидии Леонидовны (1900–1965), правнучки Ольги Павлищевой. Дополненные подлинным биографическим материалом, мемуарами, воспоминаниями, они вошли в книгу «Юность Пушкина».

Важным свидетельством для понимания процесса обучения в то время являются и собственные автобиографические заметки Александра Сергеевича: «Семья моего отца — его воспитание — французы учителя. — ...Бабушка и ее мать. — Их бедность. — Иван Абрамович...» (ХІ, 307). Судя по упоминанию здесь имени И.А. Ганнибала, надо думать, что Пушкин в пункте «Их бедность» имел в виду бабушку и свою мать, опекуном которой стал его двоюродный дед. Оставленная своим мужем сразу после рождения дочери, Мария Алексеевна всю свою любовь отдала ее детям. Чтобы воспитать в ребенке личность, надо любить его по-матерински: «Извне воспитывать нельзя; только учителем может

 $^{^7}$ Вульф А.Н. Дневники // Любовный быт пушкинской эпохи / под ред. П.Е. Щеголева. М., 1994. С. 197.

⁸ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 37.

⁹ Слонимский А. Юность Пушкина. М., 1966. С. 19.

быть чужой, а не воспитателем» 10. Поэтому первыми воспитателями часто становились члены семьи и доверенные крепостные няни и дядьки. Недаром «Воспоминания о детстве А.С. Пушкина (со слов его сестры О.С. Павлищевой)» начинаются со слов о няне А.Р. Яковлевой 11. «Была она настоящею представительницею русских нянь; мастерски говорила сказки, знала народные поверья и сыпала пословицами, поговорками. Александр Сергеевич, любивший ее с детства, оценил ее вполне в то время, как жил в ссылке, в Михайловском» 12. Почти с самого рождения детей отдавали на руки кормилицам, гувернанткам, а родителей они видели чаще всего утром, когда приходили пожелать им доброго утра, и вечером — «спокойной ночи». Дети из небогатых, провинциальных семей, таких как «господа Ларины», пример «соседей бедных» (VI, 287), воспитывались в духе традиционного русского общества:

Ни дура Английской породы Ни своенравная Мамзель (В России по уставам [моды] Необходимые досель) Не баловали Ольги милой...

(VI, 287–288)

Воспитание детей на Руси традиционно начиналось с крещения. Подавляющее большинство русского народа, причем всех сословий, «не могло допустить, чтобы новорожденный остался не крещенным»¹³.

Фадеевна рукою — хилой Ее качала колыбель Стлала ей детскую постель Помилуй мя читать учила Гуляла с ней, среди ночей Бову рассказывала ей...

(VI, 288)

¹⁰ А.С. Пушкин. Pro et contra. Личность и творчество Александра Пушкина в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб., 2000. С. 8.

¹¹ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 29.

¹² Там же. С. 30.

 $^{^{13}}$ *Громыко М.М., Буганов А.В.* О воззрениях русского народа. М., 2007. С. 347.

Пушкин называл Арину Родионовну в письме прообразом няни Татьяны Лариной: «...Вечером слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны... она единственная моя подруга — и с нею только мне нескучно» (XIII, 129). Ее черты он воплотил в образе няни Дубровского, в героинях «Арапа Петра Великого», в стихотворении «Сват Иван»:

Мастерица ведь была И откуда что брала. А куды разумны шутки, Приговорки, прибаутки, Небылицы, былины Православной старины!..

(III, 1; 308)

А.П. Керн также вспоминала о своих детских годах: «Из этого года мне памятны няня Васильевна, которая варила мне кашу из сливок, крики на нее батюшки, чтобы она не смела усыплять меня сказками и вообще сидеть около меня, когда я уже положена в постельку»¹⁴.

При взрослении у детей сохранялось почтение к своим воспитателям: «Он (Пушкин) всё с ней, коли дома. Чуть встанет утром, уж и бежит ее глядеть: «здорова ли мама?» — он ее всё мама называл... Сказки она ему рассказывала» ¹⁵. Сердечное чувство привязанности демонстрирует и письмо няни к Пушкину: «Вы у меня беспрестанно в сердце и на уме, и только, когда засну, то забуду вас и ваши милости ко мне» (ХПІ, 323). А внук А.П. Керн, Ю.М. Шокальский, после смерти отца вместе с матерью переехал к своей тетушке Марии Ивановне Осиповой в Тригорское в 1861 году. Там к мальчику был приставлен пожилой крестьянин Евсей, которого Юлий Михайлович считал своим первым воспитателем ¹⁶. В «Капитанской дочке» описан тип таких отношений: «В то время воспитывались мы не по нонешнему. С пятилетнего возраста отдан я был на руки стремянному Савельичу, за трезвое поведение пожалованному мне в дядьки. Под его надзором на двенадцатом году выучился я рус-

¹⁴ *Керн А.П.* Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1974. С. 104.

 $^{^{15}}$ *Парфенов П.* Рассказы о Пушкине, записанные М.И. Семевским // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С.463.

 $^{^{16}}$ Вересова Т.В. Внук Анны Керн // Псковская земля. История в лицах. «Сии бо люди крылати...» М., 2007. С. 208.

ской грамоте и мог очень здраво судить о свойствах борзого кобеля. В это время батюшка нанял для меня француза, мосье Бопре, которого выписали из Москвы... Приезд его сильно не понравился Савельичу. «Слава Богу» — ворчал он про себя — «кажется, дитя умыт, причесан, накормлен. Куда как нужно тратить лишние деньги, и нанимать мусье, как будто и своих людей не стало!» (VIII, 1; 279).

Подобную ревность к гувернерам своих воспитанников описал и А.Л. Слонимский в книге «Детство Пушкина»: «Вошла няня, чтобы помешать кочергой в печке. Наклонившись всем грузным телом и ворочая кочергой, она то и дело оглядывалась на француза и неодобрительно покачивала головой: «Тара, тарара, — проворчала она уходя. — А чего тарара, и сам не ведает»¹⁷.

Шокальские прожили в Тригорском три года, в 1864 году они вернулись в Петербург, но большую часть времени возвращались в Тригорское и Михайловское. Позже Ю.М. Шокальский поступил в гимназию, подготовкой к которой занималась его мать Екатерина Ермолаевна и тети.

От родителей зависело, какое образование получат дети, поскольку до совершеннолетия (а девушки до замужества) они находились в полной власти родителей. Воспитание в основном сводилось к выработке определенных навыков поведения, соблюдению светских требований: «К несчастию, пока все или почти все родители и воспитатели... почти сознательно готовы убивать, уничтожать до корня всё, что обещает выработаться в характер самостоятельный в их детях. Им нужна больше всего покорность и слепое послушание, а не разумно проявляющаяся воля...» ¹⁸ Также детей обучали грамоте, письму, математике, закону Божьему и иностранным языкам. Кроме того, требовалось брать уроки музыки, пения, рисования и танцев, а мальчикам — фехтования. Тем не менее, в записке «О народном воспитании» (1826) Пушкин писал: «В России домашнее воспитание есть самое недостаточное, самое безнравственное; ребенок окружен одними холопями, видит одни гнусные примеры, своевольничает или рабствует, не получает никаких понятий о справедливости, о взаимных отношениях людей, об истинной чести. Воспитание его ограничивается изучением двух или трех иностранных языков и начальным основанием всех наук, преподаваемых каким-нибудь нанятым учителем» (XI, 44). Понятие «безнравственно»

¹⁷ Слонимский А. Юность Пушкина. С. 44.

 $^{^{18}}$ *Керн А.П.* Воспоминания. Дневники. Переписка. С. 88.

поэт употребляет в широком смысле: «Разумеем слово сие не в детском смысле, в коем употребляют у нас некоторые журналисты» (XI, 201). Говоря о безнравственности домашнего образования, Пушкин подразумевал тип воспитания детей на иностранных образцах: «[Заметьте] что неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности» (VIII, 1; 42).

Не всех родителей это устраивало, многие сами составляли план обучения своих детей, но в основной массе обучение доверяли приглашенным учителям. О некоей М-м Бенуа вспоминала А.П. Керн: «Родители наши тотчас нас с Анной Николаевной ей поручили в полное ее распоряжение» 19. Учителем в России в XVIII-XIX веках мог стать любой носитель французского, немецкого либо английского языка. Обязанности учителя носили начетнический характер, он должен был помочь воспитаннику свободно заговорить на иностранном языке и поддерживать разговор в обществе; как говорится, «Учил его всему шутя / Не докучал моралью строгой...» (VI, 6). Ольга Сергеевна рассказывала: «Между тем в доме родителей собиралось общество образованное, к которому принадлежало и множество французских эмигрантов...»²⁰ Пушкин записал «Разговоры Н.К. Загряжской»: «Я жила тогда на Мойке, дверь об дверь с графом А.С. Строгоновым. Ром жил у них в учителях, тот самый, что подписал потом определение...<о казни Людовика XVI>. Он был очень умный человек, это была крепкая голова, большой мастер на всякие рассуждения; у него сам Апокалипсис стал бы нам ясным. Он у меня был каждый день с своим питомцем» (XII, 174).

Подобные наставники, как «Жильбер Ромм, известный математик, якобинец, воспитатель П.А. Строганова... были редкостью»²¹. До Великой французской революции 1789—1794 годов гувернерами чаще всего становились бывшие лакеи, актеры, парикмахеры, беглые солдаты и авантюристы. К примеру, monsieur Шедель, который был «вежлив, добродушен, с Александром обращался мягко и предоставлял ему достаточно свободы... (хотя) не особенно тверд в науках, которые преподает»²². Он был уволен отцом Пушкина, когда тот узнал о профессии незадачливого ментора — у себя на родине он был часовщиком.

¹⁹ Керн А.П. Воспоминания. Дневники. Переписка. С. 117.

²⁰ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 30–34.

²¹ *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. СПб., 2008. С. 207.

²² Слонимский А. Юность Пушкина. С. 47.

После революции, когда аристократы были вынуждены бежать за пределы Франции, появился новый тип гувернера. Его составной портрет описал Лев Павлищев: «Воспитание его и сестры Ольги Сергеевны вверено было иностранцам, гувернерам и гувернанткам. Первым воспитателем был французский эмигрант граф Монфор, человек образованный, музыкант и живописец; потом Русло, который писал хорошо французские стихи... Разумеется, что дети и говорили, и учились только по-французски»²³. Но негативный опыт переживших европейские революции и оказавшихся не у дел эмигрантов иногда прерывал обучение. «Случилось, что граф застал Александра в кабинете отца с томом Вольтера в руках... Сергей Львович только плечами пожал: что, мол, за важность! Тогда граф с видом человека, оскорбленного в своих лучших чувствах, стал доказывать вредоносность Вольтера. Он говорил, что этот сочинитель разрушал веру в нравственность, что он-то и подготовил революцию во Франции и что вообще не следовало бы позволять мальчику брать книги без спросу. Сергей Львович рассердился... Он с необыкновенной запальчивостью пустился защищать Вольтера, хотя... сам не раз называл его отцом безверия и пронырой»²⁴. Оскорбленный в своих лучших чувствах, граф покинул место. Вместо него появился «женевский гражданин monsieur Русло. Наружность у этого соотечественника Руссо и Лагарпа (наставника Александра I) была мрачная... Ходил он всегда в черном: черный, застегнутый доверху сюртук, черные панталоны, черные чулки. При графе Монфоре Александру было куда свободнее... А Русло следил за каждым шагом своего воспитанника и надоедал ему длинными нравоучениями»²⁵. После того, как мисс Бэлли отобрала от Александра тетрадь со стихами и, передав ее Русло, спровоцировала их ссору, «Русло отказался от своей должности и уехал: его пригласили репетитором латинского языка в богатый пансион Жакино в Петербурге»²⁶. Эта история у Пушкина обозначена в «Первой программе записок» как «Первые неприятности. Гувернантки».

Подбором гувернеров чаще занималась мать: «К детям своим Сергей Львович был глубоко равнодушен. При малейшей жалобе гувернантки или гувернера он сердился, выходил из себя, но гнев его проистекал только из врожденного отвращения ко всему, что нарушало его

 $^{^{23}}$ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 30–34.

²⁴ Слонимский А. Юность Пушкина. С. 39.

²⁵ Там же. С. 40.

²⁶ Там же. С. 47.

спокойствие» ^{27} . А.С. Пушкин, очевидно помня об этом, не доверял домашнему воспитанию, считая, что родители, особенно провинциальные помещики, не в силах дать детям хорошее образование.

Анна Николаевна Вульф писала о воспитании своих сестер матерью: «Как ей не стыдно и не совестно, право, их так воспитывать! У нас, по крайней мере, был Пушкин, который был звездой добра и зла...»²⁸ Судя по этому комментарию, Пушкин в годы ссылки выступал в роли домашнего учителя сестер Вульф, так что он писал о домашнем образовании на основании собственного педагогического опыта. Мария Ивановна Осипова вспоминала: «И что за добрая душа был этот Пушкин, всегда в беде поможет; маменьке вздумалось было, чтоб я принялась зубрить грамматику, да ведь какую — ни больше, ни меньше, как Ломоносовскую. Я принялась было, но, разумеется, это дело показалось мне адским мучением. «Пушкин, заступитесь!» И что вы думаете? Стал он говорить маменьке и так это убедительно, что та и совсем смягчилась; когда же Пушкин сказал: «Я вот отродясь не учил грамматики и никогда ее не знал, а, слава Богу, пишу помаленьку и не совсем безграмотен». Тогда маменька окончательно оставила Ломоносова»²⁹.

Но всё было не так плохо, если родители приучали детей к чтению, разрешая пользоваться библиотекой: «В России издавна принято измерять уровень культуры количеством прочитанных книг» ³⁰. Книги как источник образования в дворянской и вообще русской системе воспитания были средством приобщения к мировой культуре. «Страсть эту (к чтению) развивали в нем и сестре сами родители, читая им вслух занимательные книги. Отец в особенности мастерски читал им Мольера» ³¹. А И.И. Пущин вспоминал: «Все мы видели, что Пушкин нас опередил, многое прочел, о чем мы и не слыхали, всё, что читал, помнил; но достоинство его состояло в том, что он отнюдь не думал выказываться и важничать, как это очень часто бывает в те годы (каждому из нас было 12 лет)... Обстановка Пушкина в отцовском доме и у дяди, в кругу литераторов, помимо природных его дарований, ускорила его образова-

²⁷ Вересаев В.В. Родственники Пушкина. С. 8.

 $^{^{28}}$ Вульф А.Н. Дневники // Любовный быт пушкинской эпохи. С. 193.

 $^{^{29}}$ Семевский М.И. Прогулка в Тригорское // Любовный быт пушкинской эпохи. С. 226.

 $^{^{30}}$ Сергеева А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М., 2006. С. 15.

³¹ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 31.

ние, но нисколько не сделала его заносчивым, признак доброй почвы» ^{32} . Была мода на определенную литературу, в соответствии с которой Онегин, к примеру: «Бранил Гомера, Феокрита; / Зато читал Адама Смита» (VI, 7).

Изучение наук часто было способом вырваться из бедности и подняться по социальной лестнице, о чем свидетельствует биография просветителя Ж.-Ж. Руссо (1712–1778), который был сыном женевского часовщика и сам зарабатывал на жизнь, работая камердинером, музыкантом, переписчиком нот, а также домашним секретарем. В середине XVIII века он стал интерпретатором идеи «вечного мира» для Европы, автором которой считается герцог Сюлли, а разработчиком — аббат Сен-Пьер на Утрехтском конгрессе 1713 года. Идея заключалась в объединении всей Европы, включая Россию, в союз, подобный Германской империи. В 1771 году вышел перевод И.Ф. Богдановича этого «Сокращенного проекта Вечного мира» Ж.-Ж. Руссо. Пушкин, в 1821 году раздумывая об этом³³, назвал Руссо «мальчишкой», который «не выиграл ни одной победишки, не имеет никакого веса» (XII, 189–190, 480 перевод). А в первоначальном варианте романа учитель Онегина — «Мосье Швейцарец очень [умный]» (VI, 215).

Благодаря Ж.-Ж. Руссо, декларировавшему «возврат к природе», становятся модными идеи сентиментализма, в том числе и в России. Он заложил основы педагогики XIX—XX веков, т. н. свободного воспитания, когда в первые два года мать должна была изучить природу ребенка и заботиться о его физическом развитии, затем до 12 лет ребенка содействовать ему в накоплении чувственного опыта, в соответствии с тезисом «природа — лучший учитель». «Monsieur l'Abbe, француз убогой» (VI, 6), гувернер Онегина, по-видимому, был поклонником теории Руссо: «Не докучал моралью строгой / Слегка за шалости бранил / И в Летний сад гулять водил» (VI, 7).

Если домашнее обучение было слишком дорого и нерезультативно, можно было поместить ребенка в «частные пансионы и государственные училища»³⁴, куда, кстати отдавал своих детей и Руссо, «подкидывая

 $^{^{32}}$ Пущин И.И. Записки о Пушкине // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 67.

³³ Алексеев М.П. Пушкин и проблема вечного мира // М.П. Алексеев. Пушкин. Сравнительно-историческое исследование. Л., 1972. С. 160–207.

 $^{^{34}}$ *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. С. 209.

их в воспитательные дома», по словам Вольтера. С 12 и до 15 лет (по Руссо) начинался период обучения и интеллектуального развития. В это время, как правило, дети и поступали в учебные заведения. В пансионе воспитывалось иногда 10–15 учеников, которые жили и столовались на квартире преподавателя, и не всегда обучение было поставлено хорошо, не всякий пансион имел права высшего учебного заведения. В таком случае следовало поступать в университет, так как во времена Александра I требовалось образование, чтобы сделать карьеру. Аристократические семьи стремились определить своих детей в дорогие престижные заведения, например, в пансионат аббата Николя, тайного иезуита, где в год за обучение платили 1 500 рублей. Этот пансионат окончил Петр Яковлевич Чаадаев, некоторые декабристы и будущий шеф жандармов А.Х. Бенкендорф. В пансионат аббата Николя собирались отдать и А.С. Пушкина — в «Программе автобиографии» он писал: «Охота к чтению. Меня везут в П.Б. Езуиты. Тургенев. Лицей» (XII, 308). В это время открылся Царскосельский лицей, и участь поэта была решена иначе: именно там он получил высшее образование.

Оценка Пушкиным своего светского окружения, то ироничная, то горькая, заключала в себе мысль о требованиях от молодого человека следовать шаблонам:

Он по-французски совершенно Мог изъясняться и писал; Легко мазурку танцевал И кланялся непринужденно; Чего ж вам больше? Свет решил, Что он умен и очень мил.

(VI, 7)

Василий Андреевич Жуковский писал: «Искусство общаться приятно совершенно необходимое для приобретения от общества благосклонности»³⁵. Но вот В.Г. Белинский считал, что «Онегин — добрый малый, но при этом недюжинный человек. Он не годится в гении, не лезет в великие люди, но бездеятельность и пошлость жизни душат его». Хотя трудно представить себе более деятельную эпоху, чем первая половина XIX века, которую сейчас называют пушкинской.

³⁵ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 87.

После наполеоновских походов в российском обществе начинается постепенный возврат к политике национальной самоидентификации, отказ от засилья французской культуры.

Monsieur прогнали со двора. Вот мой Онегин на свободе; Острижен по последней моде; Как *dandy* лондонский одет — И наконец увидел свет.

(VI, 6)

Предполагалось, что в возрасте 17–18 лет человек уже сам себя воспитывает, образовывает и формирует свой нравственный облик. Он должен был уметь соблюдать правила личной гигиены, вести разговор, танцевать, одеваться красиво и элегантно: «Онегин был по мненью многих / (Судей решительных и строгих) / Ученый малый, но педант» (VI, 7).

Среднее образование в России законодательно вводится в 1804 году, тогда же появляются четырехлетние гимназии, бессословные, с широким кругом общеобразовательных предметов. В 1828 году гимназии становятся семилетними только для детей дворян и чиновников, вводится штат надзирателей и физические наказания. В Царскосельском лицее, впрочем, физические наказания были запрещены «под угрозой отрешения от должности»³⁶, а основателями и учителями были ученые: М.М. Сперанский, И.К. Кайданов, В.Ф. Малиновский, Н.Ф. Кошанский. При открытии Лицея все отметили речь профессора политических наук А.П. Куницина, «только что возвратившегося перед открытием Лицея из-за границы, куда он был послан по окончании курса в Педагогическом институте»³⁷. Е.А. Энгельгардт, директор этого института, а потом и Лицея, перевел речь Куницина «на немецкий язык, написал маленькую статью и всё отослал в дерптский журнал»³⁸. Лицейский преподаватель российской и латинской словесности Н.Ф. Кошанский (1781-1831) был любителем античности: его уроки проходили в риторике

 $^{^{36}~}$ Руденская М., Руденская С. «Наставникам… за благо воздадим». Л., 1986. С. 26.

³⁷ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 69.

³⁸ Там же. С. 71.

силлабической школы высокого «штиля». Именно он приучил Пушкина к серьезной работе над отделкой размера стиха, чему поэт был благодарен, хотя вначале протестовал, посвятив ему строки стихотворения «Моему Аристарху»:

Помилуй, сжалься надо мной — Не нужны мне твои уроки. Я знаю сам свои пороки. Конечно, беден гений мой: За рифмой часто холостой, На зло законам сочетанья, Бегут трехстолпные толпой На аю ает и на ой...

(I, 116)

Николай Федорович Кошанский, широко образованный, еще молодой человек, «употребил все средства, чтобы [ознакомить] его как можно лучше с теориею языка отечественного и с классическою словесностью древних»³⁹. Впоследствии он гордился своим учеником и охотно читал его стихи последующим поколениям лицеистов, приводя их как пример ясности и точности рифмы. Как вспоминал И.И. Пущин, «все профессора смотрели с благоговением на растущий талант Пушкина... На публичном нашем экзамене Державин, державным своим благословением, увенчал юного нашего поэта»⁴⁰. В Лицее больше внимания уделялось гуманитарным наукам, поэтому Пушкин и другие лицеисты мало внимания обращали на точные науки. Как вспоминал И.И. Пущин, преподаватель физических и математических наук Я.И. Карцов вызвал Пушкина к доске и, не добившись от него ответа, сказал: «Садитесь на свое место и пишите стихи». Пущин отмечал педагогический такт Карцова, поскольку тот «из математического фанатизма не вел войны с его поэзией»⁴¹.

Многие лицейские учителя Пушкина и по окончании Лицея следили за судьбой своих воспитанников. Э.А. Энгельгардт писал А.М. Горчакову: «Ах, если бы этот повеса хотел учиться, это был бы выдающийся

³⁹ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 61.

⁴⁰ Там же. С. 81.

⁴¹ Руденская М., Руденская С. «Наставникам... за благо воздадим». С. 81.

человек в нашей литературе»⁴². А Пушкин всю жизнь был благодарен ему: «Приятно мне думать, что, увидя в книге ваших воспоминаний и мое имя между имянами молодых людей, которые обязаны вам щастливейшим годам жизни их, вы скажете: в Лицее не было неблагодарных» (XVII, 228).

В XVIII—XIX веках воспитание в России — «это, прежде всего, образ жизни, стиль поведения, усваиваемый отчасти сознательно, отчасти бессознательно: путем привычки и подражания» ⁴³. Личность юноши воспитывалась его окружением, у Пушкина это была литературная среда: «Вне Лицея он знаком был только с семейством знаменитого историографа нашего Карамзина, к коему во всю жизнь питал особенное уважение... По выходу из Лицея... посещал преимущественно литературные общества Карамзина, Жуковского, кн. Вяземского, Воейкова, графа Блудова, Тургенева и т. п.» ⁴⁴ Воздавая Н.М. Карамзину честь как авторитетному «первооткрывателю» русской истории, Пушкин напишет о нем в «Отрывках из писем, мыслей и замечаний», которые напечатает в «Северных цветах» на 1828 год. Тяжело переживая уход своего старшего друга и наставника в 1826 году, Александр Сергеевич уже тогда задастся целью «противопоставить официальной легенде живого Карамзина» ⁴⁵.

Своим учителем он считал и В.А. Жуковского, а Жуковский назвал себя учителем Пушкина в 1820 году, написав: «Победителю-ученику от побежденного учителя». «Жуковский не раз навещал Александра, когда приезжал в Царское Село, где он давал уроки в царском семействе» 46. Это была его стезя: с 1817 года он стал учителем русского языка у великой княгини, впоследствии императрицы Александры Федоровны. Жуковский выпускал для своей ученицы полуальманахи со своими переводами Гете, Шиллера, называвшиеся «Fur Wenige» («Для немногих»). Когда Пушкин попал в ссылку, Жуковский как старший товарищ наставлял его: «Ты рожден быть великим поэтом; будь же этого

⁴² Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина (1799–1826) / сост. М.А. Цявловский. Л., 1991. С. 154.

 $^{^{43}}$ Муравьева О.С. Как воспитывали русского дворянина. СПб., 1998. С. 9.

 $^{^{44}\,}$ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 62–63.

⁴⁵ *Вацуро В.Э.* Подвиг честного человека // В.Э. Вацуро, М.И. Гиллельсон. «Сквозь умственные плотины»: очерки о книгах и прессе пушкинской поры. М., 1986. С. 93.

⁴⁶ Слонимский А. Юность Пушкина. С. 122.

достоин. В этой фразе вся твоя мораль, всё твое возможное счастие и все вознаграждения» (XIII, 120). В 1826 году он станет воспитателем будущего царя Александра III, относясь к этому со всей серьезностью: «Моя настоящая должность берет всё мое время. Какая забота и ответственность!» Основной задачей воспитания Жуковский считал «образование для добродетели»: «Не подвергайте тех, кто вас окружает, чему-либо такому, что может их унизить; вы их оскорбляете и отдаляете от себя, и вы унижаете самих себя этими проявлениями ложного превосходства, которое должно заключаться не в том, чтобы давать чувствовать другим их ничтожество, но в том, чтобы внушать им вашим присутствием чувство вашего и их достоинства»⁴⁷.

Воспитание в царской семье в то время не слишком отличалось от воспитания любого дворянина высшего общества. Хотя светское, высшее общество было особой, довольно замкнутой группой дворян. Для принадлежности к нему необходимо было иметь титул или чин, но не только. Требовалось безукоризненное «светское» воспитание, хорошие манеры, умение свободно держать себя в обществе, поддерживать разговор на любую тему, хорошо говорить по-французски, хорошо одеваться и иметь хорошо подобранные аксессуары. Не принимались в свете люди, живущие на заработки, — артисты, художники, литераторы, кроме дилетантов, и даже ученые и преподаватели, поскольку они жили своим трудом. Для знати считалась «приличной» только служба в армии и государственных учреждениях⁴⁸. Строгий суд света был для Пушкина часто смешным, но составлял неотъемлемую часть его жизни. Многие характеры и действия героев он брал из реальной жизни своего окружения:

Онегин был, по мненью многих (Судей решительных и строгих) Ученый малый, но педант: Имел он счастливый талант Без принужденья в разговоре Коснуться до всего слегка, С ученым видом знатока Хранить молчанье в важном споре

⁴⁷ Муравьева О.С. Как воспитывали русского дворянина. С. 110.

 $^{^{48}}$ Российский историко-бытовой словарь / авт.-сост. Л.В. Беловинский. М., 1999. С. 408–409.

И возбуждать улыбку дам Огнем нежданных эпиграмм.

(VI, 8)

Как известно, роман «Евгений Онегин» Пушкин посвятил совсем не светскому человеку, педагогу по образованию и призванию — Павлу Александровичу Плетневу (1792–1865).

Не мысля гордый свет забавить, Вниманье дружбы возлюбя, Хотел бы я тебе представить Залог достойнее тебя, Достойнее души прекрасной, Святой исполненной мечты, Поэзии живой и ясной, Высоких дум и простоты; Но так и быть — рукой пристрастной Прими собранье пестрых глав...

(VI, 3)

Плетнев был сыном провинциального тверского священника Александра Петровича Плетнева (1766-1794) из села Молдино Вышневолоцкого уезда. Первоначально Павел Александрович закончил Бежецкое духовное училище и Тверскую духовную семинарию, а после Петербургский педагогический институт, получив личное дворянство. С 1819 года он действительный член Общества любителей российской словесности, а с 1824 года — сотрудник альманаха Дельвига «Северные цветы». Меланхоличный и мягкий, он был православным «человеком благоволения», как его называл Пушкин. Его характер был сформирован русской сентиментальной эстетикой, но в силу традиционного воспитания он был практичен и ответственен — то есть являл прямую противоположность характеру Пушкина, что не помешало ему стать для Пушкина «всем: и родственником, и другом, и издателем, и кассиром»⁴⁹. Первоначальное их знакомство состоялось через друзей: Дельвига, Батюшкова, Жуковского и брата А.С. Пушкина Льва, в письме к которому он написал 4 сентября 1822 года: «Вообще мнение мое,

⁴⁹ Пушкин и его современники. Вып. XIII. [1910]. С. 136–137.

что Плетневу приличнее проза, нежели стихи — он не имеет никакого чувства, никакой живости — слог его бледен, как мертвец...» (XIII, 46). Лев Сергеевич не постеснялся передать отзыв Пушкина Плетневу, за что Пушкин пенял ему: «Зачем ты показал Плетневу письмо мое? В дружеском общении, я предаюсь резким и необдуманным суждениям; они должны остаться между нами... Окт. 1820. Кишинев» (XIII, 51). Решив извиниться, Пушкин пишет письмо в ноябре — декабре 1822 года: «Долго не отвечал тебе, мой милый Плетнев... Ты конечно б извинил мои легкомысленные строки, если бы знал, как часто бываю подвержен так называемой хандре. В эти минуты я зол на весь свет, и никакая поэзия не шевелит моего сердца. Не подумай однако, что не умею ценить неоспоримого твоего дарования... По письмам моего брата вижу, что он с тобою дружен. Завидую ему и тебе... Извини мое чистосердечие, но оно залог моего тебе уважения» (XIII, 53). Плетнев не только извинил Пушкина, но и, признавая его превосходство над собою, вызвался помочь напечатать его произведения. Плетнев служил учителем словесности, числился по департаменту народного просвещения, поэтому произведения Пушкина печатались в типографии этого ведомства. Деликатный Плетнев сочувствовал Пушкину: «Не избалованный в детстве ни роскошью, ни угождениями, он способен был переносить всякое лишение и чувствовать себя счастливым в самых стесненных обстоятельствах жизни. Природа, кроме поэтического таланта, наградила его изумительной памятью и проницательностью»⁵⁰. После смерти Пушкина именно Плетнев занялся продолжением работы над любимым детищем Пушкина — журналом «Современник». Он редактировал первый том журнала в 1837 году, в память о поэте, а потом стал полностью издавать его как собственный, но прибыли он не имел никакой⁵¹. Он издавал его до 1846 года включительно, иногда публикуя в нем не изданные ранее произведения Пушкина, помогая таким образом его вдове и детям.

Плетнев преподавал в Екатерининском институте, где воспитывалась в течение шести лет А.О. Россети, Смирнова-Россет (1809–1882). В 1828 году по рекомендации Жуковского был назначен учителем литературы к цесаревичу Александру Николаевичу и великим княжнам. С 1832 по 1846 год он был профессором русской словесности в Пе-

 $^{^{50}}$ *Плетнев П.А.* Из статей о Пушкине // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1974. С. 291.

⁵¹ *Смирнов-Сокольский Н.* Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962. С. 448.

тербургском университете, а с 1840-го по 1861-й — его ректором⁵². С 1841 года — член Петербургской академии наук. Оставил теплые воспоминания о Пушкине, о «высокорелигиозном настроении» у него за несколько дней до смерти: «Он говорил со мной о судьбах Промысла, выше всего ставил в человеке качество благоволения ко всем, видел это качество во мне, завидовал моей жизни»⁵³. «Любимый разговор его, за несколько недель до его смерти, всё обращен был на слова: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, и в человецех благоволение»⁵⁴.

Детство — это особый период в жизни человека, и люди, которые окружают ребенка, часто становятся своеобразными кумирами на долгие годы. Вспомним стихотворение Пушкина «В начале жизни школу помню я...» (1830), которое не было завершено, а возможно, отчасти утрачено. Несмотря на то, что оно лишено исторической конкретики, оно воспринимается как глубокое переживание молодого человека, от лица которого ведется повествование. Воспитываемый в некоей «школе» в тени «сада», он переживает «начало жизни» как трудное и мучительное взросление. Аллегорические образы разных учителей и их методов обучения представлены образом «смиренной жены», символа христианской мудрости, и соблазнительным примером языческой культуры с ее «лживым идеалом», полным заблуждений и разочарования⁵⁵.

Так отрок библии, [безумный] расточитель До капли истощив раскаянья фиал, Увидев наконец родимую обитель, Главой поник и зарыдал.

(III, 1; 189)

«Такова была среда Пушкина, такова была и его натура, что получило отражение и в реальных его письмах, и в стихах... и в воспоминаниях» ^{56} .

⁵² Смирнов-Сокольский Н. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. С.100.

 $^{^{53}}$ *Плетнев П.А.* Из статей о Пушкине // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 295.

⁵⁴ Там же. С. 296.

⁵⁵ Васильев Б.А. Духовный путь Пушкина. М., 1994. С. 177–185.

 $^{^{56}}$ *Козмина Л.В.* Автобиографические записки А.С. Пушкина 1821–1825 годов. Проблемы реконструкции. М., 1999. С. 39.

Пушкин своими произведениями являет нам образ учителя жизни: «В одних (писателях) выражается народная душа, другие ее обнажают, третьи — воспитывают. Таков в русской культуре Пушкин. Пушкин выковал язык, на котором говорили поколения; его были первые стихи, разучиваемые в детстве, и первые повести, вскармливающие отроческое воображение; его эмоциональные формулы чеканили десятилетиями чувства подрастающих поколений, его образы утверждались в памяти и в годы пластичности юной души ее оформляли» Роман «Евгений Онегин» Пушкин посвятил автобиографической проблеме воспитания чувств и души героев этого произведения, ставшего подлинной «энциклопедией русской жизни».

 $^{^{57}\;}$ А.С. Пушкин. Pro et contra. Личность и творчество Александра Пушкина в оценке русских мыслителей и исследователей. С. 8.

Приложение

Детский наставник, или Полная российская азбука, украшенная 32 картинками. СПб., 1819. ПЗ-КП-6422

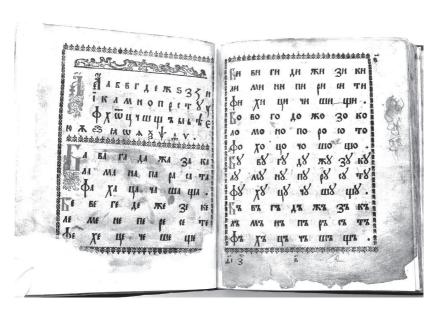

Словарь на шести языках: росс., греч., лат., франц., нем., англ., изданный в пользу учащегося российского юношества. СПб., 1763. ПЗ-КП-6421. ГК 30106488. Бумага, кожа, печать. 197 × 128 × 26 мм

А.С. Пушкин. Продавец кваса.
Лист из альбома «Рисунки лицеистов» (1811—1817). СПб., 2011.
Всероссийский музей А.С. Пушкина: к двухсотлетию Императорского Царскосельского лицея. Факсимильное воспроизведение рисунков.
Оригинал: Рукописный отдел Пушкинского Дома. Ф. 244. Оп. 1. № 793.
Факсимиле: ПЗ-КП-32305/29. Тонкий картон, печать типографская.
330 × 486 мм. ПЗ-КП-32305/29. ГК 11325477

Первое учение отрокам, в нем же буквы и слоги: Так же Краткое толкование Законнаго Десятословия, Молитвы Господни, Символа Веры и девяти Блаженств. М., 1780. ПЗ-КП-5760. ГК 33270291. Бумага, кожа, печать. 211 × 175 × 22 мм

Анастасия Долгова, Елена Субботина

НАГРАДНЫЕ КНИГИ В РУССКОМ ФОНДЕ ВСЕРОССИЙСКОГО МУЗЕЯ А.С. ПУШКИНА

С давних времен в различных учебных заведениях существует прекрасная традиция отмечать лучших учеников книгами. В фондах Всероссийского музея А.С. Пушкина сформировалась небольшая коллекция таких наградных экземпляров.

Выявить такие книги в фонде не составляет особого труда. Чаще всего наградные книги отличаются особым оформлением. Часто крышки переплета декорируются золототиснеными элементами — гербом учреждения, некой «формулой» с указанием заслуг («За прилежание и успехи», «За прилежание и благонравие», «За благонравие и отличные успехи в науках»). Встречаются переплеты с особым оформлением, крытые тканью или ледерином. Как правило, надпись или соответствующая наклейка на форзаце сообщают нам подробности о личности награждаемого и обстоятельствах события, в отдельные экземпляры вклеиваются специальные наградные листы: рукописные или в виде печатного «бланка», в который уже от руки вписывались конкретные сведения о награждении.

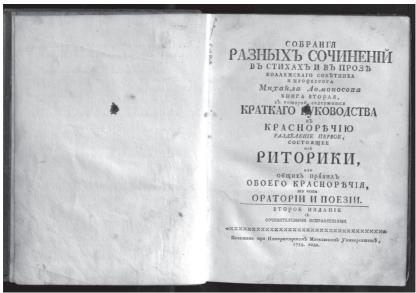
Некоторые книги не переплетались особо, но имеют соответствующие надписи о награждении. Как правило, этот вариант характерен для средних учебных заведений, небольших колледжей, пансионов.

В собрании Всероссийского музея А.С. Пушкина хранятся книги, которыми награждали учеников как в высших учебных заведениях, так и в средних, например, в Московском университете, в Московской духовной академии, в Горном кадетском корпусе, в Московском университетском благородном пансионе, в Саратовском Александро-Мариинском реальном училище, в Торговой школе имени императора Николая ІІ, в Витебской гимназии, в Брестской прогимназии, в Новороссийской главной школе, в частном пансионе Иосифа Ольденборгера.

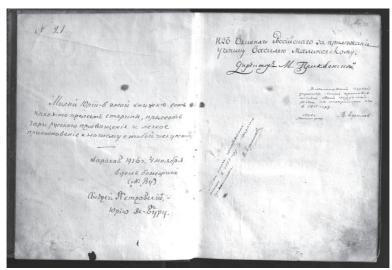
Особое место в собрании наградных книг занимают книги, связанные с Императорским Царскосельским (Александровским) лицеем. Одна из самых ранних — наградная книга Московского государственного университета: том прижизненного «Собрания разных сочинений в стихах и в прозе...» М.В. Ломоносова (М., 1759). На передней крыш-

ке переплета помещен золототисненый суперэкслибрис Московского университета, на задней крышке оттиснуты слова: «За прилежание». На книге есть и дарственная запись: «Из Вышняго Российскаго за прилежание ученику Василию Малиновскому директор М. Приклонской». Этой книгой был награжден Василий Федорович Малиновский (1765—1814), студент Московского университета, а в дальнейшем — дипломат, публицист, первый директор Императорского Царскосельского лицея. Философский факультет Московского университета Василий Федорович окончил в 1781 году — соответственно, книга была ему пожалована между 1775 и 1781 годами.

У этой книги интересная дальнейшая судьба, о чем свидетельствует еще одна надпись: «Милый Юрий — в этой книжке есть какая-то прелесть старины, прелесть зари русскаго просвещения и легкое прикосновение к нашему с тобой искусству. Харьков 1916 г. 4 ноября в день бенефиса Андрей Петровский. — Юрию Де-Буру». Андрей Павлович Петровский (1869–1933), актер, театральный режиссер и педагог, дарит книгу Юрию Львовичу Буру (1887–1943), своему ученику, учившемуся в его Харьковской драматической студии. В левом верхнем углу титульного листа — владельческий знак Моисея Семеновича Лесмана (1902–1985), известного коллекционера-библиофила, из собрания которого книга и поступила в музей. А раньше в 1929 году эта книга была

куплена у бродячего букиниста неизвестным В. Ефимовым, о чем свидетельствует еще одна надпись: «Эта книга приобретена мною в 1929 году у бродячего букиниста»; выше той же рукой запись 1934 года: «В Малиновский первый директор Лицея прославившийся своей неудачной речью на открытии его в 1811 году».

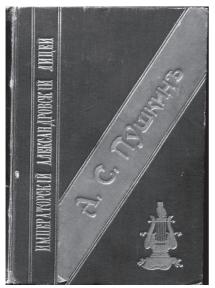
В Лицее книгами также награждались отличившиеся воспитанники. «Рассматривая «Проект Лицея», созданный Сперанским, А.К. Разумовский обратился к Александру I с докладной запиской, содержащей «Вопросы Лицея», на которые монарх дал ответы. Один из вопросов касался поощрения воспитанников. Разумовский предлагал, подобно институтам Франции и других европейских государств, отличать лучших учеников ношением крестиков. Отвечая на этот вопрос, Александр I заметил: «Неудобно рано приучать к крестам. Награды книгами, порядком замещения, медали и проч. удобнее». Награждение отличившихся учеников книгами стало одной из лицейских традиций»¹.

В воспоминаниях Ивана Сергеевича Денисьева (1845–1915), выпускника XXVIII курса, окончившего Лицей в 1866 году, подробно описан «церемониал выпуска», происходивший в большом зале: «Перед портретом основателя Лицея императора Александра I приготовлялся стол для начальствующих лиц и почетных гостей; стол этот покрывался красным сукном, обшитым золотою бахромою; на нем клались дипломы и свидетельства на медали, золотые и серебряные медали в раскрытых футлярах, шпаги и наградные книги... После прочтения директором Лицея, стоя, краткого отчета о количестве воспитанников, обучавшихся в отчетном периоде, выпускаемых и переводимых в следующие классы, следовал перечень имен и фамилий (по старшинству баллов) лиц, окончивших курс и получивших медали, а затем воспитанников, удостоившихся перевода в следующие классы и получивших награды. Выпускные, по мере произнесения директором их фамилий, подходили к столу, кланялись принцу [Ольденбургскому] и получали из его рук дипломы..., а потом еще раз подходили удостоенные медалей и получали таковые... Затем, по мере того как директор называл имена и фамилии воспитанников, получивших награды — книги, по старшинству баллов в каждом классе, те воспитанники подходили к столу и получали предназначенные им награды»².

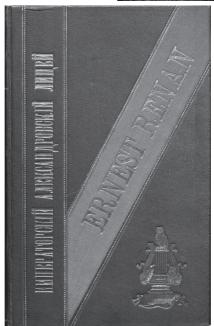
¹ *Павлова С.В.* Пушкинский Лицей: путеводитель. СПб., 2004. С. 79.

 $^{^2}$ Императорский Лицей в памяти его питомцев: Александровский Лицей (1844—1918) / сост. С.В. Павлова. СПб., 2011. С. 222—224.

«За время пребывания моего в Лицее, — вспоминает Денисьев, — я получил следующие наградные книги: при переходе в 3-й класс — сочинения Лермонтова и Некрасова, во 2-м классе — сочинения Белинского и в 1-м классе — сочинения Гоголя, Тургенева и «Физиологию обыденной жизни» Льюиса (перевод с английского); книги эти вместе с полученными мною в награду по поступлении в Лицей от С.В. Лямина сочинениями Пушкина я храню в моей библиотеке как дорогие воспоминания золотой поры моей жизни. На первом томе наградных книг, за подписью директора и секретаря Совета Лицея и с приложением печати, делалась соответственная надпись»³.

Эта традиция сохранялась и в более позднее время. В хронике «Лицейского журнала» кратко описан «годичный акт Лицея», прошедший 29 мая 1909 года: «По прочтении секретарем Лицея, А.А. Рубец, отчета за 1908/09 год, был объявлен Высочайший приказ о производстве в чины воспитанников LXV курса, коим были выданы аттестаты. Затем были объявлены имена воспитанников, переведенных из класса в класс, после чего Попечителем Лицея были розданы медали за лучшие сочинения, а также награды (книги и похвальные листы)»⁴.

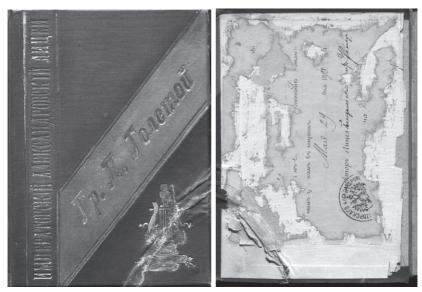
Для наградных экземпляров зачастую специально изготавливали темно-зеленые ледериновые переплеты со вставкой полосы красного цвета на передней крышке, с характерными золототиснеными декоративными элементами. В оформление переплета включен герб Лицея (два венка, дубовый и лавровый, олицетворяющие Силу и Славу, сова — Мудрость, лира — любовь к Поэзии; с девизом «Для Общей Пользы») и надпись: «Императорский Александровский Лицей». Форзацы книг — из плотной белой муаровой бумаги. Отличия в оформлении различных экземпляров незначительны. В книги часто вклеивались наградные листы.

В особые «лицейские переплеты» оформлены: четыре тома «Histoire des origines du christianisme» Ernest Renan (Paris, [1866–1883]), «Hésiode. Hymnes orphiques. Théocrite. Bion. Moskhos. Tyrtée. Odes anacréontiques» (переводы Сh.-М. Leconte de Lisle; Paris, 1869), седьмой том «Полного собрания сочинений» И.С. Тургенева (СПб., 1891), пять томов «Повестей, сказок и рассказов Кота-мурлыки» Н.П. Вагнера (СПб., 1891–1900,

³ Императорский Лицей в памяти его питомцев: Александровский Лицей (1844–1918). С. 224.

⁴ Лицейский журнал. 1908–1909. № 6. С. 395.

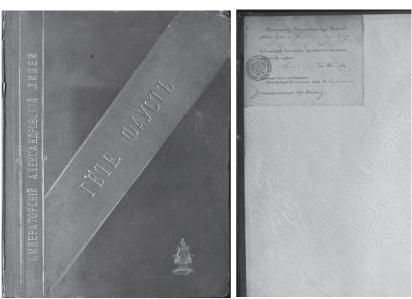

тома из трех разных изданий), ч. 1–2 «Сочинений графа Л.Н. Толстого» (Москва, 1897), «Sport et jeux d'adresse Henry René d'Allemagne» (Paris, 1904), восьмой том из суворинского издания «Сочинений А.С. Пушкина» ([СПб.], 1905).

К сожалению, на них нет наклеек с указанием имени награжденного воспитанника. В «Сочинениях графа Л.Н. Толстого» наградной лист 1898 года частично оборван, и мы не можем установить фамилию лицеиста, награжденного этой книгой.

Исключение составляет «Фауст» И.Ф. Гете (СПб., 1899) — книга большого формата, врученная в мае 1902 года Александру Александровичу Рубцу (1882–1956). На переднем форзаце на наградном листе: «Воспитаннику Императорскаго Александровскаго Лицея Александру Рубцу во внимание к благонравию, прилежанию и отличным успехам в науках. Мая 15 дня 1902 года. Директор Лицея, в должности Шталмейстера Высочайшего Двора А. Саломон. Секретарь конференции Арк. Яхонтов». А.А. Рубец окончил Лицей в 1903 году. Впоследствии в Императорском Александровском лицее был воспитателем, секретарем. Написал ряд книг по истории Лицея. Перед революцией проживал в Финляндии. В 1918 году переехал в Швецию, где преподавал русский язык и литературу в Упсальском университете, в правительственной

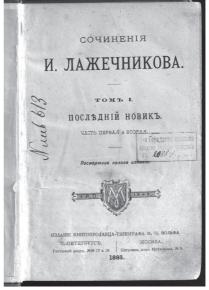

гимназии, в Стокгольмском университете. Книгу «Фауст» А.А. Рубец передал Ивану Гильшеру, сыну лицеиста Георгия Георгиевича Гильшера (1895–1945). Г.Г. Гильшер закончил Лицей в 1916 году, с белой армией эвакуировался в 1920 году в Константинополь, в 1923 году попал в США, жил в Нью-Йорке, где встретился с Ниной Евгеньевной Шимановской, родственницей Александра Рубца, с которой он был знаком еще с детства⁵. В 1927 году они поженились. У них было трое детей: Юрий (1928–1963), Иван (1930–2008) и Нина (род. 1939), в замужестве Солдатенкова. От Нины Георгиевны Солдатенковой книга и поступила в музей.

От прочих наградных лицейских книг по оформлению отличается первый том «Сочинений И.И. Лажечникова» (СПб., 1883), врученный Дмитрию Дмитриевичу Кобеко (1868–1914), сыну Дмитрия Фомича Кобеко, в 1888 году. Книга в картонном издательском переплете, оклеенном красным ледерином с тиснением и золототиснением на корешке и верхней крышке. Наградной лист помещен на обороте свободного листа переднего форзаца: «От Императорского Александровского Лицея воспитаннику Дмитрию Кобеко, за благонравие, прилежание

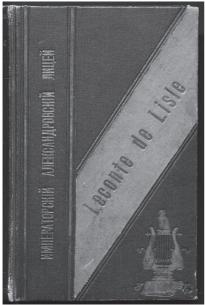

⁵ Лицейская энциклопедия. СПб., 2013. С. 162.

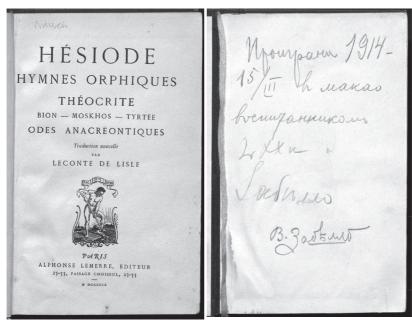

и отличные успехи в науках. 1888 г. июня 1 дня. Директор Лицея Н. Гартман. Секретарь совета П. Гедримович». Д.Д. Кобеко окончил Лицей в 1889 году с золотой медалью, служил в дальнейшем в Министерстве внутренних дел, был губернатором Тулы и Смоленска.

Любопытен провенанс книги «Hésiode. Hymnes orphiques. Théocrite. Bion. Moskhos. Tyrtée. Odes anacréontiques» (переводы Ch.-M. Leconte de Lisle; Paris, 1869), врученной, очевидно, лицеисту 70-го курса Владимиру Георгиевичу Забелло (1893–1918) и, как свидетельствует карандаш-

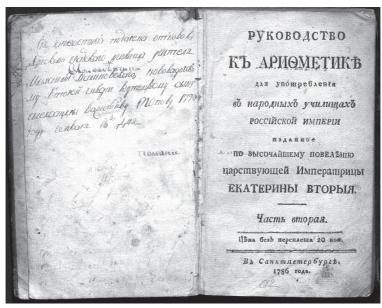
ная надпись на форзаце, проигранная им в 1914 году в макао. Впоследствии она принадлежала лицеисту М.М. Красовскому (1896–1951). Это также единственная книга из этой «группы», на переплете которой есть информация о переплетчике. На задней крышке оттиснуто: «Переплет Н.Ю. Рейхель. С.П.Б. Б. Конюшен. № 8».

Самые ранние книги, которыми награждали учеников в русских учебных заведениях, хранящиеся в фонде редкой русской книги, относятся к концу XVIII века.

Это часть вторая «Руководства к арифметике: Для употребления в народных училищах Российской империи» (СПб., 1786). Книга была подарена в 1790 году купеческому сыну Василию Попову, о чем свидетельствует запись на обороте свободного листа переднего форзаца: «сия арифметика подарена от новоладогскаго градоваго училища учителя Михаилы Малиновскаго, новоладогскому второй гильдии купецкому сыну Александры Васильиву Попову 1790 году генваря 18-го дня».

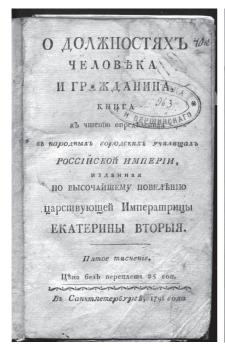
После организации в России народных училищ популярностью пользовалась книга Иоганна Фельбигера «О должностях человека

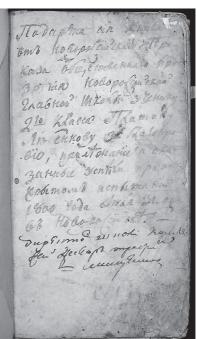

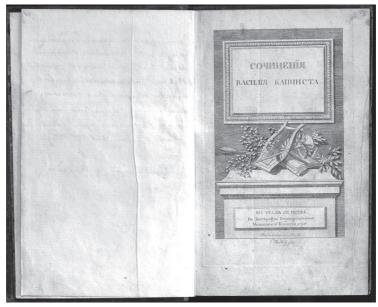
и гражданина» — кодекс моральных принципов и норм поведения. Книгу эту использовали как пособие для воспитания детей в духе требований императрицы Екатерины II во время всего срока обучения в училищах. В русском книжном фонде хранятся два экземпляра этого издания (1791 и 1796 годов). В 1800 году эта книга была подарена ученику Новороссийской главной школы Платону Лубенкову «за благонравие, прилежание и оказанные успехи при открытом испытании», а в 1805-м такую же книгу получил ученик Вышневолоцкого уездного училища Алексей Сорокин от старшего учителя Веревкина.

Большой редкостью является экземпляр «Сочинений Василия Капниста» (СПб., 1796) из собрания Всеволода Александровича Крылова. Карандашная надпись на обороте свободного листа переднего форзаца гласит: «Самое редкое издание сочинений Капниста...» На передней крышке цельнокожаного переплета помещена надпись: «За прилежание и благонравие», а также суперэкслибрис Горного кадетского корпуса. На чистом листе перед титульным: «Воспитанник Горнаго Кадетскаго

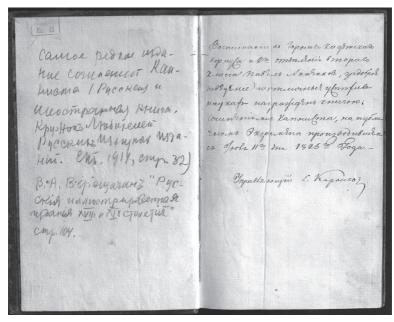

корпуса и 2-го отделения втораго класса Павел Анненков, за доброе поведение и отличные успехи в науках награжден книгою: Сочинениями Капниста, на публичном экзамене производившегося с июля 11-го дня 1825-го года. — Управляющий Е. Карнеев». Личность Павла Васильевича Анненкова (1813–1887), литературного критика, литератора и историка литературы, мемуариста представляет особый интерес для нашего музея. В течение многих лет Анненков занимался изучением рукописей, писем, черновиков и рисунков Пушкина, собирал воспоминания о поэте; итогом стали вышедший в 1855 году масштабный

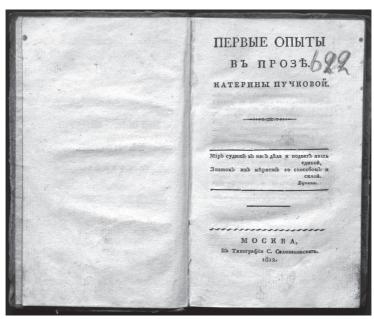

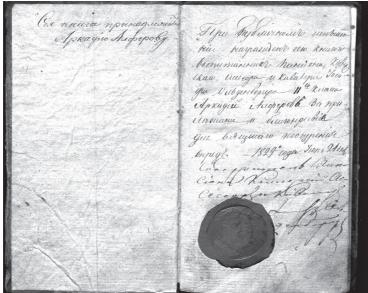

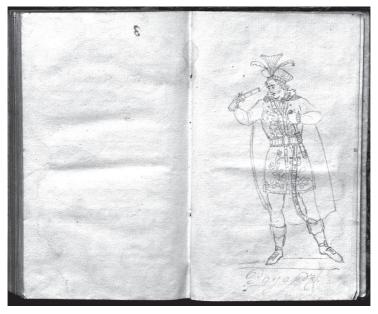
труд «Материалы к биографии Александра Сергеевича Пушкина», книга «Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху» (1874), а также собрание сочинений поэта в семи томах (1855–1857). Учебу в Горном институте Анненков не закончил, поступил впоследствии в качестве вольнослушателя на историко-филологический факультет Петербургского университета.

В собрании В.А. Крылова есть еще несколько наградных экземпляров. «Виргилиевы Георгики» (М., 1821) и «Разсуждение о воспитании древних народов...» Герасима Покровского (М., 1820) — книги, врученные воспитанникам Университетского благородного пансиона. Экземпляры в цельнокожаных переплетах. На передних крышках оттиснут суперэкслибрис Московского университета, в среднике задней крышки — «У.Б.П.» Любопытна книга Катерины Пучковой — «Первые опыты в прозе». Экземпляр в полукожаном переплете, не имеющем специального оформления. На свободном листе переднего форзаца: «При публичном испытании награжден сею книгою воспитанник пансиона, коллежскаго асессора и кавалера Иосифа Ольденборгера ІІ-го класса Аркадий Алферов за прилежание и благонравие для вящаго поощрения

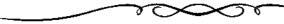

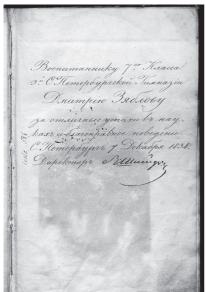

впредь. 1829 года июня 24 дня», приписка: «Содержатель пансиона коллежский асессор и кавалер Иосиф Ольденборгер» с красной сургучной печатью, а на приклейном листе переднего форзаца той же рукой выведено: «Сия книга принадлежит Аркадию Алферову». На пустом листе в конце книги владелец нарисовал карандашом иллюстрацию к одному из «опытов» Катерины Пучковой «Эдуард и София, или Жертва страсти и обольщения», изобразил главного героя Эдуарда, коварного обольстителя, который в финале, «возненавидя всё на свете, даже самого себя,... прекратил поносную жизнь свою пистолетным выстрелом»⁶...

В XIX веке награждали отличившихся учеников гимназий, училищ книгами В.А. Жуковского, И.А. Крылова, А.К. Толстого, А.С. Пушкина. В 1834 году воспитаннику первого класса 3-й Санкт-Петербургской гимназии Дмитрию Зяблову были подарены «Стихотворения В. Жуковского» (СПб., 1824). В 1889 году «Баснями И.А. Крылова» (СПб., 1887) педагогический совет Саратовского Александро-Мариинского реального училища наградил ученика первого класса Германа при переводе его

 $^{^6}$ *Пучкова Е.Н.* Первые опыты в прозе / Катерины Пучковой. М., 1812. С. 79.

ВАСНИ
И. А. КРЫЛОВА,

СЪ ВІОГРАФІЕВ АВТОРА, НАПІСАННОВ

П. А. ПЛЕТИВВЫМА.

ЛАМИЛЬ ТРЕТЬЕ ПОЛНОЕ ВИДИНЕ.

Одоброво для ученических бейзбичек средних и пинних учебних ванеденій министеретва Параданго Простанення.

СЪ РЕСУВЕАНВ В. С. НАНОВА.

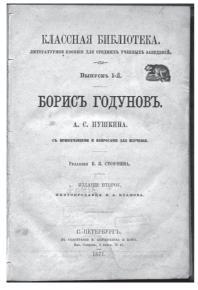
С. ВЕТЕРБУРТЬ.

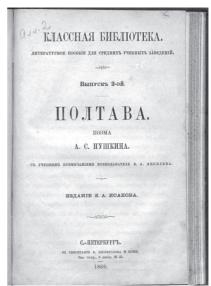
Воданію П. А. Второва.

1887.

Thearen weekin Columna Car promote demo Suckeringo Mapinareno promonous to bun mario omnomous to bun mario omnomous to mario o motedanie grenulas Thurseen Tymuna lipus noceanionato numadajo co ceo kumow neu negadajo usa 1º bo It kumeer Majo mario dus 1884 mario Supelemopit, legano

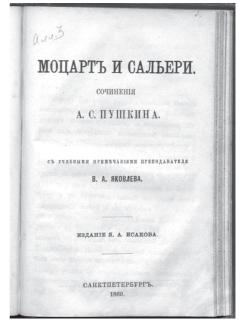

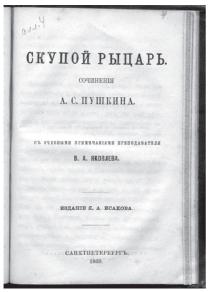

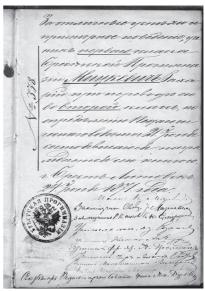
во второй класс за отличные успехи и поведение.

Брестской прогимназией в 1871 году Захарию Мицкевичу был вручен конволют, составленный из сочинений А.С. Пушкина, изданных книгопродавцем Я.А. Исаковым (СПб., 1869–1871). Экземпляр в переплете из красной кожи, на верхней крышке помещена надпись: «За благонравие и прилежание», на свободном листе переднего форзаца надпись черными чернилами: «За отличные успехи и примерное поведение, ученик первого класса Брестской Прогимназии Мицкевич Захарий при

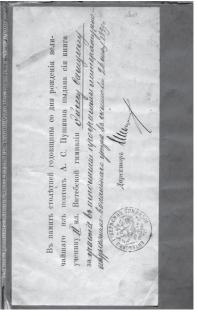

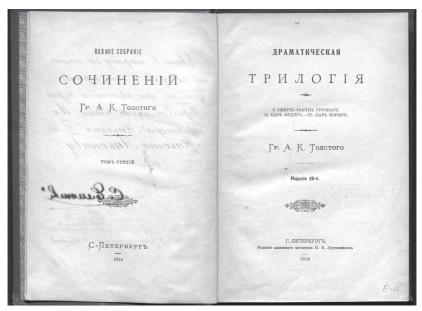

переводе его во второй класс, по определению Педагогического совета 21 июня состоявшегося награждается сею книгою. г. Брест-Литовск. 24 июня 1871 года». Надпись скреплена печатью прогимназии и подписями инспектора, секретаря педагогического совета и целого ряда учителей. А в 1899 году в память столетней годовщины со дня рождения А.С. Пушкина «Избранными сочинениями» (М., 1899) «за участие в исполнении программы литературно-музыкально-вокального утра в гимназии 26 мая 1899 г.» был награжден ученик Витебской гимназии Самуил Эйгис.

В конце XIX — начале XX века стали выходить даже каталоги книг, которые рекомендовались в качестве подарка для юного поколения. В ряде изданий печатались только списки книг, в некоторых же содержались подробные аннотации и даже советы, как правильно выбрать книгу для ребенка⁷. Книги делили по возрастам: книги для детей дошкольного,

⁷ Каталог книг для подарков. СПб., 1895; *Луковников П.В.* Книги для подарков. СПб., 1894; Детские книги для подарков, изданные В. И. Губинским. СПб., 1905; Детские книги для подарков продаются в книжном магазине И.Л. Тузова. СПб., 1905; *Либрович С.Ф.* Книга как подарок детям. СПб., 1910; Книги для подарков детям всех возрастов по беллетристике для семьи и школы. СПб., 1911.

младшего, среднего, старшего возраста, книги для подростков. Из отечественной литературы обычно советовали произведения А.С. Грибоедова, М.Ю. Лермонтова, В.А. Жуковского, Н.В. Гоголя, А.С. Пушкина, И.А. Крылова, Л.Н. Толстого, А.К. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, И.А. Бунина, И.С. Тургенева.

Самая поздняя по времени награждения книга, хранящаяся в музее, — это третий том «Полного собрания сочинений гр. А.К. Толстого» (СПб., 1914). Она была вручена 25 мая 1916 года Николаю Николаеву «в награду за отличное поведение и очень хорошие успехи при оконча-

нии курса Торговой школы имени Императора Николая II-го».

Надо сказать, что традиция дарить книги отличившимся ученикам сохранилась и после революции.

В собрании Всероссийского музея А.С. Пушкина есть и другие наградные экземпляры, коллекция продолжает пополняться.

Елена Приставкина

УЧЕБНИКИ И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ XVIII ВЕКА В СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ УНИВЕРСАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ ИМЕНИ А.Т. ТВАРДОВСКОГО

Восемнадцатый век — век важных свершений в сфере образования. Это заметно даже на уровне терминологии: именно в этот период в обиход входят такие понятия, как академия, университет, гимназия, школа, учебник, учитель. В фонде Смоленской областной универсальной научной библиотеки имени А.Т. Твардовского хранится около трехсот книжных памятников гражданской печати XVIII века, среди которых есть учебники и учебные пособия. Они представляют интерес не только содержанием, авторами или, скажем, обстоятельствами, при которых появились на свет, но и последующей судьбой, которая порой не менее увлекательна, чем сама книга.

Особую роль в образовательных реформах XVIII века сыграл выдающийся ученый и просветитель Михаил Васильевич Ломоносов (1711-1765). Одна из граней его просветительской деятельности создание учебников и методических материалов, которых ранее не было на русском языке. В 1760 году в Петербурге вышел в свет составленный Ломоносовым «Краткий российский летописец с родословием». Содержание этого фактически первого и самого популярного в годы правления Екатерины II учебника отечественной истории состоит в хронологическом перечислении российских правителей. Это уникальное издание, хранящееся в фонде нашей библиотеки, датировано 1760 годом. Примечательно, что указанная на титульном листе дата действительности не соответствует. Существуют три издания, датированные этим годом, но отличающиеся набором и орнаментикой. Экземпляр нашего издания отпечатан в 1775 году, дополнительным тиражом в количестве 1 200 экземпляров (см. фото в Приложении в конце статьи).

В фонде редких книг хранятся два учебника по истории и географии, составленные Филиппом Генрихом Дильтеем (1723–1781), первым профессором права в Московском университете, который в течение первых 10 лет представлял весь юридический факультет. «Первыя

основания универсальной истории с сокращенною хронологиею, в пользу обучающагося российского дворянства» Дильтея вышли в трех томах (1762-1768) в Москве при Московском Императорском университете. И титульный лист, и текст книги напечатаны параллельно на французском и русском языках. В книге помещен портрет Павла I, гравированный В. Иконниковым по рисунку М. Некрасова. В предисловии Дильтей указывает, что причиной для издания учебника послужил тот факт, что не было ни одной сокращенной истории, которой могло бы пользоваться юношество. Также он, указывая, что история — наука, которая требует «долговременнаго и беспрестаннаго труда»¹, разделил ее на двухлетнее обучение по два урока в неделю. Этот учебник издан и для того, по словам Дильтея, чтобы не тратить время на переписывание книг и не тратить деньги на их покупку. Написан учебник на французском и русском языках для того, чтобы он был полезен для приезжающих в Россию преподавателей, кто не знает русского языка, а также и для учащихся. Еще одной причиной было то, что сам Дильтей хотел «более упражняться в Российском языке, дабы зделаться способнейшим к оказанию услуги тому Государству, в котором я нахожусь»². В предисловии к третьему тому он еще раз указывает на пользу издания учебника на французском и русском языках, это — упражнение чтения, упражнение перевода, упражнение языка и изучение истории. В каждом томе напечатаны списки подписавшихся на издание. В нашей библиотеке хранятся все три тома.

Еще одна работа Ф.Г. Дильтея — «Детской атлас, или Новой удобной и доказательной способ к изучению географии» — первый полноценный учебник по географии в шести томах. В издании, выходившем с 1768 по 1777 год, содержатся краткие географические сведения и описания, рассказы о династиях, свершениях монархов. В Смоленской областной универсальной библиотеке хранится шестой том, где в первой части рассказывается об Азии, во второй — об Африке, в ретьей — об Америке. Тексты напечатаны на русском и продублированы на французском языке. В конце тома приведены списки учеников Дильтея. Это экземпляр из усадебной библиотеки Андрея Васильевича Энгельгардта (1780–1834) — полковника, героя Отечественной войны

 $^{^{1}}$ *Дильтей* Φ . Γ . Первыя основания универсальной истории с сокращенною хронологиею : в пользу обучающагося российскаго дворянства. Ч. 1. [М.], 1762. С. [19].

² Там же. С. [23].

1812 года. В начале войны по поручению Смоленского дворянства он ездил в Дрисский лагерь к императору Александру I за одобрением на создание в губернии ополчения, был старшим адъютантом князя Багратиона, сражался при Смоленске, отличился в сражении при Бородине. После окончания боевых действий вышел в отставку и проживал с семьей в Смоленске.

Хочется отметить еще один учебник для изучения истории — «Сокращенная универсальная история, содержащая все достопамятныя в свете случаи...» Гилмара Кураса (-1747), который был напечатан в 1762 году в типографии при Императорской Академии наук. Его автор — педагог, профессор Иоахимстальской гимназии в Берлине, один из учителей короля Пруссии Фридриха II. Это учебное пособие в 1747 году перевел с немецкого С.С. Волчков, а позднее по поручению Академии наук переработал Б.А. Волков. В издание добавили «Сокращенную Российскую историю» И.С. Баркова. Этот учебник был рекомендован М.В. Ломоносовым для учащихся Академической гимназии. В XVIII веке книга издавалась пять раз, что говорит о ее востребованности. По книге Кураса учились и представляли себе историю дети и молодые люди от 9 до 20 лет не только в середине XVIII века, но и в первой трети XIX века. Это выдающийся учебник отечественного образования XVIII — начала XIX века. Экземпляр Смоленской областной универсальной научной библиотеки, несмотря на указанную на титульном листе дату издания «1762», вышел вторым тиснением в 1778 году тиражом 1 000 экземпляров (отличие состоит в наборе и типографских украшениях).

«Основания в истории к обучению юношества» французского ученого, историка, географа, философа Никола Лангле дю Френуа (1674—1755) напечатаны в Санкт-Петербурге при Императорской академии наук в 1766—1767 годах в двух частях. Книга переведена с французского и «разделена на года и уроки». В нашем фонде редких книг хранится вторая часть. Первые 11 уроков рассказывают о Юпитере, Юноне, Венере и других божествах римского пантеона. Автор считает, что «надлежит иметь о слышанном сведение, но как к тому нет почти и ни единая басни, которая бы чего существительнаго в себе не имела, то и взял я труд, объяснить со всевозможною точностию...» Другие уроки знакомят с греческой историей древних веков и римской

 $^{^3}$ Лангле дю Френуа, Н. Основания в истории к обучению юношества: разделенныя на года и уроки. Ч. 2: Год 2. В Санктпетербурге, 1767. С. 1.

историей. Материал для удобства в обучении подан в виде вопросов — ответов. Во вступлении автор говорит, что «...те, кои познают совершенно начальные уроки в сей второй части изданныя, могут без сумнения приступить к чтению древних Греческих историков»⁴. Книга была передана в Смоленскую областную библиотеку из фонда библиотеки Смоленского государственного университета. Библиотека СмолГУ ведет свою историю с открытия в 1918 году одного из старейших университетов России.

В XVIII веке в программу русской общеобразовательной школы как отдельный учебный предмет входит естествознание, соответственно, возникает потребность в учебнике. В 1786 году Комиссия об учреждении училищ выпускает «Начертание естественной истории, изданное для народных училищ Российской Империи по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины Второй», составленное Василием Федоровичем Зуевым (1754–1794), географом и натуралистом, академиком Петербургской академии наук, профессором главного народного училища. Как ученый-путешественник он много сделал для описания неисследованных районов нашей обширной родины — как на севере, так и на юге. Первый русский учебник по естествознанию стал основным и единственным пособием по этому предмету. Автор собрал интересный подходящий для обучения материал, дал увлекательное описание растений и животных, встречающихся в России, и наряду с господствовавшими тогда морфологией и систематикой представил большой фактический материал об образе жизни растений и животных, об окружающей среде (то есть экологические сведения). Учебник был напечатан в двух частях, причем каждая часть была выпущена отдельным томиком. «Естественная история» включает в себя три раздела: «Ископаемое царство» («содержит в себе тела, доставаемые из земли» — Минералогия), «Прозябаемое царство» («заключает в себе тела на земле прорастающие» — Ботаника), «Животное царство» («причислятся тела, по земле встречающиеся» — Зоология)⁵. В последнюю часть включено и описание человеческого тела. Этот порядок изложения, впервые примененный Зуевым, оказался удачным и сохранился в школах вплоть до настоящего времени. Но для учебной литературы XVIII века такой

⁴ Лангле дю Френуа, Н. Основания в истории к обучению юношества: разделенныя на года и уроки. Ч. 2: Год 2. В Санктпетербурге, 1767. С. 3.

⁵ *Райков Б.Е.* Академик Василий Зуев, его жизнь и труды: к двухсотлетию со дня его рождения. М.; Л., 1955. С. 243.

порядок был необычен: немецкие и французские учебники того времени начинали изучение природы с животных, как наиболее близких к человеку, а затем переходили к растительному миру и минералам. В предисловии к учебнику даны указания учителю, как преподавать естествознание учащимся; таким образом, это первый опыт методического руководства. Иллюстративный материал В.Ф. Зуев взял из трудов Ж.Л. Бюффона, И.К. Шребера, П.С. Палласа. Учебник Зуева выдержал пять изданий и применялся в школах до 1828 года, когда естествознание было исключено из учебных планов в результате политической реакции, наступившей после восстания декабристов. Тираж первого и второго изданий книги составил 3 000 экземпляров, а последующих изданий 5 000 экземпляров. Гравюры печатались значительно меньшим тиражом, чем книга, и продавались отдельно. В нашем фонде первая часть 1786 года, а вторая часть 1794 года, которая вышла третьим изданием, и оба учебника без иллюстраций.

В числе пособий по естественным наукам стоит отметить учебник Христиана Николы фон Винсгейма (1694–1751) — русского астронома, действительного члена Петербургской академии наук, родившегося в Пруссии и с 1718 года проживавшего в России. «Краткая политическая география к изъяснению изданнаго на российском языке небольшаго атласа» Винсгейма была издана в 1745 году в Санкт-Петербурге при Императорской академии наук. Фактически это пояснение к небольшому географическому атласу, составленному под его руководством и изданному в 1742 году. Винсгейм участвовал в составлении первых карт Российской империи, собирал и переводил на русский язык географические известия из иностранных источников, читал лекции для геодезистов в Географическом департаменте. Термин «политическая география» в России утвердился после выхода в свет этого издания. На титульном листе экземпляра, хранящегося в нашем фонде, находится запись о принадлежности экземпляра епископу Смоленскому и Дорогобужскому Гедеону Вишневскому (1678–1761). Преосвященный Гедеон, один из образованнейших пастырей своего времени, управлял Смоленской епархией с 1728 по 1761 год6. В Смоленске его стараниями была открыта духовная семинария при Авраамиевском монастыре, а также учреждены школы в Дорогобуже, Белом, Рославле и Торопце. После

⁶ Сперанский И.П. Очерк истории Смоленской духовной семинарии и подведомых ей училищ со времени основания семинарии до ее преобразования по уставу 1867 года: (1728–1868). Смоленск, 1892. С. 5.

смерти Гедеона Вишневского книга Винсгейма была передана в библиотеку Смоленской духовной семинарии, ярлык о принадлежности к ней наклеен на форзаце. В библиографическом указателе «Редкие русские книги и летучие издания XVIII века» (М., 1905) издание отмечено как «большая редкость».

В 1787 году вышло в свет «Пространное землеописание Российского государства» Иоганна Фридриха Гакмана (1756–1812). Это один из наиболее полных и фундаментальных трудов того периода по общей географии России. Гакман преподавал географию членам императорского дома Романовых — великим князьям Николаю, Константину и Александру (будущему императору Александру I). Перевод с немецкого выполнил М.А. Матинский. Книга предназначена для обучения учащихся в народных училищах, выходила как с картами, так и без них. В «Пространственном землеописании» собраны сведения о пределах Российского государства, его пространстве, морях, качестве земель, климате. Четвертая глава посвящена внутреннему устройству государства и разделению его на наместничества, в ней есть материал о Смоленском наместничестве, что для нас имеет определенную ценность. Книга выдержала несколько переизданий. На форзаце и корешке нашего экземпляра есть ярлык Смоленской духовной семинарии, а на титульном листе штемпель Смоленского общества краеведения. Библиотека семинарии была одной из крупнейших в Смоленской губернии. В 1805 году ее фонд насчитывал 2 157 томов. Во время Отечественной войны 1812 года она была разграблена и сожжена. Большими усилиями была создана новая библиотека, в 40-х годах XIX века ее фонды составляли уже 3 000 книг. После событий 1917 года епархиальную библиотеку закрыли. Смоленское общество краеведения возникло в 1926 году по инициативе группы исследователей Смоленской губернии. Членами общества были смоленские историки-краеведы В.И. Грачев, Н.Н. Редков, В.П. Лапчинский. К моменту закрытия в 1930 году в библиотеке Общества насчитывалось около 2 000 томов по истории, географии, литературоведению и другим лисшиплинам.

В фонде Смоленской областной универсальной библиотеки хранятся также два издания «Краткого землеописания Российского государства» И.Ф. Гакмана 1787 и 1793 годов, предназначенного для народных училищ Российской империи. Это сокращенный вариант, составленный под руководством Федора Ивановича Янковича де Мириево на основе «Пространного землеописания Российского государства».

Федор де Мириево — сербский и российский педагог, реформатор образования. В 1782 году он переехал в Россию, где стал одним из руководителей Комиссии народных училищ. Под его руководством была проведена реформа образования в Российской империи и учреждена система народных училищ⁷.

Есть в нашем фонде и один из немногих учебников того времени для преподавания математики — «Теоретическая и практическая арифметика, в пользу и употребление юношества, собранная из разных авторов, вновь дополненная и исправленная» (1786) Дмитрия Сергеевича Аничкова (1733-1788). Эта книга была одним из немногих учебников для преподавания математики. Автор указывает, что в учебнике должно быть подробное «...понятие о математических истинах... и... часто упражняться в решении разных задач»8. Представленное здесь строго логическое построение арифметики снабжено разнообразными прикладными задачами и рекомендациями по их решению. В 1786 году вышло уже третье издание учебника, которое ранее неоднократно дополнялось и переиздавалось. Подробное изложение арифметики автор во многих случаях дополняет историческими и философскими вставками. Философия и математика были любимыми науками Д.С. Аничкова. Написанные им учебники по арифметике, алгебре, тригонометрии имели широкую известность в последней четверти XVIII века. Учебники Д.С. Аничкова довольно долго использовались в гимназиях Московского университета.

Для изучения математики предназначен и «Полный курс чистой математики» Ефима Дмитриевича Войтяховского (1742–1812). Этот четырехтомник составляют «Арифметика», «Геометрия», «Тригонометрия» и «Алгебра». В Смоленской областной универсальной библиотеке хранится третий том — «Тригонометрия» (1798). Учебники Войтяховского многократно издавались в течение почти полувека и служили пособием для среднеобразовательных школ в России. «Тригонометрия» переиздавалась четыре раза, последнее издание вышло в 1812 году. В учебнике автор вместе с изложением теоретического материала дает разобранное решение многих задач, также в нем приведены задачи для самостоятельной работы. Чтобы заинтересовать «упражняющихся

⁷ Антология педагогической мысли России XVIII века. М., 1985. С. 234.

⁸ Аничков Д.С. Теоретическая и практическая арифметика, в пользу и употребление юношества, собранная из разных авторов, вновь дополненная и исправленная. М., 1786. С. 9.

в математике», автор приводит большое количество разнообразных задач, занятно сформулированных и обработанных в национальном русском стиле. На нашем экземпляре имеется штемпель Смоленского общества краеведения.

Отдельный интерес представляют работы Христиана фон Вольфа (1679–1754), немецкого философа, математика, физика, почетного члена Петербургской академии наук. Вольф сыграл большую роль в создании Академии, содействуя приглашению в Санкт-Петербург видных европейских ученых. У него в Марбургском университете, а затем во Фрейберге в свое время учился М.В. Ломоносов, сохранивший на всю жизнь добрые чувства к этому человеку. Немецкий ученый обладал огромной эрудицией в самых разных отраслях, читал лекции по математике, астрономии, физике, оптике, механике⁹. В его работах по математике впервые появляются термины «уменьшаемое», «вычитаемое», «возведение в степень» и систематически используются точка как знак умножения и двоеточие как знак деления; ему же принадлежит термин «квадратное уравнение». В нашем фонде хранятся два учебных издания Христиана фон Вольфа — «Сокращение первых оснований мафиматики», том 1 (1770), и «Вольфианская теоретическая физика» (1760).

Помимо научных и учебных выпускались книги справочного и научно-популярного характера. К примеру, «Новое краткое понятие о всех науках, или Детская настольная учебная книга» — это учебник для детей с краткими сведениями о грамматике, поэзии, риторике, богословии, истории, политической географии и искусстве, вышедший в четырех частях в 1796—1797 годах в Москве. Авторы учебника — братья Нехачины, Дмитрий Васильевич (1765—1820) и Иван Васильевич (1771—1811). Иван Васильевич, московский купец и литератор, является автором и других учебников для детей в четвертом отделении размещен «Словарь исторический...», в котором указаны биографии лиц, упомянутых в книге, в том числе крупнейших русских писателей. В издании гравюры расположены на отдельных листах. На книге имеется суперэкслибрис имения Васильевское, а также запись Василия Орлова. Это имение находилось в Гжатском уезде Смоленской губернии. Свое

 $^{^9}$ *Глухов А.Г.* Ревнители просвещения России, X–XVIII века. М., 2007. С. 308.

 $^{^{10}}$ Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 (К–П). СПб., 1999. С. 345–346.

название оно получило по имени его первого владельца — графа Василия Орлова-Денисова, которому оно было пожаловано императором Павлом I в XVIII веке¹¹.

Самым значительным научно-популярным изданием XVIII века было десятитомное «Зрелище природы и художеств» (1784–1790). Первая в России подлинная энциклопедия по естествознанию и технике для юношества предназначалась для обучения детей «состоятельных семей высшего круга». «Зрелище природы и художеств» — это перевод книги «Schauplatz der Natur und der Kunste in vier Sprachen, deutsch, lateinisch, franzosisch und italienisch» Д.П. Войта (1747–1811), автора множества книг для детей и юношества, впервые выпущенной в Вене в десяти томах в 1774–1779 годах. Тираж издания 1 200 экземпляров. В энциклопедии излагались сведения о науках, искусствах, ремеслах и о различных явлениях природы. Важное место в издании занимают иллюстрации. Часть гравюр представляет собою повторение немецких оригиналов, а часть — оригинальные произведения русского гравировального искусства. Над гравюрами работали А.Я. Колпашников, А.Г. Рудаков, П. Балабин, Алексей и Иван Бугреевы, И.К. Майр. На гравюрах изображены люди, животные, чертежи различных орудий и механизмов. В нашей библиотеке хранится седьмой том этого издания, напечатанный в Санкт-Петербурге Императорской академией наук в 1787 году. В этом томе размещены статьи из разных областей знания: по физиогномии, анатомии, о ремеслах, о животных и растениях, о стихиях природы и др. Какая-либо система в подаче материала отсутствует. Каждая статья проиллюстрирована гравюрой. Термины, понятия подробно и доступно разъясняются. Например, о человеческой голове написано следующее: «Голова у человека справедливо почитается источником всех его внутренних и внешних чувств...» 12 А вот статья о студенте: «Студентами называют тех молодых людей, кои несколько лет пребывают в университетах для снискания себе знаний в преподаваемых тамо науках...»¹³ «Зрелище» является одним из лучших изданий научно-популярной литературы конца столетия.

Все представленные в этой статье издания имеют статус книжного памятника и являются национальным достоянием России. С их

¹¹ Книжные знаки в фонде Смоленской областной универсальной библиотеки: иллюстрированный каталог. Смоленск, 2006. С. 124.

¹² Зрелище природы и художеств. Ч. 7. В Санктпетербурге, 1787. С. [9].

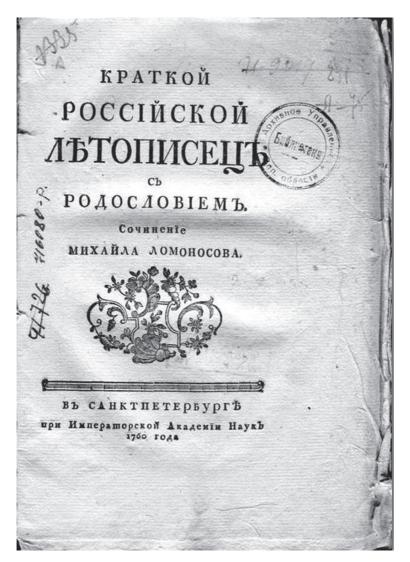
¹³ Там же. С. [71].

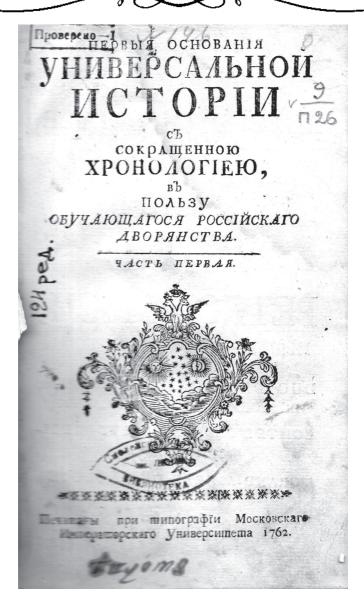
оцифрованными копиями можно ознакомиться на сайте Смоленской областной универсальной научной библиотеки имени А.Т. Твардовского в разделе «Электронная библиотека — читать онлайн». Также оцифрованные копии большинства изданий представлены на портале Национальной электронной библиотеки в проекте «Книжные памятники» в открытом доступе. «НЭБ. Книжные памятники» был создан в рамках реализации федерального проекта «Цифровая культура» национального проекта «Культура» в 2019 году. В течение шести лет в рамках этого проекта планируется оцифровать 48 000 книжных памятников, хранящихся в библиотеках, из разных регионов России. Свободный доступ читателей к этим ресурсам дает возможность познакомиться с учебниками всем желающим, окунуться в прошлое, узнать много нового.

Приложение

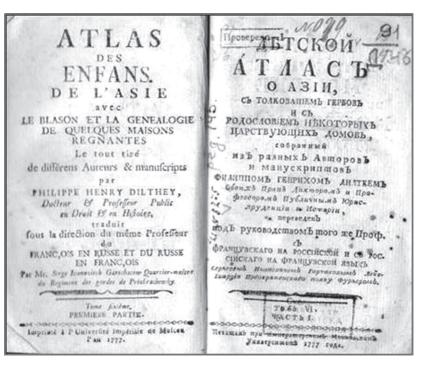

М.В. Ломоносов. Краткой российской летописец с родословием. СПб., 1760

Дильтей. Первые основания универсальной истории... Ч. 1. М., 1762

Дильтей. Детской атлас о Азии, с толкованием... М., 1777

2000L

8888

ГИЛМАРА КУРАСА сокращенная УНИВЕРСАЛЬНАЯ ИСТОРІЯ,

содержащая

всь достопамятные вы свыть случаи

оть сотворентя Мтра по нынвшиее время,

со многимь пополнениемь

вновь переведенная

и съ пріобщеніемъ краткой

РОССІЙСКОЙ ИСТОРІИ

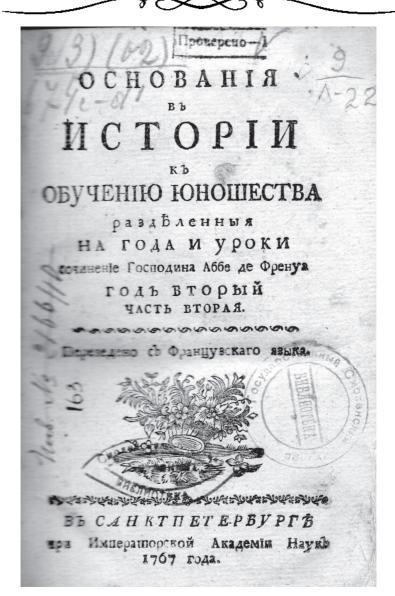
вопросами и ошвЪтами

вы пользу учащагося юношества вторымь тиснентемь папечатанная.

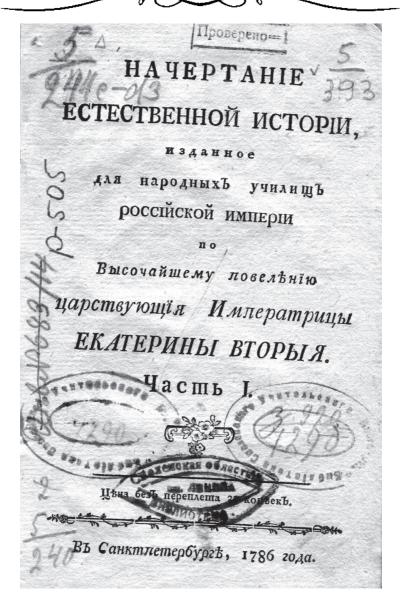
CXXICXXICXXICXXICXXICXXICXXI

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЬ, при Императорской Академии Науко 1762 года.

Г. Курас. Сокращенная универсальная история... СПб., 1762

Н. Лангле дю Френуа. Основания в истории к обучению юношества... СПб., 1767

В.Ф. Зуев. Начертание естественной истории... Ч. 1. СПб, 1786

Преверско

КРАТКАЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ТЕОГРАФІЯ

кЪ

ИЗЪЯСНЕНІЮ

ИЗДАННАГО НА РОССІЙСКОМЪ ЯЗЫКЪ НЕбольшаго

ATAACA,

сочиненная

для употребленія

гимназїи

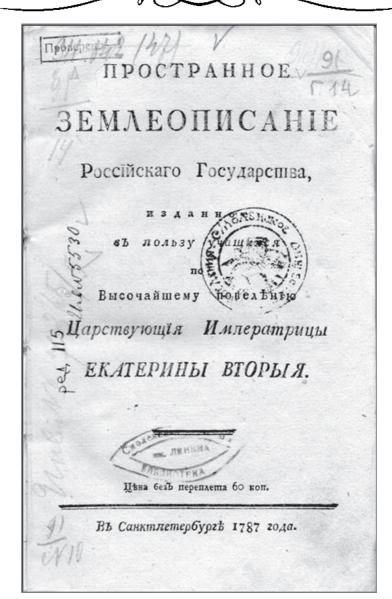
при императорской академии

SIGNATULENA

BE CAHKTHETEPEYPTB 1745. FOAA.

Gedeonis Wiszniowski Episcopi Smolenssensis. emptus. Kop. 75. Anno 1744. Decemin

X. Винсгейм. Краткая политическая география... СПб., 1745

И.Ф. Гакман. Пространное землеописание Российского государства... СПб., 1787

KPATKOE V 9

ЗЕМЛЕОПИСАНІЕ

Россійскаго Государства,

изданное.

ELL

Народных В Училищъ Россійской Имперіи

по Высочайшему Повельнію.

Царствующія Императрицы

EKATEPUHLI BTOPLIA.

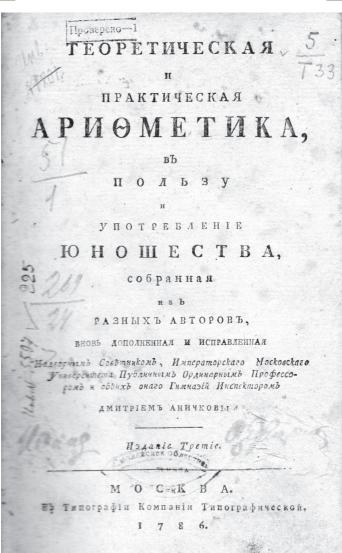
Ціна безь переплента:

Безъ картъ 25 коп. - Съ картами 50 кон.

Въ Санкипешербургъ 1787 года.

И.Ф. Гакман. Краткое землеописание Российскаго государства... СПб., 1787

Д.С. Аничков. Теоретическая и практическая арифметика... М., 1786

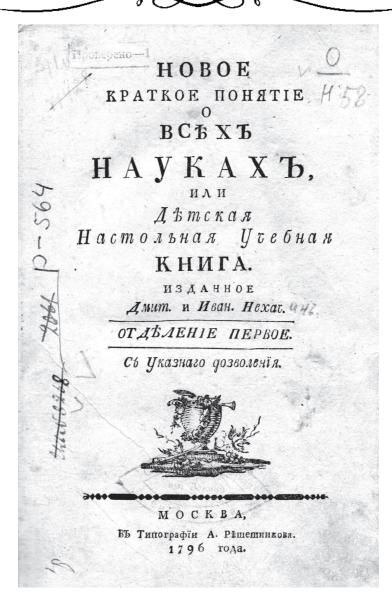
полный курсъ чистой МАТЕМАТИКИ, сочиненныи Аршиллерїи Шшыкъ-Юнкеромъ и Машемашики паршикулярнымъ учишелемъ Ефимомь Войтяховскимь, въ пользу и употревленте Ю НОШЕСТВА и упражняющихся вь Машемашикь. ТОМЪ ТРЕТІЙ. ИСПРАВЛЕННЫЙ и новымь порядкомь расположенный

МОСКВА,
Въ Университетской Типографіи,
у хр. Ридизера и хр. Клауділ.
1798 года.

Е.Д. Войтяховский. Полный курс чистой математики... М., 1798

X. Вольф. Вольфианская теоретическая физика. СПб., 1760

Д. Нехачин, И. Нехачин. Новое краткое понятие о всех науках, или Детская настольная учебная книга. М., 1796

зрълище

3 _ 89

природы

И

ХУДОЖЕСТВЪ.

4 ACT b VII.

BE CAHKTHETEPE YPIE,

Иждивентемъ Императорской Академти наукъ, 1787 года.

Яна Осинина

ПО СТРАНИЦАМ ЗАБЫТЫХ УЧЕБНИКОВ

Учебная литература второй половины XIX— начала XX века и ее интеграция в образовательный процесс современной школы

Школьные учебники — это особенные книги, так как именно они оказывают большое влияние на формирование мировоззренческого и культурного уровня учащихся. Этим объясняется повышенный интерес к учебным книгам и пособиям прошлого не только у педагогов, но и у специалистов разных областей знания.

В Региональном центре по работе с редкими и ценными документами Псковской областной универсальной научной библиотеки имени В.Я. Курбатова хранится немало выпущенных в разные годы оригинальных и факсимильных изданий, имеющих прямое отношение к образовательному процессу.

На состоявшейся в сентябре 2021 года выставке «По страницам забытых учебников» экспонировалось более 50 отечественных изданий, выпущенных на рубеже XIX—XX веков. Кроме дореволюционных учебных книг и пособий для средних и высших учебных заведений по отечествоведению, истории, выразительному чтению, теории словесности, арифметике, геометрии, физике, зоологии, ботанике, географии, гигиене, физиологии, музыке, пению, домоводству, рукоделию, хрестоматий по русской литературе и русскому языку, иллюстрированных определителей и атласов по естественной истории демонстрировались издания с экслибрисами и суперэкслибрисами различных учебных заведений, несколько выпусков псковского педагогического журнала «Единая школа» за 1919 год, годовые отчеты 1888—1907 годов о состоянии Псковского епархиального женского училища, а также факсимильные издания наиболее известных учебников раннего периода.

Экспозицию по достоинству оценили посетители, что и побудило нас к дальнейшей работе с учебной литературой. Была предпринята попытка собрать всё самое нужное и полезное из опыта обучения некоторым предметам в отечественной школе прошлых столетий и показать возможности применения прежних знаний в современных условиях.

На основе 23 изданий был разработан цикл интерактивных занятий под названием «Библиоуроки», рассчитанный на учащихся средних учебных заведений. Стоит отметить, что существует несколько версий подачи материала, адаптированных к уровню учеников четырех возрастных групп: 7–8, 9–11, 12–14 и 15–18 лет.

Библиоуроки — это культурно-просветительские мероприятия в формате школьных уроков, на которых дети и подростки не только знакомятся со старыми учебниками, историей их создания и бытования конкретных экземпляров, узнают интересные факты биографий авторов, составителей, книгоиздателей, но и выполняют задания различной степени сложности из этих книг.

Интерактивные занятия с использованием учебной литературы прошлого способны обеспечить развивающий эффект в современной школьной среде. Постараюсь обосновать данное утверждение исходя из личного опыта. Ниже приводится лишь малая часть наработок.

Цикл «Библиоуроки» включает шесть занятий:

- 1) словесность (чтение и письмо),
- 2) отечествоведение,
- 3) математика (арифметика и геометрия),
- 4) естествознание (зоология и ботаника),
- 5) музыка и пение,
- 6) домоводство и рукоделие.

Продолжительность каждого составляет сорок минут. Здесь рассмотрим четыре из них.

Словесность (чтение и письмо)

Замечено, что ученикам любого возраста интересно слушать о первом учебнике для восточных славян — «Азбуке» Ивана Федорова (ок. 1510—1583). Демонстрация уменьшенного воспроизведения издания из нашего фонда всегда вызывает бурю эмоций. Школьники без особых трудностей осваивают буквы старославянской азбуки благодаря коротким рассказам преподавателя о некоторых из них: почему, например, «ять» была нелюбимой буквой всех гимназистов, что значит «прописать ижицу», как связаны «ферт» и «фита» и т. п.

 $^{^1}$ *Федоров И.* Азбука. М., 1977. [95] с. 85 × 60 мм, факсимильное издание книги 1574 года.

Слушать про книги, не имея возможности их читать, — огромная несправедливость. Реакция школьников на предложение «почитать из старой книги» то, что когда-то читали их ровесники, всегда одинакова. Читать хотят все, особенно ученики начальных классов. Это доказывает, насколько важно современным детям и подросткам держать в руках настоящую книгу!

С детьми 7–10 лет после рассказа об «Азбуке» Л.Н. Толстого (1828–1910) мы упражняемся в чтении отрывков с буквами «ять» и «ер» из сборника писателя «Сказки, басни и рассказы для маленьких детей»². Один ученик читает вслух, остальные угадывают название произведения. В качестве подсказок на экран выводятся отсканированные иллюстрации из книги, исполненные художником В.А. Маныкиным-Невструевым. Некоторые произведения дети узнают с первых строк: «Красная шапочка», «Три медведя», «Мальчик-с-пальчик», «Филиппок», многие слышат впервые: «Липунюшка», «Большая печка», «Лев и собачка», «Старая лошадь».

Одно из любимых занятий подростков на наших библиоуроках — пробираться сквозь дебри гражданского шрифта и замысловатого нагромождения слов из факсимильного издания первого в России светского учебника для дворянских детей «Юности честное зерцало»³, составленного в 1717 году по приказу Петра I. Сложно сказать, что приводит их в больший восторг: возможность прочесть текст трехсотлетней давности и понять написанное или бурно обсудить правила светского этикета для отроков и девиц тех лет, описанные в книге.

В 1916 году в Петрограде в помощь учителям русского языка вышел в свет «Учебник выразительного чтения»⁴, предназначавшийся для учащихся низших классов средних мужских и женских учебных заведений. Его составитель Анатолий Иванович Долинов (1869–1945), актер и режиссер с многолетним опытом преподавания художественного чтения, собрал в этом руководстве все правила и законы выразительного чтения, последовательно расположив их в сопровождении обширных комментариев. Для закрепления теории он разместил более 150 упражнений,

 $^{^2}$ *Толстой Л.Н.* Сказки, басни и рассказы для маленьких детей / рис. В.А. Маныкина-Невструева. М., 1913.

³ Юности честное зерцало. М., 1976. Факсимильное издание книги «Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению» (СПб., 1717).

 $^{^4}$ Долинов А.И. Учебник выразительного чтения: элементарный курс: с приложением Образцовой хрестоматии. Пг., 1916.

§ 26. Упражненіе.

Прочитайте внятно нижесльдующія слова медленно, сльдите за тьмь, чтобы согласные звуки, если они стоять рядомь, произносились внятно, каждый отдъльно, не сливаясь другь съ другомь*).

БаБочка. БаБушка, ВаВочка. ВноВомВремени, НрафСТвенный, ХудожеСТВенный. ЯФСТвенный. УПраВЛеніе, ЯВАмСКажу, ЯВАмПокажу. НаБлю Деніе. ОБраМЛять, ОБраМЛенный. ОТПлевываться. ОТКрещиВаться, отстоять. ОТСТаиВаться. МилостиВый, АПТека. ПраВительСТвенный,

НаПышенный. СаМоВнушеніе, физичесКоВоВоспитанія, ВзВинченный, ВзВизгивать. ВзГромоЗДить, НаВЗНичь. ВЗБредеть. ВЗДрагивать, ВЗДремнуть. СаМоМНъніе. Аппартаментъ, АпоплекТическій. Аппаратъ, СкеПТическій, ИнсТиТутъ. УНиВерсИТеТъ, АППЕЛЛЯЩОННЫЙ.

ВМЪСТВеТъмъ.

ПополЗНоВеніе.

Произнесите слыдующія фразы, выговаривая ясно: Мнѣ Не надѣлАла Бъ Вреда. Сюда, по ноВымъйимъ Волнамъ. Что НоВоВо Въ Москвѣ? Четырестопный ЯМБъ МНѢ нАдоѣлъ.

Учебник выразительного чтения А.И. Долинова. Упражнение 26

вынеся часть практического материала в приложение в виде образцовой хрестоматии.

По этой книге мы с детьми не только формируем, но и отрабатываем навыки выразительного чтения, используя, например, такое упражнение:

«Для того чтобы хорошо прочитать какую-либо вещь, прочитать ее так, чтобы это доставило всем полное удовольствие, чтобы это было выразительно (или художественно), нужно,

- 1) чтобы вас было слышно;
- 2) чтобы было понятно ваше чтение;
- 3) чтобы можно было себе представить и почувствовать то, о чем сказано в стихотворении или рассказе» ^{5} .

То, что молодежь нужно воспитывать на лучших образцах русской литературы, — непреложная истина во все времена. Так считал инспектор московской 11-й гимназии Иосиф Карлович Линдеман (1860 — после 1928). «Песнь о вещем Олеге» А.С. Пушкина он относил к произведениям, способным заинтересовать юношество и возбудить вопросы, для разрешения которых требуется много наук и дисциплин. «Здесь имеют повод высказаться и филология, и история литературы, и история, и археология, и зоология. Такое изучение баллады расширит кругозор ученика и наглядно покажет ему, каким широким образованием надо располагать для полного понимания даже такого, казалось бы, нетрудного произведения» 7, — пишет он в предисловии к книге.

Настоящее издание предназначалось для младших классов средних учебных заведений и для народных училищ, представляя собой удачный пример комплексного разбора произведения родной литературы. Линдеман уверяет: «Полезно бывает избрать предметом изучения одно произведение, но проштудировать его основательно, вдумчиво разобрать его во всех отношениях и по всем направлениям, постараться дать себе строгий отчет в каждом слове, в каждой мысли. Я глубоко убежден, что на изучении одного такого произведения можно значительно двинуть вперед развитие ученика»⁸.

⁵ Долинов А.И. Учебник выразительного чтения: элементарный курс: с приложением Образцовой хрестоматии. Пг., 1916. С. 9.

⁶ Пушкин А.С. Песнь о вещем Олеге: копия рукописи поэта: с 27 рисунками в тексте. М., 1915.

⁷ Там же. С. 4.

⁸ Там же.

Объяснительные примечания научного характера, написанные Линдеманом, дополнены в книге многочисленными рисунками, приведена карта Скандинавии. Однако уникальным издание делает специально снятая копия рукописи А.С. Пушкина, что дает возможность войти «в самую лабораторию поэта» и погрузиться в процесс его творчества. На последней странице напечатаны ноты кантаты «Песнь о вещем Олеге» Н.А. Римского-Корсакова.

Труд Линдемана неизменно приковывает к себе внимание учащихся. Примечательно, как живо дети реагируют и на трогательную дарственную надпись на форзаце: «Моей милой доченьке. Папа — Миня». А ради того, чтобы еще раз полистать эту книгу, один из юных читателей вместе с мамой посетил нашу «взрослую» библиотеку.

«Систематический указатель книг для детей и юношества» из восьми отделов, выпущенный в Петрограде в 1915 году, явился результатом 12-летней работы комиссии по детским книгам литературно-издательского отдела Подвижного музея учебных пособий. В фонде редких книг нашей библиотеки хранится первая часть указателя — «Сказки». Редактором издания выступила Ольга Иеронимовна Капица (1866—1937), педагог, специалист по детской литературе и фольклору, которая оказала большое влияние на многих детских писателей начала XX века.

В данной части дается обстоятельный обзор русской и иностранной сказочной литературы с перечислением лучших книг и книг «среднего достоинства». Сказки распределены по нескольким возрастным группам в зависимости от степени их трудности: для детей младшего, среднего, старшего возраста, а также для подростков 15–17 лет.

«Систематический указатель...» вызывает неподдельный интерес у учителей начальной школы и у преподавателей русского языка и литературы. Педагоги увлеченно сравнивают список «особенно желательных книг» вековой давности, приведенный в книге, с курсом литературы современной школы.

Отечествоведение

Отечествоведение — это старое название предмета, сообщавшего общие исторические, географические, экономические и другие сведения о родной стране. Дисциплина являлась обязательной частью гимна-

 $^{^9}$ Систематический указатель книг для детей и юношества. Ч. 1. Сказки / под ред. О.И. Капицы. Пг., 1915.

зического курса. На рубеже XIX–XX веков самым популярным учебным пособием по этому предмету являлся шеститомник «Отечествоведение: Россия по рассказам путешественников и ученым исследованиям» 10, составленный географом, педагогом, писателем Дмитрием Дмитриевичем Семеновым (1834—1902). В него вошли отрывки из сочинений знаменитых ученых, рассказы и очерки путешественников, сопровождавшиеся богатым статистическим материалом. По мнению современников писателя, «Отечествоведение» стало главным трудом Д.Д. Семенова благодаря значительной информационной наполненности, простой и ясной манере изложения. Большая часть содержащихся в учебнике сведений не утратила своей актуальности и в наши дни.

По первому и пятому томам учебного пособия — «Северный край и Финляндия» и «Великорусский край» — нами подготовлен тематический лекционный материал о родной стране. Так, в рамках школьного часа разбираются такие темы, как «Народы (самоеды, чуваши)», «Сельские праздники», «Промыслы (бурлаки, офени)», «Водные географические объекты (Волга, Ладожское озеро)». Многие факты вызывают у детей удивление и недоумение, например, прежние названия жителей некоторых русских городов:

«Архангельцы — моржееды, шанежники.

Псковичи — капустники, мякинники, ершееды.

Смоляне — крупенники.

Туляк — стальная душа.

Владимирцы — каменщики, клюковники.

Ярославцы — красавцы, белотельцы, песенники, запевалы, чистоплюи.

Ростовцы — огородники, птичники.

Крымцы — селедники, садовники.

Астраханцы — икорники, белужники.

Тверитяне — цуканы (вприглядку с сахаром чай пьют)».

Дети неизменно обращают внимание и на пословицы о городах — Москве, Петербурге, Новгороде, Пскове:

¹⁰ Семенов Д.Д. Отечествоведение: Россия по рассказам путешественников и ученым исследованиям: учебное пособие для учащихся. В 6 т. Т. 1: Северный край и Финляндия. СПб., 1873. Суперэкслибрис: «П.У.С.». Штемпель: «Библиотека Псковского педагогического института»; Т. 5: Великорусский край. М., 1879. Штемпели: «Псковская уездная земская управа», «Библиотека Псковского педагогического института».

«Где Святая София, там Новгород, а где Троица — тут Псков.

В Москву бресть — последнюю копейку несть.

Славна Москва калачами, Петербург усачами.

Древний Новгород и Псков — господа (а Новгород был даже Господин-Государь).

Новгород — отец, Киев — мать, Москва — сердце, Петербург — голова».

На основе представленных в учебнике сведений школьники охотно выполняют многочисленные интеллектуальные упражнения, направленные на расширение кругозора в области этнографии. Одно из таких — правильно вставить название народа (чуваш, тунгус, русский человек, цыган, татарин, калмык) в текст поговорки:

- «... либо насквозь хороший, либо насквозь мошенник.
- ... под собой кобылу съел. Ай, молодца: широка лица, глаза узенька, кость пятка.
  - ... что голоднее, то веселее.

Где два оленя прошло, там ... большая дорога.

- ... хоть сто человек, все вместе говорят.
- ... любит авось, небось да как-нибудь».

Другое — сыграть в игру «Правда ли, что...»:

«Правда ли, что...

- ...меха и шкуры занимали первое место из торговых товаров средневекового Новгорода?
- ...офеня это на Руси наемный рабочий, который тянет речные суда бечевою против течения реки или когда нет попутного ветра?
- ...Ладожское озеро в северо-западной части Европейской России является самым большим из европейских озер?
- ...онучи, шушун, армяк традиционные блюда рязанских крестьян?
- ...самая важная и громадная промышленность жителей Астрахани это рыбная ловля?»

Суперэкслибрис «П.У.С.» на корешке первого тома указывает на принадлежность его библиотеке Псковской учительской семинарии. Учебное заведение, открытое в 1874 году, готовило учителей начальных школ, в 1919 году его объединили с Псковским учительским институтом.

Математика (арифметика и геометрия)

Для библиоурока взяты за основу прижизненные издания выдающихся отечественных педагогов-математиков Емельяна Игнатьевича Игнатьева (1869–1923), Семена Ильича Шохор-Троцкого (1853–1923) и Андрея Петровича Киселева(1852–1940).

Книгу для семьи и школы «В царстве смекалки, или Арифметика для всех»¹¹ Е.И. Игнатьев написал в начале XX века с целью широкого распространения математических знаний и введения их в повседневный обиход. Она быстро стала знаменитой и до сих пор не теряет своей популярности. Подтверждением является ее неоднократное переиздание, а также запись неустановленного лица на форзаце: «Книга очень хорошая».

Труд содержит большое количество занимательных задач разной степени сложности. Они решаются с привлечением минимальных сведений из области арифметики и геометрии, но требуют сообразительности и умения логически мыслить. Каждая часть трехтомника содержит задачи-загадки, задачи-шутки, головоломки, сказки, детективные и фантастические рассказы, притчи, исторические справки, научные размышления, поражающие творческой оригинальностью и художественной постановкой заданий.

Несмотря на то, что с даты выхода «Арифметики для всех» в общественном устройстве нашей страны произошли значительные изменения и некоторое реалии того времени давно устарели, книгу смело можно рекомендовать современным детям и взрослым как отличное пособие для нескучного изучения математики и эффективный тренажер для совершенствования математических знаний.

По этой книге учащиеся начальной школы изучают «тарабарскую грамоту» — вид тайнописи, бывшей в употреблении в Древней Руси. Уяснив смысл тарабарщины, они пишут на ней разные слова (например: человѣкъ — гесошѣтъ, лѣсъ — сѣлъ, медвѣдица — рецшѣцида) или занимаются процессом дешифровки с тарабарского на русский (амизрекита — арифметика, щѣста — бѣлка, химазъ — жирафъ и т. п.).

Школьники постарше и учителя с удовольствием решают остроумные задачи и примеры из этого же учебника, кажущиеся, на первый

¹¹ *Игнатьев Е.И.* В царстве смекалки, или Арифметика для всех: книга для семьи и школы. В 3 кн. Кн. 3. Пг., 1915.

взгляд, невероятно сложными из-за непривычного звучания обыкновенных дробей, например:

Задача 18-я. «Богатство гасконца».

«У приезжего гасконца оценили богатство: модный жилет с поношенным фраком в три алтына без полушки, но фрак вполтретья дороже жилета; спрашивается каждой вещи цена?» (Ответ: цена фрака $6\frac{1}{4}$ коп., цена жилета $2\frac{1}{2}$ коп.)

Задача 20-я (ее, по слухам, любил давать на экзаменах император Николай I).

«Куплено сукна полторажды полтретья аршина, заплачено полчетверажды полпята рубли; спрашивается, сколько должно заплатить за полсемажды полдевята аршина того же сукна?» (Ответ: 232 руб. 5 коп.)

Выдержавший более 40 изданий до или после революции «Систематический курс арифметики» ^{12} — один из главных учебников законодателя школьной математики А.П. Киселева.

Выпущенное с некоторыми улучшениями материала 12-е издание включает семь разделов, посвященных отвлеченным и именованным целым числам, делимости чисел, обыкновенным и десятичным дробям, отношениям и пропорциям. В приложении рассматриваются приближенные вычисления, приводится таблица простых чисел.

Обратившись к этому учебнику, современные школьники узнают, какие единицы измерения использовались в дореволюционной России, и выполняют математические действия с ними. Например, сложение (300 верст 8 вершков плюс 250 верст 80 саженей 2 аршина 12 вершков) или вычитание (3 пуда 18 фунтов 15 лотов 2 золотника минус 2 пуда 10 фунтов 18 лотов 1 золотник).

Пополнить знания по геометрии сегодня можно с помощью книги для учащихся «Геометрия на задачах» С.И. Шохор-Троцкого, педагога, стоявшего у истоков реформы школьного образования в области преподавания математических наук в конце XIX века. Издание вышло в двух книгах. Одна предназначалась для учителей и содержала упражнения, которые ученики должны были выполнять под руководством учителя. В другую книгу — для учащихся — вошли упражнения, которые ученики должны и могут сделать самостоятельно. Такое разделение пресле-

¹² Киселев А.П. Систематический курс арифметики. М., 1900.

 $^{^{13}}$ *Шохор-Троцкий С.И.* Геометрия на задачах: книга для учащихся. Вып. 1. М., 1909.

довало цель упорядочить учебный материал и сделать планомерной как работу учителя, так и работу ученика.

На библиоуроке применяется книга для учащихся. Из нее с учениками начальных классов мы выполняем упражнение № 2 (с. 1) на формирование понятия «прямая линия»: «Возьмите кусок бумаги, сложите его пополам и карандашом проведите линию по внутреннему сгибу. Какая это будет линия: прямая или нет? Проведите линию по наружному сгибу бумажки, которую вы сложили пополам, и посмотрите сквозь развернутую бумажку на свет. Сколько вы увидели линий: одну или две? Если вы увидели две, что это значит? Что нужно сделать, чтобы прямую линию провести как раз по сгибу? Не лучше ли это сделать с помощью линейки? Нельзя ли линейку сделать из другого куска бумаги? Деревянная или металлическая линейка лучше?»

Любопытно, что поводом для оживленных обсуждений на занятиях всегда становятся правила поведения на уроках геометрии, перечисленные Шохор-Троцким в разделе «Несколько слов для учащихся» (с. 13–14). Вот только некоторые из них:

«Карандаши чините не во время занятий, а до начала урока.

Всякий чертеж, как и всё, что вы делаете, вы должны выполнять старательно, т. е. так, чтобы вы потом могли смело сказать, что сделать его лучше вы не были в состоянии.

Когда чего-нибудь не понимаете в классе, спросите учителя. Когда чего не понимаете дома, сначала запишите в домашней тетради, чего вы не понимаете, и на следующий день спросите об этом учителя в начале урока».

Естествознание (ботаника и зоология)

Библиоурок по естествознанию, т. е. окружающему миру, строится на материалах дореволюционных учебников ботаники и зоологии.

У детей начальных классов бессменным книжным фаворитом является школьная и семейная хрестоматия по зоологии «Чудеса животного мира»¹⁴ ученого и писателя Петра Евгеньевича Васильковского (1878–1938). Совместно с лучшими отечественными писателями того времени — Л.Н. Толстым, И.А. Гончаровым, С.Т. Аксаковым — он

¹⁴ *Васильковский П.Е.* Чудеса животного мира: (Зоология для всех): хрестоматия для чтения в семье и школе. СПб., 1911.

создал уникальную модель учебника, главы которого своим названием напоминают главы захватывающего романа (например, «Ужасный бич», «Соперники соловья», «Сила слабых»). Автор подбирал материал так, чтобы обеспечить легкое и доступное детям всех возрастов чтение. Вот почему в книге почти всё внимание уделено уму и нравам животных, а не их анатомии.

Хотите увидеть искренний детский восторг и неподдельный интерес — смело берите книгу Васильковского. Благодаря непривычной и увлекательной авторской подаче научного материала дети всегда с нескрываемым энтузиазмом слушают полные чудес рассказы о шалостях природы. Подмечено, что из всего разнообразия заданий им больше всего нравится угадывать животных по названиям глав. Например, кого в царстве животных считают ненавистниками солнца и виновниками волшебных дождей, кто такие пернатые кошки и водяные полулюди, что это за удивительные ивановы червячки и сухопутные рыбы. Любопытные зоологические факты, развернутые комментарии библиотекаря и личные наблюдения, которыми щедро начинают делиться школьники, — и библиоурок пролетает на одном дыхании! Кстати, роскошный, с золотым тиснением, переплет книги, выполненный в той самой петербургской мастерской А.А. Шнеля, клиентом которой был император Николай II и члены его семьи, производит на детей не меньшее впечатление.

Изучать разнообразие живых организмов на Земле мы продолжаем с помощью «Атласа для элементарного изучения естественной истории» составленного преподавателем Первой Московской гимназии Владимиром Васильевичем Григорьевым (1830–1901). Детям одинаково нравится как рассматривать многочисленные иллюстрации с забавными, на их взгляд, названиями животных на русском языке (например, тихоход — ленивец, парадиска — райская птица, птица-муха — колибри, электрический гнюс — скат), так и узнавать историю бытования нашей книги, находившейся до революции в фонде библиотеки Псковской военной прогимназии (суперэкслибрис «Б.П.В.П.»), которая в 1882 году получила статус кадетского корпуса (экслибрис-наклейка «Псковский кадетский корпус»).

Знакомиться с представителями фауны, угадывая их по описательным отрывкам, можно предложить и учащимся постарше. Для этой

 $^{^{15}}$ *Григорьев В.В.* Атлас для элементарного изучения естественной истории. М., 1866.

цели прекрасно подходит снабженный рисунками лучших художников и граверов тех лет «Учебник зоологии» 16, на материале которого нами разработаны задания с последующей демонстрацией правильного ответа в виде изображения из книги. Например: «Общественные насекомые. В некоторых общинах разделяются на 2 класса: настоящие рабочие и воины, которые различаются между собой строением тела. Бескрылые неутомимые рабочие выполняют все работы. Трудолюбие их вошло в пословицу. Они всегда находятся в движении и за работой и даже ночью часто не отдыхают. Другие сословия проводят время преимущественно в наслаждениях» (ответ — муравей).

Автор учебника — замечательный педагог и крупнейший методист естествознания Александр Яковлевич Герд (1841–1888) — прославился стремлением развивать у учеников самостоятельность в познании.

Подобные задания — определить растение по описанию или изображению — используются и для расширения кругозора учащихся в области ботаники. В качестве источников взяты «Карманная книга явнобрачных растений Санктпетербургской губернии»¹⁷, составленная воспитателем при Императорском училище правоведения Эмилием Христиановичем Шнейдером, трехчастный иллюстрированный определитель «Флора Европейской России»¹⁸ Бориса Алексеевича Федченко (1872–1947) и Александра Федоровича Флерова (1872–1960), а также «Краткий учебник ботаники»¹⁹ заслуженного профессора и популяризатора науки Ивана Парфеньевича Бородина (1847–1930). Созданный по поручению Департамента земледелия применительно к программе преподавания ботаники в земледельческих училищах, этот учебник пользовался огромной популярностью у ботаников, агрономов, врачей

 $^{^{16}}$ *Герд А.Я.* Учебник зоологии: для среднеучебных заведений и самообразования. В 2 ч. Ч. 1: Беспозвоночные. СПб., [1883].

¹⁷ Шнейдер Э.Х. Карманная книга явнобрачных растений Санктпетербургской губернии. СПб., 1858. Экслибрис-наклейка: «Псковский кадетский корпус». Штемпель: «Библиотека Псковского Учительского института». Суперэкслибрис: «Б.П.В.П.»

¹⁸ Федченко Б.А., Флеров А.Ф. Флора Европейской России: иллюстрированный определитель дикорастущих растений Европейской России и Крыма. В 3 ч. Ч. 3: Вторичнопокровные: с 493 рисунками в тексте. СПб., 1910. Штемпель: «Библиотека Псковского Сергиевского реального училища». Суперэкслибрис: «Б.П.С.Р.У.».

¹⁹ Бородин И.П. Краткий учебник ботаники. СПб., [1916].

и только при жизни автора переиздавался 13 раз. Многие сведения из него представляют ценность и в наши дни.

Приводим примеры «ботанических» заданий, разбираемых с детьми на уроке:

«Сорный многолетник с вертикальным корневищем, розеткою вырезных листьев и желтыми корзинками на длинных стрелках. Растение с горьким млечным соком. Корневище заменяют цикорий, а листья дают салат» (ответ — одуванчик; Бородин, с. 113);

«Высокий летник с яйцевидными листьями и огромными корзинками желтых цветов, почти без хохолков. Разводится на семена, служащие лакомством и дающие масло» (ответ — подсолнечник; Бородин, с. 115);

«Вечнозеленый ползучий кустарничек до 30 см длины. Листья небольшие, продолговатые, острые, по краю завернутые, снизу сизозеленые. Плод красный. По моховым болотам» (ответ — клюква; Федченко, с. 728).

Ответы учеников позволяют сделать вывод, что они лучше ориентируются в зоологии, чем в ботанике. Узнавание растений, встречающихся в нашей местности, часто вызывает серьезные затруднения. Тем важнее развивающий эффект наших занятий.

* * *

Подведем промежуточные итоги.

С ноября 2021 по апрель 2022 года было проведено 47 библиоуроков для более чем 1 200 учащихся младших, средних и старших классов общеобразовательных учреждений города Пскова и Псковского района. Мероприятия получили положительные отзывы как от учителей, активно включавшихся в процесс «библиообучения», так и от детей — непосредственных участников занятий. Вот только один из них: «Библиотечный урок с использованием редких учебных изданий — это настоящая находка! Такая подача информации вызывает у всех детей интерес к истории, а некоторых заставляет задуматься о своей собственной учебе. Марина Сильвестрова, педагог-библиотекарь школы № 11 г. Пскова».

Думается, что сегодня, в свете пристального внимания к обновлению идеи преподавания школьных предметов, учебники и пособия из фонда редких книг Псковской областной универсальной научной библиотеки имени В.Я. Курбатова окажут необходимую помощь всем, кто интересуется методическим и преподавательским опытом прошлого.

по итогам исследовательской и научной работы

Анатолий Давыдов, Галина Симакина

К ИСТОРИИ ФАМИЛЬНОЙ РЕЛИКВИИ ТРИГОРСКОГО

В собрании мемориальных вещей Тригорского самая старинная — наградная кружка¹, пожалованная Екатериной II первому владельцу Тригорского, деду П.А. Осиповой-Вульф М.Д. Вындомскому. Эта фамильная реликвия поступила в Пушкинский Заповедник в 1964 году от правнука Е.Н. Вревской (урожденной Вульф) Б.М. Вревского. Серебряная, вызолоченная внутри, с откидной крышкой, на трех круглых ножках, она имеет высоту 19 см, диаметр 13 см, вес 1 037,5 г.

По имеющемуся на днище клейму² это работа гамбургского мастера конца XVII — начала XVIII века. По характеру барочного орнамента мифологических личин по ее тулову время изготовления кружки можно отнести к концу XVII века. Однако тонкий кружевной узор в стиле ренжемент по ободу крышки позволяет датировать изготовление этой замечательной вещи первой четвертью XVIII века³.

Медаль, вмонтированная в середину крышки, позднейшего русского происхождения. На ее лицевой стороне изображение императрицы Елизаветы Петровны, по окружности медали текст «Б.М. Елизавет I императ. и самодер. Всеросс». На внутренней — аллегория победы России над Турцией. Целая серия подобных медалей была задумана еще в царствование Елизаветы, но первые их отливки, выполненные медальером при Академии наук Георгом Христианом Вехтером, появились при Петре III. Может быть, поэтому на оборотной стороне медали вы-

¹ В документах, семейной переписке существует также название «кубок», а в музейной практике «жбан». Последнее недопустимо.

² Oivis, Von Jan. Markenzeichen aus Silber. Praga, 1978. P. 193. № клейма 1566.

³ Искусствоведческая консультация и атрибуция М.Д. Малченко (Государственный Эрмитаж, хранитель музея Петра I).

Кружка М.Д. Вындомского. 1965 год. Из фондов Пушкинского Заповедника

гравированы инициалы И.П.Ф. (т. е. император Петр Федорович) и слова, как бы от него исходящие: «в нем (кубке) найдешь меня и деда» (т. е. Петра I).

Сама медаль, вделанная в кружку-кубок Вындомского, исполнена, как следует из надписи, медальером-копиистом Василием Климентовым, работавшим в мастерской Академии наук в 60–70-е годы XVIII века⁴.

Такими наградами дорожили, гордились, иногда они выручали семейство в трудные времена. В 1817 году внучка Максима Дмитриевича Вындомского Прасковья Александровна прибегает к залогу значительного количества серебра весом полтора пуда. В залог были отданы 126 изделий — в основном предметы столового серебра. Под № 2 значится «кружка вызолоченная — одна, вес 2 фунта 51 золотник», что соответствует весу тригорской реликвии⁵.

⁴ Подробная консультация по медали Е.С. Щукиной (Государственный Эрмитаж, заведующая отделом серебра).

⁵ Реестр серебра, посланного из Тригорского для залога в Санкт-Петербурге апреля 10 дня 1817 года // Институт русской литературы (Пушкинский Дом) (ИРЛИ) РАН. Рукописный отдел. Ф. 133. Ед. хр. 2309. Л. 1.

Любопытна история бытования этого семейного раритета. И Борис Михайлович Вревский, последний владелец кружки, и его матушка Наталья Павловна были уверены, что кружка находилась в Голубове, имении Вревских, в начале XX века, куда попала из Тригорского. На самом деле она попала в Голубово несколько окольными, но всё-таки родственными путями через Н.И. Шенига, который в 1827 году женился на баронессе Софье Николаевне Сердобиной, единокровной сестре Бориса Александровича Вревского, мужа Е.Н. Вульф с 1831 года.

Внебрачные дети князя Александра Борисовича Куракина Вревские и Сердобины наследовали обширные вотчины в Псковской губернии. Софье Николаевне достается село Духово в Островском уезде с деревнями и 785 душами крепостных.

Николай Игнатьевич Шениг (1797–1860)⁶ в 1830 году выходит в отставку с чином полковника, живет в Духове — сперва наездами, знакомясь с родней и соседями, впоследствии постоянно. Осенью 1836 года Е.Н. Вревская пишет из Голубова брату А.Н. Вульфу: «Уехал от нас Николай Игнатович с намерением совсем сюда на житье на будущий год. Он заменил Пушкина в сердце Маши. Она целые три дня плакала об его отъезде и отдает ему такое предпочтение над поэтом, что и сравнивать их не хочет…»⁷

Человек широких умственных и жизненных интересов, страстный коллекционер исторических документов, он становится предметом дружеского (а может быть, и более серьезного) расположения Марии Ивановны Осиповой. До конца своей жизни Шениг поддерживает дружеские отношения с тригорскими обитателями, беседует с ними о Поэте, выпрашивая у Прасковьи Александровны его автографы. Летом 1854 года Прасковья Александровна Осипова дарит ему фамильную реликвию — наградную кружку Вындомского⁸. Подарок сопровождался большим письмом из Тригорского с новостями, многочисленными поклонами, рассуждениями о погоде и т. д. Фрагмент этого

 $^{^6}$ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 57. Д. 174. Л. 14–17; *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. Л., 1989. С. 495–496.

⁷ Пушкин и его современники. Пг., 1914. Вып. 19–20. С. 108.

⁸ В публикации статьи (см.: Псковский летописец. 2012. № 1 (6) 2012. С. 23) мной был неправильно прочитан инициал дарителя и автора письма. Это дар хозяйки Тригорского Прасковьи Александровны Осиповой. — **Прим.** Г.Ф. Симакиной.

неопубликованного письма цитируем: «Поздравляю вас с приездом Сергея Николаевича⁹ и желаю, чтобы во время его у вас пребывания вы вспомнили обо мне как искренней участнице всего, что может быть вам приятным. Прошу принять от меня кубок времен Елизаветы. Вы любите старину и мне очень приятно вам его предоставить. Эти все дни были так жарки, что мне не хотелось с ним посылать человека... но сейчас здесь (в Тригорском) уже часа три как продолжается гроза такая необыкновенная, как и вся погода нынешнего лета»¹⁰.

Впоследствии племянница С.Н. Шениг, дочь ее брата Михаила, Мария Михайловна Сердобина вышла замуж за Степана Борисовича Вревского, сына Евпраксии Николаевны. Именно через нее елизаветинская кружка-кубок становится собственностью этой ветви рода Вревских, принадлежа сначала ее сыну Михаилу Степановичу, а затем внуку Борису Михайловичу Вревскому, от которого она «вернулась» в Тригорское¹¹.

Таким образом, удалось проследить и прояснить судьбу фамильной реликвии от момента ее пожалования М.Д. Вындомскому, который исполнял секретную конфиденциальную царскую миссию, многие годы охраняя в Холмогорской крепости «Брауншвейгское семейство» — императора Иоанна VI Антоновича, свергнутого Елизаветой Петровной, его мать Анну Леопольдовну, отца Антона Ульриха Брауншвейгского¹².

В годы михайловской ссылки А.С. Пушкина наградная кружка хранилась в Тригорском, как и Рескрипт¹³, данный М.Д. Вындомскому в 1762 году Екатериной II. Она жаловала ему за верную службу из дворцовой волости земли Егорьевской губы с деревнями и 1 085 душами

 $^{^{9}}$ Бароны Сергей и Михаил Николаевич Сердобины — шурины Н.И. Шенига.

 $^{^{10}\,}$ Российский институт истории. Санкт-Петербургское отделение. Коллекция 165. Д. 20. Л. 10–12.

¹¹ Б.М. Вревский так объяснял загадочную надпись «в нем найдешь меня и деда»: «Если выпьешь всё содержимое, то встретишься со своими предками на том свете» (письмо от 15.08.1987, архив авторов).

¹² Семевский М.И. Иоанн VI Антонович (1740–1764). Очерк из русской истории // Отечественные записки. 1866. Т. 165. № 3. Отд. 1. С. 530–558. Кстати, другой двоюродный дед П.А. Осиповой по материнской линии Е.П. Кашкин допрашивал пленного Мировича, который организовал побег Иоанна VI из Шлиссельбургской крепости. Портрет Е.П. Кашкина находился в Тригорском в пору михайловской ссылки А.С. Пушкина.

¹³ *Семевский М.И.* Прогулка в Тригорское. СПб., 2008. С. 70–71.

крепостных и награждала М.Д. Вындомского чином генерал-майора. Вплоть до революции Рескрипт бережно хранился среди фамильных бумаг Тригорского.

Пушкин живо интересовался историей своего отечества, воспринимая ее как историю своего рода и других дворянских родов. Известен интерес А.С. Пушкина к историческим «анекдотам» — вряд ли он мог упустить возможность расспросить внучку М.Д. Вындомского Прасковью Александровну о русской «железной маске»¹⁴, к чьей судьбе был причастен ее дед.

 $^{^{14}}$ *Ремарчук В.В.* Заметка Пушкина о «железной маске» // Исследования и материалы. Л., 1982. Т. 10. С. 316–317.

Галина Симакина

ПОИСКИ И НАХОДКИ. ПСКОВСКАЯ ПОМЕЩИЦА Н.Г. ВУЛЬФ

Продолжая изучение и обследование дворянских усадеб пушкинского времени, группа научных сотрудников Пушкинского Заповедника в конце 1987 года обнаружила в селе Елины Островского района у Покровской церкви могилу и хорошо сохранившееся надгробие из черного мрамора в виде стелы с надписью:

На сем месте погребена поручица Надежда Гавриловна Вульф скончавшаяся 8 июня 1849 г. в своем сельце Борзово на 65 году от рождения

От невестки и внучат

Этот факт был полной неожиданностью для нас, включая меня, многолетнего хранителя Тригорского. Мы воспринимали Надежду Гавриловну Вульф, урожденную Борзову, жену Ивана Ивановича Вульфа, хозяйку села Берново Тверской губернии, мать Нетти Вульф и невестку П.А. Осиповой-Вульф, как тверскую знакомую поэта.

Надежда Гавриловна хорошо известна в пушкинской литературе как тверская знакомая А.С. Пушкина. Ее живописный портрет давно находится в экспозиции Дома-музея Осиповых — Вульф, как и три портрета ее родственников, условно названных портретами «тверских Вульфов» (имена изображенных не были известны). В справочной литературе¹ даты жизни ее не указываются, нет упоминаний о ней и в «Провинциальном некрополе»².

 $^{^1}$ *Пушкин А.С.* Письма 1815—1833 годов / под ред. и с примеч. Б.Л. Модзалевского. М. ; Л., 1926—1928. Т. 1, 2; М. ; Л., 1935. Т. 3; Пушкин и его современники / примеч. М.Л. Гофмана. Пг., 1915. Т. 21, 22; *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. Л., 1975.

² Вел. кн. Николай Михайлович. Провинциальный некрополь. М., 1914.

Надежда Гавриловна Вульф. ПЗ-КП-834

Надпись на надгробии является единственным источником, который устанавливает границы жизни Н.Г. Вульф. Архивные документы несколько проясняют ее биографию.

Надежда Гавриловна, как выяснилось, родилась в 1784 году в семье действительного статского советника и кавалера Гаврилы Карповича (иногда ошибочно называемого Кирилловичем) и Прасковьи Григорьевны Борзовых, которые были дворянами Санкт-Петербургской губернии. В Псковской губернии у них, однако, тоже были имения: Г.К. Борзову принадлежало в Псковском уезде в десяти деревнях 200 душ мужского пола и в Опочецком уезде часть деревни Арапово³, а матери — ее имение в селе Приказ Порховского уезда и имение в деревне Запольский Ям Пожеревицкого погоста⁴, которое она приобрела в 1797 году. Со временем всё это станет собственностью Надежды Гавриловны⁵.

В 17 лет Надежда Гавриловна вышла замуж. Свидетельство о браке гласит: «Генваря 7 числа 1801 года лейб-гренадерского полка подпоручик Иван Иванович Вульф повенчан с дочерью д. ст. советника и кавалера Гаврилы Карповича Борзова девицею Надеждой Гавриловной в окологородной Николаевской церкви (что на Острове) г. Новгорода» 6. Ее жених, служивший в одном полку с ее братом П.Г. Борзовым, был старше Надежды Гавриловны на пять лет. Брак был неудачным.

«Женившись очень рано на богатой и хорошенькой девушке, несколько-летней жизнью в Петербурге расстроил свое имение. Поселившись в деревне, оставил жену и завел гарем из крепостных девок, в котором и прижил с дюжину детей, оставив попечение о законной своей жене. Такая жизнь сделала его совершенно чувственным и ни к чему другому не способным», — свидетельствовал в своем «Дневнике» его племянник Алексей Николаевич Вульф⁷. Портрет Ив. Ив. Вульфа работы художника Плотникова, хранящийся во Всероссийском музее А.С. Пушкина в Санкт-Петербурге, подтверждает эту характеристику.

³ Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 180; Ед. хр. 348.

⁴ Там же. Ед. хр. 461. Л. 21.

⁵ Там же. Ед. хр. 619. Л. 11–18.

⁶ Там же. Ф. 110. Оп. 1. Ед. хр. 188. Свид. о браке № 1642. Л. 78.

 $^{^7}$ Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. 21–22. Пг., 1915. С. 64.

А.С. Пушкин в письме к А.Н. Вульфу вспоминает одалисок Ивана Ивановича и его специфическую диету (XIV, 50).

Надежда Гавриловна подолгу жила в Петербурге: так, в 1828 году гостила у родственников⁸ — А.Н. Вульф постоянно навещает там тетушку, выполняет ее поручения; в 1835–1836 годах она жила у зятя Василия Ивановича Трувеллера, бывала и в своих псковских имениях. Псковской помещицей она стала в 1813 году после гибели своего брата П.Г. Борзова: «...служивший в лейб-гренадерском полку из дворян Санкт-Петербургской губернии майор Петр Гаврилов Борзов по Высочайшему повелению 20 октября 1812 года исключен того же полка из списков умершим от понесенной им в сражении раны»⁹.

Петр Гаврилович Борзов был ранен в сражении под Смоленском, о храбром его поведении в последнем бою упоминается в истории лейб-гренадерского полка¹⁰. Портрет П.Г. Борзова также находится в экспозиции Дома-музея Осиповых — Вульф в Тригорском.

После смерти П.Г. Борзова «394 души мужского пола в Псковском, Островском, Опочецком и Торопецком уездах Псковской губернии» достались его сестре Н.Г. Вуль ϕ^{11} .

Архивные, в том числе церковные, документы называют Петра Гавриловича Борзова, а с 1813 года его сестру владельцами сельца «Дубёнкино, Борзова тож» (дворня 11 душ мужского пола и 13 душ женского пола) и деревень Абрамово, Маховино, Гунино Островского уезда¹².

Имение Борзово располагалось в 20 км за городом Островом по Динабургскому тракту, или старой Литовской дороге. Местоположение имения очень живописно: на берегу реки Утрои, притока реки Великой. Вблизи погоста Елины ныне никаких следов сельца Борзово не обнаружено.

Некогда здесь был господский одноэтажный деревянный, крытый и обшитый тесом дом, чуть меньше¹³ дома в Михайловском — длина 7,

⁸ Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. 21–22. Пг., 1915. С. 11, 21, 31, 33, 35.

⁹ ГАПО. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 307.

 $^{^{10}}$ *Пузанов Н.Н.* История лейб-гвардии гренадерского полка. СПб., 1845. С. 128–144.

¹¹ ГАПО. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 307.

¹² Там же. Ф. 39. Оп. 7. Ед. хр. 70; Ед. хр. 98.

¹³ Там же. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 619. Л. 68.

ширина 6 саженей (для сравнения: михайловский 8 и 6 саженей соответственно). Он имел два крыльца, двое сеней внутри и один балкон. Дом окружал большой сад. Из надворных построек в архивных документах упомянуты четыре флигеля, несколько амбаров, конюшня, каретный сарай, водяная мельница, мельницкая изба, погреб, скотные дворы, гумно, пуня для сена¹⁴ — словом, всё необходимое для ведения натурального хозяйства. Сравнение описи сельца Борзово с описью сельца Михайловского¹⁵ убеждает в том, что Борзово было типичным псковским поместьем средней руки. Любопытная деталь: несмотря на близость церкви, в сельце Борзово была часовня с образом Параскевы.

Надежда Гавриловна умерла в своем любимом псковском имении Борзово, оставив после себя в Псковской губернии в уездах Островском, Опочецком и Псковском всего 245 душ «мужеска» пола 16. Среди ее наследников деловые бумаги называют ее сына Николая, вдову ее другого сына Петра с малолетними детьми, а также в узаконенных частях ее мужа Ивана Ивановича Вульфа и внучку его, девицу Надежду Васильевну Трувеллер (дочь Нетти Вульф) 17, впоследствии в замужестве за титулярным советником Иваном Федоровичем Серапиным.

Памятник на могиле Н.Г. Вульф поставлен ее невесткой Елизаветой Матвеевной Вульф, которая вместе со своими семью детьми и унаследовала имение Борзово. Так нашла в Псковской земле возле церкви, построенной в 1791 году во имя Покрова Пресвятой Богородицы, место своего последнего упокоения знакомая А.С. Пушкина Н.Г. Вульф.

Известно, что Пушкин неоднократно навещал П.А. Осипову-Вульф в ее тверском имении Малинники и перезнакомился с ее многочисленными родственниками, в том числе с владелицами Бернова. В письме к «любезному Ловласу Николаевичу» (т. е. А.Н. Вульфу) от 16 октября 1829 года из Малинников поэт упоминает Берново, рассказывая о своем пребывании в Старицком уезде (XIV, 49–50).

В мемуарной литературе известен рассказ владельца Бернова Николая Ивановича Вульфа. «Однажды мать Н.Г. (Надежда Гаври-

¹⁴ ГАПО. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 619. Л. 68–71.

¹⁵ Щеголев П.Е. Пушкин и мужики: неизданные материалы. М., 1928.

¹⁶ ГАПО. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 144. Л. 28–29.

¹⁷ Там же. Л. 30–34.

ловна, урожд. Борзова) долго и сильно упрашивала Александра Сергеевича прочесть вслух что-нибудь из своих стихов. После долгих отказов Александр Сергеевич, по-видимому, согласился и пошел за книгой: придя с книгой, он уселся и начал, к ее удивлению и разочарованию, читать по стихам псалтырь» 18. Пушкин был знаком с детьми Н.Г. Вульф: Александром (р. ок. 1802—1803), Петром (р. 1.07.1804), Екатериной (р. 26.06.1805), Анной (Нетти, р. ок. 1809—1810) 19, Николаем (р. 16.11.1815).

В передаче тверских краеведов дошла запись из «Дневника» В.В. Черкашениновой, одной из соседок Вульфов: «Однажды, будучи в Бернове, Пушкин заинтересовался портретом Н.Г. Борзовой, который висел в гостиной. На вопрос, кто это так хорошо написал портрет, Надежда Гавриловна ответила, что автором портрета был их крепостной человек, из дворовых. Пушкин пожелал видеть крепостного художника, но Иван Иванович заметил, что этот живописец три года назад был продан помещику Рачинскому»²⁰. Может быть, речь шла о портрете, который находится в экспозиции Пушкинского Заповедника в Домемузее Осиповых — Вульф в Тригорском. Он поступил туда в 1959 году от Ясиновской, бравшей уроки музыки у сестер Бубновых, Анны и Варвары, мать которых Анна Николаевна Вульф была дочерью мемуариста Николая Ивановича Вульфа, а сами сестры, следовательно, — правнучки Надежды Гавриловны.

Через год в Пушкинский Заповедник поступили живописные портреты работы неизвестных художников: отца Н.Г Вульф — Гаврилы Карповича Борзова, действительного статского советника и кавалера ордена Св. Анны II степени с бриллиантами (на шее) и ордена Св. Владимира IV степени (на груди); матери Н.Г. Вульф — Прасковыи Григорьевны Борзовой; брата Н.Г. Вульф — Петра Гавриловича Борзова.

Имя тетушки Надежды Гавриловны встречается в переписке Пушкина с Анной Николаевной Вульф, дочерью П.А. Осиповой-Вульф, его тригорской приятельницей. 20 апреля 1826 года А.Н. Вульф из Малинников пишет Пушкину в Михайловское: «Маменька

 $^{^{18}\,}$ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. С. 84.

¹⁹ В справочнике Черейского год рождения Анны (Нетти) Вульф ошибочно указан как 1799-й (см.: *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. С. 80).

 $^{^{20}}$ Соколова В.Н., Цветков Д.А. А.С. Пушкин в городе Старице и Старицком уезде // Пушкинские чтения на Верхневолжье. Сб. 1. Калинин, 1972. С. 76.

обещала прислать за мной в июне, если тетушка не приедет летом» (XIII, 555). 2 июня 1826 года она же сообщает Пушкину: «Надежда Гавриловна всё время обещает маменьке приехать в следующем месяце, но на это нельзя полагаться... Надо лишь убедить маменьку, что Надежда Гавриловна будет вечно отсрочивать с месяца на месяц свою поездку...» (XIII, 556).

Эти глухие упоминания, вероятно, теперь можно расшифровать: речь в этих письмах идет, в частности, о намерении Н.Г. Вульф приехать в свое любимое псковское имение Борзово, где, несомненно, бывали тригорские соседи поэта и, может быть, он сам в пору михайловской ссылки (во всяком случае, название поместья было у него на слуху).

Михаил Иванов, протоиерей

АГАФОН И АГАФОНИК: К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ РАССКАЗА С.С. ГЕЙЧЕНКО «ИЗ ДНЕВНИКА ИГУМЕНА СВЯТОГОРСКОЙ ОБИТЕЛИ»

Давно известно, что Хранитель Пушкиногорья в своем литературном творчестве использовал сведения из архивных источников. К истории создания одного рассказа ранее обращалась исследователь Е.А. Ступина: «В новелле «Из дневника игумена Святогорской обители» мы имеем дело с обычным творчеством с элементами сознательной мистификации. Одни думают, что всё это — чистый вымысел, другие — что весь текст — реальный документ. Истина, как всегда, где-то посередине. Автор берет реальные документы, извлекает квинтэссенцию смысла — потом использует содержание одного документа, название другого, внешний вид третьего, настроение (да, у документов есть настроение!) четвертого, пятого, десятого, подключает собственное знание материала, фантазию, блестящее владение разными стилями речи, и получается то, что мы знаем как новеллу «Из дневника игумена Святогорской обители» 1.

Позвольте продолжить мысль исследовательницы, привлекая материалы архива Святогорского монастыря. Сообщение коснется одного известного колоритного персонажа «Дневника игумена» монаха Агафона. Широко известна цитата: «16 сентября 1825 года. В воскресенье приходил ко мне сиделец Иван и жаловался на монаха Агафона, что он 15-го дня, в субботу был в кабаке и просил вина в долг у жены сидельцевой, а как она в долг ему не давала, то он, вскоча в застойку, бил ее, изодрав рубаху и руку обкусав. В которые дни монах Агафон самовольно отлучился в слободку и дрался близ кабака с мужиками, и не был в монастыре сутки двои, сказывался больным и привезен был в телеге. Назавтра не был к заутрене, в обедню пришел пьяный, и я приказал Кирилы вывести его, за что и был посажен после обедни при всей братии на цепь большую. Сидя на цепи, рычал, аки лютый зверь. Эх Агафон, Агафон, страшило ты монастырское! Теперь твоим именем детей пугают, а монастырю от тебя поношение»².

¹ *Ступина Е.А.* Два архивных источника одной новеллы С.С. Гейченко // Михайловская пушкиниана. Вып. 68. Сельцо Михайловское, 2016. С. 15–16.

² Гейченко С.С. У лукоморья. Л., 1977. С. 45.

Удалось выявить, что монах с таким именем, но записанным в несколько другой форме, действительно проживал в обители и не отличался примерным поведением. По-видимому, он и стал прообразом литературного персонажа С.С. Гейченко. Отличие лишь в том, что реальный наставник реального монаха всеми силами боролся с грехом и в самом себе, и в окружающих подчиненных. Речь идет о послушнике, затем постриженном в монашество (в Благовещение, 25 марта 1801 года, с именем Агафоник) известным подвижником, игуменом Моисеем.

Монах Агафоник был пострижен в монашество в сорокалетнем возрасте. Происходил он из священнической семьи, в 16 лет поступил в Новгородскую семинарию, где учился до старшего курса — риторики, но завершить курс и принять священство по какой-то причине не удалось. 10 апреля 1786 года будущий монах поступает на светскую службу «копииста» к уездному стряпчему. Служба проходила без нареканий, и 4 мая 1788 он повышен до должности «подканцеляриста в верхнюю расправу». 12 апреля 1790 года становится «канцеляристом». 30 мая 1793 года наш герой внезапно увольняется от службы и уже 20 июня поступает послушником в Свирский монастырь, где и находится до 1 января 1796 года, когда был переведен в Святогорский монастырь. Здесь послушник не имел нареканий. «Состояния хорошего, впредь на послушания годен», — отметит игумен в 1801 году, когда монах делал первые шаги в своей подвижнической жизни³. Таким образом, Агафоник достойно прошел путь «мирской жизни» и имел достаточно времени и доброе неравнодушное руководство в лице настоятеля обители игумена Моисея, чтобы подготовить себя к принятию монашеских обетов. Только в Святогорской обители он находился под опекой игумена более пяти лет. Поначалу Моисей был доволен поведением нового члена братства, возлагал на него большие надежды — об этом говорит и сама организация игуменом его индивидуального пострига в Благовещение. Однако скоро нрав новоначального подвижника испортился.

Игумен отметит в 1803 году в монастырской ведомости о ключнике монахе Агафонике следующие сведения: «А етот здрав будто зверь чудовище, трезвой смирной, а пьяный бешеный. Когда по граматике исправно ен читает; а в сниз повыше взойти сам ен не старается убо пеняй он сам на себя»⁴. Видна досада игумена в высказывании об этом

 $^{^3}$ Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 328. Оп. 1. Д. 31. Л. 125 об.—126.

⁴ Там же. Д. 26. Л. 32.

насельнике. Он мог бы стать помощником игумена и понести часть его тяжелого бремени, так как наделен талантами от Бога, однако не способен справиться с собой. В этом высказывании мы видим и пастырскую заботу, и неравнодушие Моисея к вверенным его попечению душам. Составить мнение о самом монахе Агафонике позволяет «Книга записи неблагопристойных поступках в монастыре за 1803 год», содержащая сведения о проступках братии, подначальных клириков и монастырских служителей в период 1803—1822 годов, где этот насельник занимает второе место по количеству упоминаний.

За период чуть более года, в 1804—1805 годах, Агафоник упомянут шесть раз. 27 марта 1804 года в воскресение казначей обители иеромонах Созонт позвал к себе в келлию диакона Василия Васильева и монаха Агафоника. Здесь они пьянствовали до 28-го числа, не явившись на богослужение Крестопоклонной седмицы Великого поста, как отметил игумен обители⁵. Следующая запись тоже о нем: «1804 года, апреля 25 дня Святогорского монастыря монах Агафоник в понедельник Светлыя недели был в утрени пьяный, и после которой еще ушел в кобак и болше упился и небыл во обедни, а нищенствовал в слободы, от куда по приведении привязан был своей ево опояской к стойки трапезы брацкой для из трезвления, но через час развязался сам и ушел, и пьянствовал, и не был в монастыре во всю светлую неделю до субботы»⁶.

21 мая 1804 года тот же монах Агафоник был найден служителем монастыря в «питейном дому» пьяным и был в таком состоянии приведен в монастырь и «...представлен был лично его высокопреподобию отцу Архимандриту и благочинному над монастырями...» В Троицкую субботу 11 июня 1804 года Агафоник был найден монастырскими служителями пьяный, каким и бывал в последние дни, лежащим посреди Пятницкой церкви. Служители принесли незадачливого монаха в монастырь, где он для «истрезвления» был заперт в каменную кухню, откуда через час, во время всенощного бдения, выломав оконную раму, сбежал⁸.

В 1805 году дело дошло до воровства. Вот что отметит братия с игуменом в известной книге: «1805-го года генваря 27 дня Святогорскаго монастыря казначей иеромонах Созонт с братиею сим

⁵ ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 60. Л. 5.

⁶ Там же. Л. 5 об.

⁷ Там же. Л. 6 об.

⁸ Там же. Л. 7 об.

свидетельствуем, что онаго монастыря монах Агафоник, находясь несколько дней в пьянстве и в должности своей усмотрен нами неисправным, тем паче, что неоднократно из обличен был в краже из общебратственной провизии разных съесных припасов, как то: свежей рыбы, сухих снетов, поснаго масла, почему и делает братии немалой убыток, а монашеству наводит великое поношение в чем и подписуемся. Игумен Моисей. Казначей иеромонах Созонт. Священник Иван Петров. Священник Даниил Григорьев. Иеродиакон Василий. Дьякон Иван Иванов. Монах Ефрем» В последней записи обращает на себя внимание мысль о «великом поношении монашеству». На наш взгляд, в вышеприведенной цитате новеллы директора Заповедника усматривается заимствование выражения из архивного документа с некоторым перефразированием: «...монастырю от тебя поношение». 10 октября 1805 года монах Агафоник подпишет вместе с братией сообщение о бесчинстве в пьяном виде самого казначея монастыря, иеромонаха Созонта 10. В дальнейшем след его теряется. В какой момент монах покинул монастырь или что с ним произошло, пока не известно — возможно, этот вопрос будет исследован позже. Эпизод с привязыванием на цепь заимствован Гейченко из жизни другого насельника, иеромонаха Феофилакта: в 1781 году при игумене Созонте Заклинском по указу Псковской духовной консистории Феофилакт действительно был посажен на пепь ^{11} .

По нашему мнению, вышеприведенные негативные отзывы игумена и братии о ключнике объективны и обоснованы. Действительно, рассказ С.С. Гейченко был написан с использованием некоторых исторических фактов. Однако не может ускользнуть от нашего внимания тот момент, что факты, использованные в новелле, преломляются, проходя через идеологическую призму, а сам рассказ, таким образом, является примером исполнения политического заказа¹². По-другому и быть не могло, ведь деятельность С.С. Гейченко на посту директора Пушкинского Заповедника проходила в контексте советской эпохи, когда офи-

⁹ ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Л. 8.

¹⁰ Там же. Л. 9.

¹¹ *Иоанн, игумен.* Описание Святогорского Успенского монастыря Псковской епархии. Псков, 1899. С. 106–107.

 $^{^{12}}$ Аплечеева М.В. Политический заказ в советской музыке 1920-х — 1950-х годов как социокультурный феномен: дисс. на правах рукописи. Саратов, 2014. С. 3.

циальное творчество ограничивалось определенными идеологическими рамками.

Тяжелейшая ситуация складывалась в монастырях Российской империи начала XVIII — XIX века: зачастую обители бывали принудительно наполнены клириками с дурными наклонностями, посылаемыми на исправление «в подначалие» или поступавшими в число братии, сравнительно немногочисленной. Противодействовать пагубному влиянию таких насельников на братию игуменам приходилось практически в одиночку, и шансы на успех в этом были невысоки.

Тем не менее, игумен Моисей сделал всё возможное для увеличения числа братии и исправления нравственного состояния своих «подопечных». Именно при нем в Святогорской обители Псковской духовной консисторией учреждается «Книга записи неблагопристойных поступков...», на основании указа Синода от 31 августа 1732 года, — по причине сложности разбора жалоб настоятелей монастырей на пьянство и дурное поведение братии и братии на настоятелей, а также для того, чтобы при долгом разборе дел консисторией виновники происшествий не оставались безнаказанными¹³. Но была ли эта мера эффективна в ситуации, когда личность уже деградировала? Постоянные увещевания, уговоры со стороны игумена не воспринимались нарушителями из братии и не приносили плода. Находившийся рядом с монастырем винокуренный завод помещиков Вындомских только усугублял ситуацию: в окрестностях завода всегда был доступен дешевый некачественный алкоголь. Многочисленные нарушители дисциплины, оказавшиеся в монастыре, образовывали свой круг и забывали о причинах их нахождения в обители и о святости самого места, в котором они находились. Такую ситуацию с трудом удавалось преодолевать в отдельных местах. Подобные проблемы псковских монастырей, уже начала XX века, и пути их решения подробно освещены в статье О.Н. Ефремовой¹⁴.

Особенное внимание игумена Моисея было направлено на благоустройство обители. При нем появляются новые постройки, обширная каменная ограда. Деятельность по сохранению святынь и благоустройству монастыря проводилась престарелым настоятелем практически в диночку. На момент его назначения в обитель в 1789 году там имелся

¹³ ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 60.

¹⁴ *Ефремова О.Н.* Проблемы монашествующих в Псковской епархии в 1903–1910 годах и попытки их разрешения преосвященным Арсением (Стадницким) // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История РПЦ. 2017. № 76.

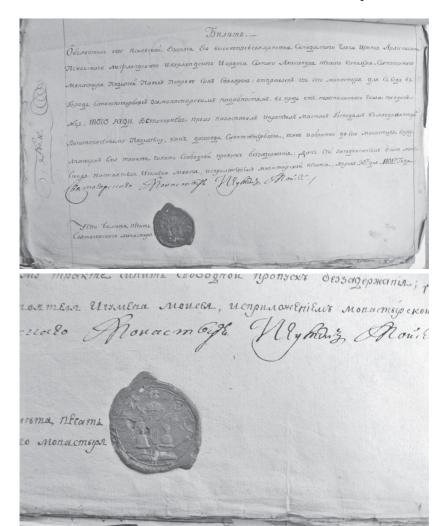
только один монашествующий¹⁵. Лишь позже игумену удается увеличить количество монахов в обители, но качества насельников не позволяют считать их надежными сотрудниками настоятеля. Подобным образом в те годы развивались события во многих монастырях России. Для полноты и объективности воссоздаваемой исторической картины необходимо иметь это в виду, ссылаясь на посвященные истории монашества работы советского периода.

Игумен Моисей, его преемник Петр (Лавров), игумен Иона и многие последующие игумены прилагали максимум усилий, чтобы отреставрировать, украсить и сохранить вверенную им Богом обитель, исправить по возможности пороки и недостатки братии. Вечная память добрым пастырям! Благодаря и их трудам мы видим ныне архитектурный ансамбль Святогорского монастыря.

¹⁵ ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 26. Л. 6 об.−7.

Приложение

Пропуск подъячему Святогорского монастыря с автографом игумена Моисея. Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 328. Д. 50. Л. 30 об.

Egoll. Journe Course a Can ob 3 play reprise De 29 1806 toga o onadpa . 10 one 62 cury bumer conned Писко бя пого Оприониентых подписуемся. possiona of Comments forms They Ether it Tours of Cappelle I Sould Tours Tours 1804 SKERCOMS DECOROLD ENERGERIORS монаху Сфему послушниму глану шатевего

Подписка братии в послушании игумену Моисею. 1806 год (второй период игуменства). Автограф монаха Агафоника. ГАПО. Ф. 328. Д. 27. Л. 13 об.

Вячеслав Козмин

ВЕСЕЛЫЙ ПРАЗДНИК ИМЯНИН...

8 декабря 1831 года, находясь в Болдине, Пушкин пишет Наталье Николаевне: «Здесь говорят, что я ужасный ростовщик; меня смешивают с моим кошельком. Кстати: я кошелек обратил в мошну и буду ежегодно праздновать родины и крестины, сверх положенных именин» (XIV, 245-246). Поэт сообщает о появлении у него средств, позволявших достойно отмечать семейные праздники. Острое безденежье возникло в семье Пушкина ранее, летом того же года, когда молодожены поселились в Царском Селе. За день до своих именин, 1 июня, поэт сетовал П.В. Нащокину: «Теперь, кажется, всё уладил и буду жить потихоньку без экипажа, следовательно, без больших расходов» (XIV, 168). 20 июня поэт добавляет: «Жду дороговизны, и скупость наследственная и благоприобретенная во мне тревожится (...) Ты-то что сам? и скоро ли деньги будут? как будут, приеду, не смотря ни на какие холеры и тому подобное. А тебя уж я отчаиваюсь видеть. Прости, отвечай» (XIV, 178). Через неделю снова жалуется на отсутствие средств: «Холера прижала нас, и в Царском Селе оказалась дороговизна. Я здесь без экипажа и без пирожного, а деньги всё-таки уходят. Вообрази, что со дня нашего отъезда я выпил одну только бутылку шампанского, и ту не вдруг» (XIV, 181).

Заложенная ранее в строфах «Онегина» формула грядущего семейного счастья: «...Да щей горшок, да сам большой» (VI, 201) в Царском Селе не осуществилась. Причина простая: отсутствие материального достатка и «щей» на семейном столе. В декабре 1831 года финансовые проблемы отчасти были решены, и поэт смог почувствовать себя настоящим «большаком». Определения «большак», «сам большой» соотносятся со старшим в крестьянской семье, хозяином, который во время обеда сидит в «большом углу»: «Большой угол, красный, передний, образной, угол, где ставят в избе иконы, главное и почетное место, где и стол хлебосольный» В том же простонародном духе выдержана фраза о смене кошелька на мошну. Предложение «Здесь говорят, что я ужасный ростовщик; меня смешивают с моим кошельком» является

 $^{^1}$ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1989. Т. 1: A-3. С. 113.

авторским вариантом пословицы, зафиксированной в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля: «Не душа лжет (или солгала), а мошна (о честном неплатильщике)»².

Ранее, осенью 1830 года, слово «мошна» появляется в рукописях драмы «Русалка» в сцене «Княжеский терем»:

Сватушка догадайся, За мошоночку принимайся, В мошне денежка шевелится, К красным девицам норовится.

(VII, 197)

В декабре 1831 года упоминание о полновесной «мошне» как нельзя лучше соответствовало стремлению поэта озолотить молодую красавицу-жену. К этому времени она уже готовилась стать матерью. В том же оптимистичном письме явственно проступают нотки проснувшегося в Александре Сергеевиче отцовского чувства: «Надеюсь увидеть тебя недели через две; тоска без тебя; к тому же с тех пор, как я тебя оставил, мне всё что-то страшно за тебя. Дома ты не усидишь, поедешь во дворец, и того и гляди, выкинешь на сто пятой ступени комендантской лестницы. Душа моя, женка моя, ангел мой! сделай мне такую милость: ходи два часа в сутки по комнате, и побереги себя» (XIV, 246). Наталья Николаевна находилась на третьем месяце беременности.

19 мая 1832 года на свет появился первый ребенок в семье, Мария Александровна Пушкина. Увеличение семьи влекло за собой дополнительные траты. В пословице, где присутствует всё та же мошна, точно отражена сложная ситуация, в которой оказался глава семейства: «В мошне густо, так и дома не пусто». Помимо выросших бытовых затрат, деньги необходимы были Пушкину еще и потому, что семейные праздники — родины, именины и крестины — обходились недешево. Граф Луи Филипп де Сегюр, французский историк и дипломат, побывавший в конце XVIII века в России, отмечал: «Было введено обычаем праздновать дни рождения и именин всякого зна-

 $^{^2}$ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2: И–О. С. 355.

комого лица, и не явиться с поздравлением в такой день было бы невежливо. В эти дни никого не приглашали, но принимали всех, и все знакомые съезжались. Можно себе представить, чего стоило русским барам соблюдение этого обычая; им беспрестанно приходилось устраивать пиры»³.

Подобный обычай поддерживался в дворянской среде в XIX веке. Не миновала участь сия и родителей А.С. Пушкина. 19 июня 1834 года Сергей Львович сообщает дочери из Михайловского: «В четверг рождение Мама, а в пятницу день ярмарки. — Я никогда не бывал здесь в это время, и единственное, что меня удручает, — это предстоящий наплыв соседей» В том же году и в том же ключе мать поэта Надежда Осиповна описывает именины П.А. Осиповой (Вульф): «Вчера были именины г-жи Осиповой, за столом нас было 18 человек, Эфрозина и ее муж, Александрина со своим, Глаубичи, Шелгуновы, г-жа Плессовская — кузина г-жи Гарлинской и множество других малоинтересных людей» 5.

Принято считать, что в романе «Евгений Онегин» автор использовал собственные наблюдения за жизнью сельских помещиков. В частности, контуры реального Тригорского проступают в описании семейства Лариных. Насколько художественный текст близок к действительности, уместно рассмотреть на примере пятой главы романа.

Описание праздника начинается с подробного, где-то даже дотошного, перечисления участников «массовки» предстоящего спектакля: Пустяков с супругой, Гвоздин, чета Скотининых, Петушков, Буянов, Флянов, Харликов, Трике, «ротный командир», Онегин, Ленский. Итого 15 персон. Добавим к ним «детей всех возрастов», упомянутую в романе имениницу, а также не упомянутых, но подразумеваемых членов ее семьи. Поверив алгеброй гармонию, получаем около двадцати или даже двадцати с лишним человек.

В литературе давно замечено, что в этом эпизоде Пушкин создает групповой портрет персонажей с «говорящими» фамилиями. Однако поэту оказывается важен не только качественный, но и количественный

 $^{^3}$ Сегюр Л.-Ф. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II // Россия XVIII века глазами иностранцев. Л., 1989. С. 330.

⁴ Мир Пушкина. Т. 1. Письма Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных к их дочери Ольге Сергеевне Павлищевой, 1828—1835. СПб., 1993. С. 231.

⁵ Мир Пушкина. Т. 1. С. 248.

«показатель», позволяющий аргументировать вынесенный в начало XIX строфы тезис «Дом Лариных гостями / Весь полон» (VI, 108).

В черновиках «именинных» строф первоначально возникали варианты, предполагавшие значительно большее количество приехавших гостей: «Уж накануне в двух колясках», «Уж накануне 3 коляски», «В пяти кибитках в 3 возках», «Целыми семьями, с мамками, с людьми», «С мусье, с лакеями». Например, в печатном варианте автор упомянул только о возрасте членов одной из семей:

Скотинины, чета седая, С детьми всех возрастов, считая От тридцати до двух годов...

(VI, 109)

В черновой рукописи до «Скотининых» фигурировала «Хлипкова», а также указывался не только возраст, но количество домочадцев, причем весьма внушительное:

Хлипкова трижды молодая С детьми всех возрастов, считая От тридцати до 2 годов 7 дочерей да пять сынов.

(VI, 397)

В процессе работы над строфой автор значительно сузил круг явившихся на именины гостей. В окончательном виде их численность оказывается сопоставимой с той цифрой, которая указана в упомянутом выше письме Надежды Осиповны по поводу именин «г-жи Осиповой»⁶. Подобная арифметика позволяет упрочить позиции так называемых «литературных реалий». Помимо количества, согласуются также оценочные характеристики гостей в письме и романе: «...множество других мало-интересных людей» — в первом источнике, «Но куча будет там народу / И всякого такого сброду» (VI, 94) — во втором.

Праздничная аномальная перегруженность покоев провоцирует появление негативных авторских определений: «куча», «сброд», «гурь-

⁶ Мир Пушкина. Т. 1. С. 248.

ба». Черновой вариант к XXV строфе пятой главы «Толпой наехали — и сели» (VI, 397) явно апеллирует к тексту баллады «Жених», написанной Пушкиным в Михайловском в 1825 году:

Взошли толпой, не поклонясь, Икон не замечая; За стол садятся, не молясь И шапок не снимая.

(II, 1; 413)

В 1828 году была опубликована пятая глава романа «Евгений Онегин». 22 февраля автор подарил Евпраксии Вульф экземпляр издания с многозначительной надписью «Твоя от твоих», свидетельствующей о тесной связи «деревенских глав» с пребыванием Пушкина в Михайловском и Тригорском. В одну из зим 1825 или 1826 года поэт мог присутствовать на именинах Евпраксии Николаевны, а затем воспроизвести в романе специфические черты того праздника: «столпотворение» гостей в передней и «вокзальную» переполненность «тригорского замка» в целом⁷. Эта версия выглядит весьма правдоподобной, учитывая схожее описание именин в Тригорском в письме Надежды Осиповны.

Несмотря на, казалось бы, оптимистичное определение — «веселый праздник имянин», — прелюдией праздника становится «сон страшный» героини: «Ее тревожит сновиденье». Слово «тревога» в значении «волнение, беспокойство» возникает в описании встречи гостей: «В передней толкотня, тревога». В черновиках присутствует сразу три

⁷ Данная версия противоречит «внутренней хронологии» романа «Евгений Онегин», предложенной Ю.М. Лотманом. В ней именины отнесены к 1821 году: «Ночь со 2 на 3 января — 12 января 1821 — время действия пятой главы. Начальная дата указана автором в первой строфе главы («на третье в ночь»), конечная определена именинами Татьяны — днем великомученицы Татьяны» (см.: *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1983. С. 21). Разночтения могли быть связаны с событием, особенно запомнившимся поэту и поэтому «встроенным» позднее в ранее намеченный календарь. Обращает на себя внимание тот факт, что в плане 26 сентября 1830 года автор обозначает название всех глав в виде заголовка, например, «Поэт Одесса 1824», «Барышня Одесса. Мих[айловское]. 1824». Только пятая глава озаглавлена в стилистике доверительного рассказа о некоем памятном событии: «(Про) Имянины Мих[айловское]. 1825. 1826» (VI, 532).

варианта употребления этого слова: «В гостиной шарканье, тревога», «С утра дом Лариных тревога», «Уж то-то началась тревога». Описание подобной предпраздничной суеты присутствует и в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»⁸: «А в доме стук, ходьба, метут и убирают»⁹.

«Тревога» и «волнение» всегда присутствовали во время подобных праздников и имели ярко выраженный бытовой оттенок. При большом стечении народа привычный интерьер и назначение комнат помещений трансформировались: ставился другой, более вместительный, возможно, П-образной формы стол, появлялись дополнительные стулья, вносилась посуда и другие атрибуты, соответствующие специфике «веселого праздника». Дворовые девушки превращались в «официанток» и «горничных», обязанных соблюдать этикет и придерживаться соответствующих манер. Всё это неминуемо влекло дополнительные хлопоты и вносило нервозность в атмосферу грядущего мероприятия. В целом, предпраздничная суета в XIX веке принципиально не отличалась от того, что происходит в веке XXI в наших квартирах и домах накануне Нового года или празднования дня рождения.

Восемнадцать пирующих, пьющих, танцующих и ночующих в доме персон, упомянутых в письме Надежды Осиповны, с трудом,

 $^{^{8}}$ *Грибоедов А.С.* Горе от ума. СПб., 1875. С. 146.

^{9 11} января в Михайловском И.И. Пущин ознакомил Пушкина с рукописью «Горя от ума». В комедии присутствуют очевидные переклички с «именинной» главой в романе «Евгений Онегин»: упоминание о дуэли (Софья: «Неужто на дуэль вас вызвать захотят»?), также упоминается персонаж танцмейстер Гильоме, «...француз, подбитый ветерком?», напоминающий о секунданте Онегина мосье Гильо. Волгоградский исследователь С.Б. Калашников приходит к выводу: «Грибоедов подобно Пушкину мог бы сказать, что в его комедии «время расчислено по календарю», — и датирует время проведения бала у Фамусовых, приуроченного ко дню рождения и именинам Софьи, 16 декабря 1823 года. (См.: Калашников С.Б. «...Во вторник зван я на форели»: о времени действия комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. Вып. 7. Волгоград, 2008. С. 131–138). По горячим следам, в конце января Пушкин пишет А.А. Бестужеву: «Между мастерскими чертами этой прелестной комедии — недоверчивость Чацкого в любви Софии к Молчалину — прелестна! — и как натурально! Вот на чем должна была вертеться вся комедия, но Грибоедов, видно, не захотел — его Воля» (XIII, 138-139). Впоследствии сам Пушкин любовный «треугольник» в комедии Грибоедова преобразовал в «четырехугольник», «воспламенившийся» на именинах Татьяны Лариной.

но можно представить в достаточно вместительном господском доме в Тригорском, собранном из ткацкой фабрики, перевезенной из села Велье¹⁰. В маленьком, «длиною 8, а шириною 6 сажен»¹¹ домике в Михайловском подобные посещения превращались в стихийные бедствия. Об одном из таковых поведал отец Пушкина в письме 5 сентября 1828 года: «Вчера только после обеда воротились и находимся в величайшем затруднении. — Всё это общество, числом 12 человек, напросилось завтра, в четверг, приехать в Михайловское. Можешь себе вообразить, что у нас голова кругом идет от забот об их размещении и пропитании. Они все будут вповалку, а мы — в бане, которая разваливается. Но что поделать»¹².

Ситуация, в которой оказались родители поэта, сродни пословице: «В большом углу сами живем, а печь да полати внаем отдаем». Письмо написано в том же году, когда увидела свет пятая глава романа «Евгений Онегин». По иронии судьбы действительность хронологически совпала с художественным вымыслом, точнее, вымысел «документировал» одну из устойчивых традиций провинциального быта первой половины XIX века. Летом 1829 года родители поэта затеяли ремонт своего ветхого дома в Михайловском и на время поселились в Тригорском. Оттуда 12 августа 1829 года Надежда Осиповна сообщала дочери: «Нам здесь очень хорошо, то есть не надо бояться ни ветра, ни сырости, но дом так велик, и потом вид пруда так печален, когда идет дождь! Какая разница с нашим Михайловским, — с тех пор, что я здесь, я научилась его пенить» 13.

Письмо любопытно тем, что, во-первых, автор подчеркивает разницу между «великим» домом в Тригорском и маленьким домиком в Михайловском. Во-вторых, обнаруживает особенности психологического портрета матери поэта. Ее пугают большие пространства тригорского жилища, потому что она предпочитает камерность, уют и обжитость своего домашнего уголка — той самой «ветхой лачужки» в Михайловском, вовсе не предназначенной для приема большого количества гостей. Поэтому столь болезненной оказывается ее реакция на приезд шумных

¹⁰ См: *Козмин В.Ю.* Легенды о Пушкине 1920-х годов // Михайловская пушкиниана. Вып. 74. Сельцо Михайловское, 2019. С. 49–58.

¹¹ Архив опеки Пушкина // Летописи Государственного литературного музея. Кн. 5. М., 1939. С. 271.

 $^{^{12}}$ Мир Пушкина. Т. 1. С. 14.

¹³ Там же. С. 45.

и многочисленных гостей, вторгающихся в ее личное пространство. В этом, кстати, родители поэта близки литературному персонажу — Евгению Онегину:

Чудак, попав на пир огромный, Уж был сердит...

(VI, 111)

Причиной сердитости Онегина, огорчений Надежды Осиповны и раздражения Сергея Львовича являлась не только очевидная избыточность посетителей. Среди хорошо знакомых и близких друзей и родственников встречались люди и вовсе незнакомые: «В гостиной встреча новых лиц» (VI, 108). Эту особенность сельских «званых» обедов отметила мать поэта: «У нас ничего нет нового, погода попрежнему хороша, мы пользуемся ею сколько возможно, от нас только что уехали Тимофеевы, пробыв в Михайловском два дня и дав обещание вскоре воротиться — даже прежде моих именин. 17-го у нас будет много гостей, есть люди, которых мне очень приятно видеть, но других я с удовольствием бы выпроводила, вот неудобство деревенской жизни; а всё этот кривоногий Шушерин, у которого мания являться со своими друзьями, родственниками и знакомыми, которых он поочередно нам представляет. Есть некий Дельфинин, сущий Автомат, с которым он не может разлучиться ни на минуту. Потом Платон Назимов со своими двумя сестрами, одна очень славная девушка — ты ее знаешь: другую я видала лишь раз, она показалась мне очень пошлой. Весь дом Шушу переберется к нам, затем Рокотов, Глаубичи, наверное, кузина моя Меландер с мужем, дочерью и зятем приедут тоже, возможно, привезут с собой несколько офицеров из полка Кирьякова. Вообрази всю эту суматоху и мину, которую состроит Папа, и мои собственные развлечения. Одна моя надежда, что не может же погода быть так хороша, а вдруг да польет дождь ливмя и грязь воспрепятствует приезду всех этих гостей»¹⁴.

Подобная традиция сохранилась до наших дней, примером чего может служить популярная в 1980-х годах песня «День рождения» из репертуара ансамбля «Машина времени»:

¹⁴ Мир Пушкина. Т. 1. С. 240.

...И стол накрыт давно, Сегодня к вам придут друзья, Придут друзья друзей, которым всё равно, К вам можно или к вам нельзя. И будет много выпито вина За праздничным столом. И мальчик у окна напьется пьян — В том не его вина И он не хулиган — Он просто с вами незнаком!

Следует отдать должное Сергею Львовичу Пушкину, который иногда задумывался о решении проблем, связанных с большим количеством гостей: «Как это счастливо, что у вас в Ораниенбауме есть «Лейпциг» («трактир, постоялый двор»), иногда весьма хотелось бы мне иметь таковой же в Тригорском, дабы помещать в нем людей, которые приезжают со своими господами»¹⁵. Лето 1829 года родители поэта прожили в Тригорском. По-видимому, им и здесь, на «чужой» территории, пришлось справлять праздники и принимать большое количество гостей. Чувствительной Надежде Осиповне «новый» дом в Тригорском кажется слишком большим, Сергею Львовичу, напротив, он представляется недостаточно вместительным, особенно на время праздников.

Идея построить дополнительные жилые помещения была связана с необходимостью размещения в них не только господ, но и их непременных спутников — слуг. В письме речь идет о тех же постояльцах, которые фигурируют в черновиках пятой главы романа «Евгений Онегин». Это «учителя», «кормилицы», «мамки», «люди», «лакеи». В беловом варианте романа из числа «людей», т. е. дворовых, остаются только «мамки». По-видимому, сначала поэт «набросал» близкое к реальному описание массового приезда гостей праздника. В дальнейшем, в процессе работы над сюжетом, «люди» не понадобились. Автор убрал их из текста, сделав исключение лишь для колоритного мосье Трике. За рамками созданного Пушкиным художественного текста остается «правда жизни», намеченная в начале работы над пятой главой, а также документальное свидетельство отца поэта, сетующего на недостаток помещений. В окончательном варианте главы количество переходит в качество.

¹⁵ Мир Пушкина. Т. 1. С. 45.

Круг лиц сужается, зато каждое «лицо» приобретает яркие типологические характеристики.

Для современников поэта и для его отца в частности контекст описанной в романе ситуации был очевиден: оборотной стороной любого многолюдного праздника являются дополнительные хлопоты и денежные затраты ^{16} .

Возможно, первопричиной «тригорского» проекта Сергея Львовича, занявшегося ремонтом собственной усадьбы в Михайловском, стали неудобства, испытанные им и его супругой годом ранее на «своей» территории. Тогда хозяевам пришлось на время праздника разместиться в бане, которая, судя по письму, тоже находилась в весьма ветхом состоянии. О том, что владелец Михайловского осуществил в Тригорском план строительства «постоялого двора», свидетельств не имеется. В Михайловском к ремонту бани приступили только в конце 1830-х годов: перекрыли крышу тесом и обшили стены досками. Переоборудование бани в жилое помещение произошло намного позже, в те годы, когда владельцем усадьбы стал внук Сергея Львовича Григорий Александрович. Он построил новую баню, а «баню», в которой ночевали родители поэта, переоборудовал в жилой флигель. История развития усадьбы в Михайловском, вкупе с содержанием некоторых эпистолярных отрывков, дают некоторое представление о «хозяйственной» деятельности Сергея Львовича, напоминающее об одном из «вечных» персонажей русской действительности Манилове: «Иногда, глядя с крыльца на двор и на пруд, говорил он о том, как бы хорошо было, если бы вдруг от дома провести подземный ход или чрез пруд выстроить каменный мост, на котором бы были по обеим сторонам лавки, и чтобы в них сидели купцы и продавали разные мелкие товары, нужные для крестьян»¹⁷. В письме от 1 июля 1828 года Н.М. Павлищев, муж Ольги Сергеевны, по поводу рачительности и хозяйственной жилки Сергея Львовича высказался в том же духе: «По сие время они еще ничего в пользу нашу не сдела-

¹⁶ В романе А.С. Пушкина «Дубровский» гости, приехавшие на храмовый праздник, расположились на постой следующим образом: «Накануне праздника гости начали съезжаться, иные останавливались в господском доме и во флигелях, другие у приказчика, третьи у священника, четвертые у зажиточных крестьян. Конюшни полны были дорожных лошадей, дворы и сараи загромождены разными экипажами» (VIII, 192).

 $^{^{17}}$ *Гоголь Н.В.* Мертвые души // Н.В Гоголь. Избранные сочинения. В 2 т. Т. 2. М., 1984. С. 188.

ли и мы с покорностью ожидаем их решения — разумею насчет денег. Скажу только, что тесть мой скуп до крайности и вдобавок по хозяйству несведущ. У него в Нижегородской губернии с лишком тысяча душ; управляет ими крепостной, который, не заботясь о выгодах господина, набивает карман, а барина часто оставляет без гроша; очевидно, что за беззаботливостью отца и от плутовства управителя мы также должны терпеть нужду...» ^{18}

В крестьянских избах «теснота» была обычным явлением и оправдывалась семейным ладом: «В тесноте, да не в обиде». Напротив, в помещичьих усадьбах, возникших в России с конца XVIII века культивировалась идея единичности и уникальности усадебного жилища, что, в свою очередь, соответствовало смыслу другой пословицы: «В каждой избушке свои гремушки». Очевидно, что Надежде Осиповне, тоскующей в «новом», но чужом доме по своему «домику» в Михайловском, дороже свои «гремушки» и своя «хижина», которая как тот золотник: «мал, да дорог». Нарушение привычного уклада, в частности временная «оккупация», осуществляемая под благовидным предлогом праздничных торжеств, переносилась ею весьма тяжело. Одной из форм ее «противостояния» грубой действительности стала фразеология. Как правило, когда невозможно простым языком выразить степень эмоционального потрясения, прибегают к языку образных сравнений. Так поступает и Надежда Осиповна. Ее сын, поэт Пушкин, в строфах «Евгения Онегина» так охарактеризовал небывалое многолюдие, случившееся на именинах Татьяны:

> ...дом Лариных гостями Весь полон...

> > (VI, 108)

Мать поэта уточнила это определение. В письме от 22 сентября 1834 года похожую бытовую ситуацию, случившуюся в ее собственном доме, она описывает фразой, достойной внесения в словарь крылатых слов и выражений: «...17 числа — день моего ангела. У нас много было

¹⁸ Цит. по: Пушкин в переписке родственников / публ., предисл. и коммент. В. Враской // (Александр Пушкин). М.: Журнально-газетное объединение, 1934. (Лит. наследство; Т. 16/18.) С. 774–775.

гостей, дом наш был *полон*, *как яйцо*»¹⁹. В другом письме Надежда Осиповна также прибегает к народной мудрости для характеристики нежелательных и обременительных гостей: «Вообрази, Рокотов у нас со вчерашнего вечера, не в пору гость хуже Татарина, он только и делает, что мелет вздор и мешает нам отдавать приказания и заниматься делами, которых множество»²⁰.

Говоря о тяготах, которые на сельских пирах испытывала принимающая сторона, нельзя обойти стороной и те неудобства, которые зачастую испытывали гости праздника. В письме от 28 октября 1832 года Сергей Львович сообщал: «Завтра мы едем к Шушериным — по правде, это тяжкая повинность — не знаю, что бы я дал, чтоб от этого избавиться, но оно необходимо. Надо признаться, что эти путешествия к соседям за сорок верст, по этой погоде, весьма неприятны»²¹.

С наступлением вечера у хозяев возникала еще одна проблема: размещение гостей на ночлег. Как правило, избыточность «праздничных» квартирантов приводила к тому, что гости спали везде и на всём. Ю.М. Лотман в «Комментариях в роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» приводит идентичное пушкинскому описание из воспоминаний В.В. Селиванова: «После ужина все помещения в доме: и гостиная, и зала, не говоря о внутренних комнатах, устилалась перинами и гости ложились вповалку. Разумеется, для более почтенных гостей были кровати и, по возможности, более спокойные комнаты»²². Некоторая иерархия в размещении гостей на ночь в романе всё-таки была соблюдена. Кто-то спал в гостиной, кто-то — в столовой, кто-то — на стульях, кто-то — на полу. Однако о кроватях и «более спокойных комнатах» Пушкин не упоминает. По-видимому, на именинах Татьяны Лариной «почтенные гости», по мнению автора, вовсе отсутствовали.

...Постели стелют; для гостей Ночлег отводят от сеней До самой девичьи. Всем нужен Покойный сон. Онегин мой Один уехал спать домой. Всё успокоилось: в гостиной

¹⁹ Мир Пушкина. Т. 1. С. 243.

²⁰ Там же. С. 256.

²¹ Там же. С. 115.

²² Селиванов В.В. Предания и воспоминания. СПб., 1881. С. 127.

Храпит тяжелый Пустяков С своей тяжелой половиной. Гвоздин, Буянов, Петушков И Флянов, не совсем здоровый, На стульях улеглись в столовой, А на полу мосье Трике, В фуфайке, в старом колпаке.

(VI, 117)

В описании ночного времяпрепровождения «господ соседственных селений» автор фиксирует неизбежно возникающее в подобной ситуации стирание сословных различий. В условиях временного общежития господа фактически уравниваются с крестьянами, которые в своих избах, по праздникам и будням, спали примерно также, гуртом, на печи, полатях, лавках, на полу. В пушкинском, казалось бы, сугубо карикатурном изображении присутствует исторический контекст. Всё тот же В.В. Селиванов свидетельствовал: «Многие помещики — соседи, разумеется, не очень богатые, но и не мелкопоместные, в строгом смысле слова, до 1812 года жили еще обычаями, почти не рознящимися от обычаев их крестьян. К храмовому празднику, или к именинам своим или супруг, они покупали по нескольку ведер хлебного вина, и дня два или три шел кутеж. Забава гостям были песни и пляски крестьянских баб. Грубые скоморошества полупьяной дворни и гости, пресыщенные жирными явствами и нагруженные винными парами, тут же склоняли свои отяжелевшие головы на разостланную в обилии по комнатам солому и засыпали сном крепким, до новой попойки»²³. Некоторые параллели, возникающие между описанием нравов, царивших «до 1812 года», и пушкинским описанием праздника, происходившего в 1820-х годах, выглядят вовсе не случайными. Старшие Ларины отнесены автором к тому слою русских помещиков, которые являлись приверженцами «русской старины». В жизни подобных «хранителей» обычаев и традиций встречались такие привычки, которые для представителей столичной знати, к каковым причислял себя уехавший домой Онегин, воспринимались как «простонародные» и не совсем пристойные.

С наступлением ночи веселое жужжанье замещается «тяжелым» храпом. «Всю ночь храпеть, а днем зевать» (VI, 294) — одна из черт,

²³ Селиванов В.В. Предания и воспоминания. С. 107.

характеризующих чету Лариных. Той же болезнью, переходящей в порок, страдает приехавшая на праздник семейная пара:

...Храпит тяжелый Пустяков С своей тяжелой половиной.

(VI, 117)

Но между двумя «храпами» есть существенное отличие. Храп Лариных носит будничный, семейный характер, не наносящий никакого ущерба окружающим, которых рядом просто нет. Напротив, храп Пустяковых в условиях вынужденного тесного «сожительства» приобретает вызывающий характер. В подобной ситуации формула «В тесноте, да не в обиде» плохо соответствовала действительности. Тем более, что действительность, нашедшая отражение в переписке родителей Пушкина с Ольгой Сергеевной, предлагала примеры куда более массовых праздничных мероприятий. 24 июня 1834 года Сергей Львович сообщает о грандиозном празднике именин в соседнем имении Дериглазово: «Вообрази, у Шелгуновых вчера к обеду было пятьдесят человек, считая детей. Это хороший был сюжет для фламандской картины»²⁴.

Ссылка отца поэта на работы мастеров фламандской школы живописи любопытна тем, что ранее его сын тоже вспомнил о работах западных художников-реалистов в романе «Евгений Онегин»:

Порой дождливою намедни Я завернув на скотный двор... Тьфу прозаические бредни, Фламандской школы пестрый сор!

(VI, 503)

В настоящее время в музее-усадьбе «Тригорское» демонстрируются гравюры Джона Смита с оригинала английского художника Джорджа Морланда «Кормление лошадей» и «Кормление свиней», которые визуально отчасти «поддерживают» фламандскую линию в пушкинском романе. Согласно семейной легенде Вревских-Вульфов, эти работы висели в тригорском доме в то время, когда там бывал А.С. Пушкин. За-

²⁴ Мир Пушкина. Т. 1. С. 233.

метим, что Морланд был не фламандским, а английским художником и изображал на своих картинах преимущественно английский «пестрый сор». Кроме того, в вариантах XIX строфы фигурирует не конюх и свинопас, а девушка, ухаживающая за крупным рогатым скотом: «...И на коровницу взглянул» (VI, 488). Обширный комментарий к этой строке предложил Н.Л. Бродский²⁵. Сопоставив варианты девятнадцатой строфы, автор указал источники, на которые мог опираться поэт: «Пушкин имеет в виду художников фламандско-голландского направления в живописи XVI–XVII веков, рисовавших житейские сценки городских низов и крестьянства, — таковы художники Остаде, которому принадлежат картины «Шинок», «Деревенский праздник», «Крестьянское угощенье», «Пирушка», Поттер («Ферма»), Кейп («Коровница»), Теньер и др. (указанные картины находились в Эрмитаже)»²⁶.

Наиболее сопоставимой с пушкинским текстом оказывается работа художника Кейпа, которая так и называется — «Коровница». В целом наблюдения над последовательностью развития темы «фламандской школы» в пушкинском романе приводят к выводу о том, что круг и тематика опорных живописных работ были шире. Строфа начиналась со строк: «(Тьфу!) прозаические бредни / Фламандск[ой] школы пестрый сор», никакого отношения к скотному двору не имевших. В процессе детализации появился вариант «Фламандских видов... ряд» (VI, 488). А это тоже — не о скотном дворе, а о городах, деревнях и ландшафте Фландрии. Очевидно, что пушкинская строка создавалась на основе более обширного ряда известных поэту художественных работ.

Если исходить из «списка Бродского», сюжет фламандской картины, упоминаемой Сергеем Львовичем в контексте его рассказа о многолюдном празднике именин в Дериглазове, более всего соответствует многофигурной картине Остаде «Деревенский праздник». Ирония автора письма строится на уподоблении дворянских именин разгульным пляскам простолюдинов. Для местных дворян подобное поведение было привычным, но человеку столичному, каковым был Евгений Онегин,

²⁵ Автор наиболее подробных комментариев к роману А.С. Пушкина В.В. Набоков оставил без внимания пушкинское сравнение скотного двора с живописными полотнами. Ю.М. Лотман ограничился одним предложением: «Фламандской школы пестрый сор!» — Речь идет о фламандской живописи бытового, «жанрового» направления» (см.: *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. С. 389).

²⁶ Бродский Н.Л. Евгений Онегин. Роман А.С. Пушкина. М., 1950. С. 336.

оно было нестерпимо. Точно так же, как некоторые привычки псковской местечковой знати были малоприятны самому Пушкину. В четвертой главе, предваряющей «именинную» пятую, автор разразился беспощадной тирадой, имеющей точную географическую привязку:

Но ты — губерния Псковская Теплица юных дней моих Что может быть, страна глухая Несносней барышень твоих?

(VI, 351)

Очевидно, что нечистота «зубов и белья», «непристойность», «неуклюжий», «затрапезный» этикет были присущи жительницам «глухой страны» не только в будни, но и в праздничные дни. Справедливости ради следует отметить, что дурные провинциальные привычки были характерны не только для Псковской губернии. 1812 годом датируются воспоминания образованной москвички М.А. Волковой, красочно изобразившей портрет провинциальной дамы: «Все с претензиями, крайне смешными. У них изысканные, но нелепые туалеты, странный разговор, манеры как у кухарок; притом они ужасно жеманятся, и ни у одной нет порядочного лица. Вот каков прекрасный пол в Тамбове»²⁷.

«Псковская» строфа в черновой рукописи романа следует сразу за сценой свидания Онегина с отвергнутой им Татьяной. Очевидно, что эмоциональный «краеведческий» отзыв автора имеет прямое отношение к его же персонажам. В литературе существует множество объяснений того, почему Онегин отверг Татьяну Ларину на первом свидании, но почему-то в стороне остается бытовой аспект: дурные манеры, этикет и прочие «пороки» милых сельских барышень.

Наряду с иронией в письме Сергея Львовича улавливаются нотки зависти и восхищения щедростью и обеспеченностью господ Шелгуновых, способных накрыть обеденный стол на пятьдесят персон. Для Пушкиных подобные пиршества были не по средствам, о чем свидетельствует уже процитированное выше письмо от 5 сентября 1828 года, обратимся к нему снова: «Вчера только после обеда воротились и находимся в величайшем затруднении. — Всё это общество, числом 12 чело-

²⁷ Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников / сост. В.В. Каллаш. М., 1912. С. 272.

век, напросилось завтра, в четверг, приехать в Михайловское. Можешь себе вообразить, что у нас голова кругом идет от забот об их размещении и пропитании»²⁸. В результате подобного неравенства возникал весьма щекотливый момент. Обилие или скудость яств на праздничном столе становились лакмусовой бумажкой статуса принимающей стороны. Современник А.С. Пушкина С.П. Жихарев вспоминал: «27 апреля, суббота. «Умеренность — лучший пир», — сказал Державин в стихотворном приглашении своем к обеду. Нет сомнения, что афоризм выражен прекрасно. Но я, виноват, не очень его понимаю: что кажется умеренным одному, то для другого казаться может излишеством, а для третьего сущим недостатком. Всё это относительно и трудно для определения. По-моему, вчерашняя трапеза моя была очень умеренна: именинный пирог, щи, окорок ветчины, да часть телятины; но для моего Кобякова она казалась роскошною; а попотчуй я такими же блюдами его дражайшего родителя, избалованного роскошью Измайловского стола, он наверно бы сказал: «Жить не умеет; обед у него как на постоялом дворе»²⁹. Та же уничижительная интонация проскальзывает в письме Сергея Львовича 19 июня 1834 года: «В четверг рождение Мама, а в пятницу день ярмарки. — Я никогда не бывал здесь в это время, и единственное, что меня удручает, — это предстоящий наплыв соседей... У нас нет способа принять их как они это понимают» ^{30} .

Стремление удивить гостей и «бедных родственников» изысканными дорогими блюдами было характерно не только для соседей первого российского поэта. Великий русский писатель Л.Н. Толстой в романе «Семейное счастье» так описывает праздник именин в своей семье: «Каждую субботу регулярно в доме мылись полы и выбивались ковры, каждое первое число служились молебны с водосвятием, каждое тезоименитство Татьяны Семеновны, ее сына (и мое — в первый раз в эту осень) задавались пиры на весь околоток»³¹.

Понятно, почему размах подобных «домашних» праздников вызвал искреннее недоумение у Луи Филиппа де Сегюра, сетовавшего на расточительность русских помещиков. Сами же русские помещики, оказавшиеся заложниками собственных «привычек милой старины», страдали

²⁸ Мир Пушкина. Т. 1. С. 14.

 $^{^{29}}$ Жихарев С.П. Записки современника / ред., ст. и коммент. Б.М. Эйхенбаума. М. ; Л., 1955. С. 491.

³⁰ Мир Пушкина. Т. 1. С. 231.

³¹ См.: *Толстой Л.Н.* Сочинения. Берлин, 1921. Т. 3. С. 391.

от денежных издержек, нарушения привычного течения жизни, а также психологического дискомфорта. Подобный дискомфорт, судя по письмам, испытывали родители поэта.

Список блюд, которыми потчевали гостей на именинах Татьяны Лариной, весьма скупо представлен Пушкиным. Это именинный пирог, жаркое, бланманже, цимлянское и чай. Между тем в черновике описание скромной трапезы на именинах Татьяны вызывает у автора всплеск эмоций:

(И кстате — я заме<чу> в ско<бках> Что речь веду в моих строках Я столь же часто о пирах О разных ужинах <?> о пробках Как <ты> божественный Омир Ты 30 веков кумир)

(VI, 405)

Однако большого ассортимента «разных» кушаний на столе не обнаруживается, обед слабо соответствует определению «пир» в его положительной пушкинской коннотации.

В то же время существовало немало образцов описания изысканной кухни: и в античной литературе, и в русской. Одним из ярких образцов описания сельского застолья стало стихотворении Г.Р. Державина «Евгению. Жизнь Званская»:

Я озреваю стол — и вижу разных блюд Цветник, поставленный узором. Багряна ветчина, зелены щи с желтком, Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны, Что смоль, янтарь икра, и с голубым пером Там щука пестрая: прекрасны!³²

В этом, а также подобных ему стихотворениях Державина «Похвала сельской жизни», «Приглашение к обеду» представлены простые блюда русской кухни. Но в отличие от пестрящего восторженными эпите-

 $^{^{32}}$ Державин Г.Р. Евгению. Жизнь Званская // Г.Р. Державин. Стихотворения. Л., 1957. С. 329.

тами державинского описания, блюда ларинской кухни вовсе лишены авторской оценки. Единственным исключением является испорченный пирог:

...Но целью взоров и суждений В то время жирный был пирог (К несчастию, пересоленый).

(VI, 111)

Начинкой для этого традиционного именинного блюда на столе у Лариных является то ли мясо, то ли рыба, так как пироги со сладкой начинкой «жирными» быть не могут и их не солят. Альтернативой зимним «жирным» пирогам являются «летние» и «осенние» пироги, начиненные ягодами или яблоками. О подобном пироге Пушкин косвенно упоминает в письме А.П. Керн сразу после своих «малых» именин 1 сентября 1827 года, подписываясь «Весь ваш Яблочный пирог» (XIII, 564).

В первой главе романа автор упомянул «столичное» блюдо из разряда «жирных». Это котлеты:

Еще бокалов жажда просит Залить горячий жир котлет.

(VI, 11)

В деревне начинка для «жирных» пирогов приготавливалась из своего доморощенного мяса. Именины в романе происходят в январе после выпадения снега и наступления холодов. Тогда, как правило, начинался забой скота. Приготовление мясной начинки требовало минимум затрат: «Три фунта хорошего, свежего мягкого мяса облить кипящим уксусом с кореньями, не держать долго в этом уксусе, а напротив, сейчас же вынуть из него. Этот кусок мяса тушить в кастрюле в румяном масле, предварительно прибавив к соусу одну луковицу, одну морковку, две петрушки, кусочек сельдерея и одну порею; всё это должно быть мелко порезано и тушиться с жарким, пока оно будет готово. Не следует подливать жаркого водою, а домашним бульоном; соусу должно быть мало. Когда жаркое готово, вынуть его из кастрюли, соус протереть и вылить в стакан. Остывшее жаркое мелко порубить, вырезав из него каждую

жилочку, и смешать с соусом. Перцу и соли в меру. Готовую начинку положить в тесто. Это жаркое тушить открытым»³³. Этот рецепт из книги Ф. Плаховой «Как приготовить разные именинныя пироги...» прост и, отметим, экономичен. Если приготовленное по рецепту мясо «положить в тесто» и далее потушить — выйдет именинный пирог. Если же оставшееся тушеное мясо выложить в тарелки и подать на стол, получится еще одно блюдо под названием «жаркое». На столе в доме Лариных присутствует и то, и другое: «жирный пирог» и «жаркое»: «Между жарким и блан-манже...» (VI, 111).

Пример подобного использования продуктов «двойного назначения» присутствует в воспоминаниях В.В. Селиванова: «Суп разливал сам молодой. Суп черный, пречерный, без прибавления, видом и вкусом походил более на помои, а пирожки к нему твердые, претвердые из самой низкой муки, так что Николай Яковлевич, сидевший за столом против меня, откусив от пирожка и отведав супа, энергично шарахнул пирожок в тарелку с супом и сдал ее лакею. Вторым кушаньем была говядина из супа, нарезанная накануне ломтями, без всякой приправы»³⁴.

В черновиках пятой главы XXXII строфы ранее появляется еще один вариант начинки — «...с рыбою соленой». «Автор многих сочинений по части хозяйственной» (VI, 195) Василий Алексеевич Левшин в книге «Руская поварня» в главе «О солении белужины, осетрины и севрюги» пишет: «Поелику рыб сих привозят к нам зимою обыкновенно замерзлых, то прежде всего надобно оных оттаять; после того насухо вытереть, выпотрошить...»³⁵ Однако подобных деликатесов на столе у жителей Псковской губернии быть не могло. Причина даже не в ограниченности средств местных помещиков, а в природных катаклизмах, которые случились в тот год, когда происходит действие в деревенских главах романа³⁶:

 $^{^{33}}$ *Плахова Ф*. Как приготовить разные именинныя пироги, бульон, пирожки, как закуска к бульону и сладкие блины. Варшава, 1892. С. 9.

³⁴ *Селиванов В.В.* Предания и воспоминания. С. 296.

³⁵ *Левшин В.А.* Русская поварня, или Наставление о приготовлении всякого рода настоящих русских кушаний и о заготовлении впрок разных припасов. М., 1816. С. 127.

³⁶ По той же причине автор, наряду с зимними транспортными средствами передвижения, упоминает о летней колесной кибитке: «Соседи съехались в возках, / В кибитках, в бричках и в санях» (VI, 108.) Гости еще не определились, на чем им удобнее путешествовать по полузамерзшему тракту.

В тот год осенняя погода Стояла долго на дворе, Зимы ждала, ждала природа. Снег выпал только в январе На третье в ночь.

(V, 97)

Упомянутую выше благородную рыбу доставляли с берегов Волги из Астрахани на санях. Дорога была долгой. Из-за небывалого тепла дороги раскисли. 12 января состоялись именины Татьяны Лариной. Крайне сомнительно, что к этому сроку ко двору, не только к ларинскому, но царскому в Петербурге, могли быть доставлены волжские, «законсервированные» морозом, деликатесы. Как следствие, вариант «...с рыбою соленой» намекал на то, что хозяевам и гостям пришлось бы довольствоваться местной речной или озерной фауной.

Всё тот же В.А. Левшин в главе «О солении щук, судаков и тому подобных рыб» сообщал: «Соление сих рыб производится во время осеннего лова, или зимою, когда привозят мерзлую рыбу. Однако ж мерзлая рыба никогда такова хороша в солении быть не может, как свежей ловли. При сём наблюдаются следующие обстоятельства: надлежит рыбу только выпотрошить, распоров по брюху, а не распластывать, не шелушить, и так посолить, употребляя на пуд рыбы два фунта с половиною. Посоля, скласть в крепкую кадку под гнет. Укладывая рыбу, дно кадки надлежит посыпать солью. Кадку содержат в леднике. Для употребления к столу можно сию рыбу брать через неделю после просоления»³⁷. Следовательно, сначала поэт предполагал «накормить» гостей праздника начинкой из засоленной накануне рыбы. Чтобы не случилось пересола, рыбу следовало хорошенько вымочить. Однако доморощенные кухарки не потрудились этого сделать, хотя в книге всё того же Левшина есть рекомендации: «...когда оные очень солоны, вымочить в квасу»³⁸. Странная и непростительная оплошность, учитывая, что действие происходит в семействе Лариных, о пищевых пристрастиях которых ранее поэт писал: «...Им квас как воздух был потребен» (VI, 47)!

В черновике к строке «К несчастью лишь пересоленой» Пушкин записывает три возможных варианта: «Он тайну спас влюбленной»,

³⁷ *Левшин В.А.* Русская поварня... С. 136.

³⁸ Там же. С. 47.

«...с рыбою соленой» и «К несчастью чуть пересоленой». Соль как приправа в процессе работы над строкой неожиданно перекликается с темой примет и гаданий, изложенной в строфах, предваряющих описание праздника «имянин». В спектре пушкинских вариантов к строке слово «влюбленной» рифмуется с «пересоленной», что явно апеллирует к известной народной примете: «Пересолить — значит влюбиться». Но что позволено хозяйке — не позволительно кухарке. А о влюбленных кухарках, пересоливших пирог, в романе ничего не сказано.

Наряду с возможными ассоциациями в сфере народной фразеологии слова «соль», «пересоленный» оказались неожиданным контрапунктом между святочным гаданием Татьяны и смертью Ленского. Как известно, проводником в мир предсказаний стал Мартын Задека, «Глава халдейских мудрецов / Гадатель, толкователь снов» (VI, 107). В книге «Древний и новый всегдашний гадательный оракул, найденный после смерти одного стошестилетнего старца Мартина Задеки…» приснившаяся соль означает скорую ссору³⁹. Предсказание сбылось, ссора случилась в результате конфликта между Онегиным и Ленским на именинах Татьяны.

Еще одно блюдо на именинном столе Лариных — «бланманже». Оно явилось на русский стол из французской кухни. Казалось бы, именно этот «заморский» десерт должен был стать украшением праздника. Но в 1830 году в Болдине А.С. Пушкин создает повесть «Барышнякрестьянка», которая, по мнению многих исследователей, наполнена реминисценциями из «михайловского» периода жизни поэта. В начале повести происходит разговор между Лизой и ее дворовой девушкой Настей: «Позвольте мне сегодня пойти в гости», сказала однажды Настя, одевая барышню. «Изволь; а куда?» «В Тугилово, к Берестовым. Поварова жена у них имянинница, и вчера приходила звать нас отобедать» (...) Вечером Настя явилась. «Ну, Лизавета Григорьевна», сказала она, входя в комнату, «видела молодого Берестова: нагляделась довольно; целый день были вместе». «Как это? Расскажи, расскажи по порядку». «Извольте-с, пошли мы, я, Анисья Егоровна, Ненила, Дунька...» «Хорощо, знаю. Ну потом?» «Позвольте-с расскажу всё по порядку. Вот пришли мы к самому обеду. Комната полна была народу. Были колбинские, захарьевские, приказчица с дочерьми, хлупинские...» «Ну! а Берестов?» «Погодите-с. Вот мы сели за стол, приказчица на первом месте, я под-

³⁹ См.: Сонник Задека // Вокабула: Энциклопедии, словари, справочники онлайн [Электронный ресурс: www.вокабула.рф/сонники/сонник-задека].

ле нее... а дочери и надулись, да мне наплевать на них...» «Ах Настя, как ты скучна с вечными своими подробностями!» «Да как же вы нетерпеливы! Ну вот вышли мы изо стола... а сидели мы часа три и обед был славный; пирожное блан-манже синее, красное и полосатое» (VIII, 1; 111–112). Оказывается, «заморское» бланманже могло украшать не только именинные столы помещиков, но столы их слуг, дворовых. В. Набоков в «Комментариях к «Евгению Онегину» Александра Пушкина» по поводу бланманже сообщает следующее: «Его появление (так же, как и появление русского шампанского) на праздничном столе у мадам Лариной подчеркивает как старосветский стиль ее домашнего обихода, так и относительную скудость ее средств»⁴⁰.

В «винной карте» праздника присутствует лишь один напиток — цимлянское. Ю.М. Лотман в комментариях к «Евгению Онегину» отметил: «В доме Онегина в обычные дни подают дорогое французское шампанское, у Лариных на именинах — более дешевое цимлянское» Напиток производился из винограда, выращенного на Дону, это вино служило дешевым и доступным заменителем привозного французского шампанского. Разница в качестве вин было очевидна. В том числе для Пушкина:

Да будет проклят дерзновенный, Кто первый грешною рукой, Нечестьем буйным ослепленный, О страх!.. смесил вино с водой! Да будет проклят род злодея! Пускай не в силах будет пить Или, стаканами владея, Лафит с Цымлянским различить!

(I, 107)

Существовавшая практика подмены желаемого (французское шампанское) действительным (донское цимлянское) нашла отражение в романе «Дубровский»: «Исправник смиренно положил в карман свою

 $^{^{40}}$ *Набоков В.* Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина. М., 1999. С. 537.

 $^{^{41}}$ *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. С. 282.

бумагу и молча принялся за гуся с капустой. Между тем слуги успели уж несколько раз обойти гостей, наливая каждому его рюмку. Несколько бутылок горского и цымлянского громко были уже откупорены и приняты благосклонно под именем шампанского, лица начинали рдеть, разговоры становились звонче, несвязнее и веселее» (VIII, 1; 195). Низкие вкусовые качества цимлянского с лихвой компенсировались произведенным эффектом, подтверждавшим исторический постулат «Веселье на Руси есть питие».

…Да рюмок раздается звон. Но вскоре гости понемногу Подъемлют общую тревогу. Никто не слушает, кричат, Смеются, спорят и пищат...

(VI, 110)

Подобно своему герою, рисующему карикатуры на гостей, автор иронизирует над примитивной деревенской кухней и неумелыми поварами и поварихами. О том, насколько хороша была кухня в Тригорском, ничего не известно. Но есть свидетельства, в том числе поэтические, о кухне Пушкиных. Например, беспощадный выпад А.А. Дельвига:

Друг Пушкин, хочешь ли отведать Дурного масла, яиц гнилых? Сегодня приходи обедать Со мною у своих родных!⁴²

Удивить гостей изысканными блюдами Сергей Львович и Надежда Осиповна действительно не могли. Одна из причин — относительная бедность. Другая — отсутствие хороших поваров⁴³. Впрочем, попытки

⁴² Дельвиг А.А. Сочинения. Л., 1986. С. 190.

⁴³ Умелый повар в провинции считался своеобразной «визитной» карточкой принимающей стороны. П.А. Осипова писала А.С. Пушкину 24 июня 1834 года по поводу упомянутых выше шумных торжеств в селе Дериглазово: «...соседи наши Шелгуновы живут открытым домом — хороший повар, танцы, музыка; в настоящую минуту ваш отец с матерью и еще человек 40 обедают у них... Прощайте, я тоже еду к Шелгуновым» (XV, 164).

решить эту «кадровую» проблему всё-таки были. На обучение поварскому искусству в Псков был послан «Алексашка», сын кухарки Михайловского Неонилы Онуфриевны. Однако Сергей Львович не стал платить за обучение. Итог — «дурное масло» и «гнилые яйца» на столе. Благие намерения Сергея Львовича разбились о его же нерасторопность, безденежье и «маниловщину»⁴⁴.

Одним из условий хорошей кухни было кураторство и присмотр за доморощенными поварами. Об этом упоминает в своих воспоминания А.П. Керн о бабушке Анне Федоровне: «Пироги всегда лепились при ней на большом столе в девичьей, огромной комнате с тремя окнами. Тут пеклись хлебы к светлому празднику и часто разбирался осетр в рост человека»⁴⁵.

Судя по пушкинскому описанию, выучка поваров и присмотр за ними в доме Лариных отсутствовали. Впрочем, как отсутствовала и особая доверительная атмосфера и радушие.

Итогом «веселого» праздника именин становится нелепая и, казалось бы, нелогичная ссора, повлекшая за собой трагические последствия. Можно ли назвать ее случайной? До праздника ничто не предвещало подобного исхода, следовательно, именно праздник стал катализатором произошедшего.

В именинных строфах поэт дважды употребляет существительное «тревога» в значении «волнение», «суета». Судя по переписке родителей поэта, «тревога» по поводу грядущих пышных приемов появлялась загодя и была связана с хозяйственно-бытовыми сложностями. Те, в свою очередь, провоцировали конфликтные ситуации. Подводные камни подобных «семейных» мероприятий присутствовали не только в семье поэта. Схожие ситуации описаны в книге Гримо де ла Реньера, вышедшей в русском переводе в 1809 году:

«На обед по-дружески вас приглашают — то ли потому, что не могут поступить иначе, то ли из тщеславия, то ли еще по какой-то причине, но при этом не желают издерживаться на прием. Скряги (которых не

⁴⁴ Еще об одном «доморощенном» поваре есть упоминание в книге А.И. Ульянского. Со ссылкой на ведомости за 29 ноября 1834 года автор сообщает: «Повар Егор (Егор Федоров сын Арины Родионовны, крепостной села Михайловского), которому по ревизской сказке 1816 года числится 21 год» (см.: Ульянский А.И. Няня Пушкина. М.; Л., 1940. С. 252).

 $^{^{45}}$ *Керн А.П.* Воспоминания. Дневники. Переписка / вступ. ст., сост. и примеч. А.М. Гордина. М., 1974. С. 105.

следует путать с людьми прижимистыми, ибо эти последние сохранили хоть какие-то остатки стыда) вообще созывают гостей исключительно на обеды по-дружески; было бы куда лучше, если бы они не звали к себе вообще никого и никогда. Обед по-дружески, таким образом, представляет собой плод борьбы самолюбия со скупостью; впрочем, исход этой борьбы предрешен: побеждает всегда скупость.

Вот из чего составляется обед по-дружески: сначала суп, потом вареная говядина (порой даже не приготовленная нарочно для этого обеда, сваренная накануне и приправленная назавтра ломтиками лука), телячье или баранье рагу, приготовленное из вчерашнего жаркого, чахлый цыпленок, изжаренный на вертеле, и салат. До преддесертных блюд дело вообще, как правило, не доходит, разве что являются на столе унылый омлет или еще более унылые яйца с прогорклым коровьим маслом. Что же касается десерта, то тут гостя ждут в лучшем случае кусок наполовину объеденного сыра, свежие вишни или яблоки, смотря по сезону, а также горсточка орехов или, если дело происходит в пост, крохотная тарелочка сушеных фруктов. На кофе рассчитывать, как правило, не приходится; после трапезы вам нальют скверной местной водки, а во время трапезы — столь же скверного самодельного вина. Застольные разговоры всегда бывают под стать столу; Амфитрион всегда устраивает обед по-дружески против воли и вовсе не старается держаться любезно; посему обе стороны спешат поскорее закончить и еду, и беседу... В завершение этой главы скажем нашим почтенным читателям, что мы заклинаем их, поелику возможно, остерегаться обедов по-дружески, самодельного вина, любительских концертов и домашних спектаклей: всякий, кому дороги собственные глотка, глаза и уши, должен бежать от этих четырех вещей как от чумы» ^{46} .

Неизвестно, был ли А.С. Пушкин знаком с литературно-гастрономическим произведением Гримо де ла Реньера. Однако размышления французского писателя об «обедах по-дружески» перекликаются с подобными «дружескими» застольями, описанными в пушкинском романе в стихах. В первой главе столичный житель Онегин предстает уставшим от шума, любви, дружбы человеком, измученным «русской хандрой»:

⁴⁶ Реньер, Гримо де ла. Альманах гурманов. М., 2014. С. 520–521.

...Измены утомить успели; Друзья и дружба надоели, За тем, что не всегда же мог Beef-steaks и стразбургский пирог Шампанской обливать бутылкой И сыпать острые слова, Когда болела голова: И хоть он был повеса пылкой, Но разлюбил он наконец И брань и саблю и свинец.

(VI, 21)

Переезд в деревню, где поначалу «всё казалось новым», «уединенье, тишина», занятие общественно-полезными делами («Ярем он барщины старинной / Оброком легким заменил» (VI, 32), казалось бы, должны были способствовать выздоровлению героя. Со временем герой вынужденно обрастает кругом «господ соседских селений», общение с которыми сводится к скучным разговорам «о сенокосе, о вине / О псарне, о своей родне» (VI, 36)⁴⁷. Полтора века спустя суть застольных бесед почти не изменилась — в уже упомянутой выше современной песне список тем выглядит так:

...И будет много слов О дисках и джинсах, И о погоде в небесах. А на часах уж за полночь давно.

Соседи приезжают к Онегину «толпами», их беседы становятся «шумными». Процесс накопления будничного негатива фокусируется в праздничных торжествах, «шумные толпы» уподобляются жалящему пчелиному рою. Количество переходит в качество — возникает «нелепая» ссора.

В пушкинском описании деревенского праздника присутствует очевидная симметрия с вариантами задуманными, но не реализованными

⁴⁷ См. также варианты к строфе XI второй главы романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: «О хлебе, пашне и вине», «О псарне, мире и войне», «О псарне, о своей семье» (VI, 273).

автором в XXXVII, «городской» строфе первой главы. В восьмой строке вместо «Вееf-steaks и стразбургский пирог» предполагались варианты: «Святая дружба надоела», «И сердцу дружба надоела», предваряющие характер взаимоотношений Онегина с Ленским: «От делать нечего друзья» (VI, 37). Отвергнутые ранее варианты «Віf-stek (<и> дружеской) пирог» и «...осуждать пирог» (VI, 243) «выстрелили» в «обеде по-дружески» в сцене с «пересоленым» пирогом. Даже смерть Ленского на дуэли укладывается в список возобновленных в деревне городских привычек Онегина.

Но разлюбил он наконец И брань, и саблю, и свинец.

В черновике:

Но предлогать им наконец Устал (он) саблю иль свинец (вариант — «Друзей то сабля то свинец»).

(VI, 243)

Выбор пал на «свинец». Происходит дуэль, Ленский убит. Онегин, следуя логике автора, наконец-то вылечивается от хандры и отправляется на поиски новых приключений:

Им овладело беспокойство, Охота к перемене мест.

(VI, 170)

Несчастная дуэль позволяет автору романа «продлить» бытие своего героя для того, чтобы спустя некоторое Онегин «повторил» драматургическую жизнь Чацкого: «Он возвратился и попал, / Как Чацкий, с корабля на бал...» (VI, 171).

То, от чего «устал» Евгений Онегин в городе, почти зеркально повторяется в деревне. Но если причины городской хандры Онегина автор перечисляет в каталогическом порядке, деревенский сюжет выстроен автором по законам драматического произведения, в котором есть за-

вязка, кульминация, развязка. Высшая точка напряжения приходится на безобидный, мирный «обед по-дружески». И, кажется, не случайно. Пословица «В тихом омуте черти водятся» весьма точно отражает ситуацию. Гости в виде чертей и демонов сначала предстали в вещем сне Татьяны, затем материализовались во внешне добропорядочных сельских помещиков. Именины-«шабаш» становятся лакмусовой бумажкой, обнаруживающей пороки и пустоту деревенской идиллии. Поэт разрушает литературный шаблон, а также обнажает косность ряда архаических привычек и традиций, к числу которых относится обязательное празднование семейных праздников.

Справедливости ради приведем еще одно замечание Гурме: «Заметьте, что мы ведем речь только о городской жизни; в деревне жизнь устроена по-другому, и то, что в городе кажется неучтивостью и нескромностью, среди полей превращается в вещь самую простую и законную»⁴⁸. Однако только что вернувшегося из Геттингена Ленского и приехавшего по делам Онегина трудно назвать деревенскими жителями. Они еще не успели превратиться в «лариных». Точно так же, как не стал им в пору создания романа сам Пушкин.

Письма родителей поэта из Михайловского, содержание ряда глав романа «Евгений Онегин» свидетельствуют о непростом и неоднозначном восприятии традиции проведения семейных праздников представителями русского поместного дворянства в целом и членами семьи Пушкиных в частности. Сергей Львович и Надежда Осиповна страдали от многочисленных неудобств, но вынужденно мирились с неизбежными хлопотами.

Их повзрослевшие дети к подобным мероприятиям относились несколько иначе. Не любила праздновать свой день рождения сестра поэта Ольга Сергеевна. Существует как минимум два свидетельства. В поздравительном письме от 21 декабря 1833 года Сергей Львович замечает: «Как провела ты свой день рождения? Мне помнится, ты не очень-то его любила»⁴⁹. Спустя год он упоминает о том же: «Надеюсь, дорогая Олинька, что ты получишь это письмо прежде 20-го или же в самый день; и хоть ты и не любишь дня своего рождения, но я-то очень его люблю и поздравляю себя с его годовщиной, желая тебе, как и можешь думать, всякого вообразимого и невообразимого

⁴⁸ Реньер, Гримо де ла. Альманах гурманов. С. 520.

⁴⁹ Мир Пушкина. Т. 1. С. 254.

счастья. — Очень хотелось бы послать тебе что-нибудь, но отсюда ничего не могу сделать» 50. Александр Сергеевич был солидарен с сестрой. 20 декабря 1835 года в свой день рождения Ольга Сергеевна сообщала мужу Н.И. Павлищеву: «Помните ли вы, дорогой мой, что сегодня мой день рождения? Никто об этом не забыл, к моему великому неудовольствию, кроме Александра. Мне пришлось, чтобы сделать приятное матери, сходить к службе» 51.

В эпистолярном наследии поэта практически отсутствуют обязательные для его родственников поздравительные «реверансы». В мемуарах А.П. Керн присутствует скупое упоминание о праздновании именин Александра Сергеевича: «В год возвращения его из Михайловского именины свои праздновал он в доме родителей, в семейном кружку и был очень мил. Я в этот день обедала у них и имела удовольствие слушать его любезности» 2. О том, насколько охотно поэт согласился на участие в семейном торжестве, нам неизвестно. Однако примечательна фраза Анны Петровны, предваряющая рассказ об именинах: «Мать его, Надежда Осиповна, горячо любившая детей своих, гордилась им и была очень рада и счастлива, когда он посещал их и оставался обедать. Она заманивала его печеным картофелем, до которого Пушкин был большой охотник» 3. Был ли на столе праздничный пирог, или же именинник довольствовался печеным картофелем, история умалчивает.

Некоторые нюансы пушкинского отношения к семейным праздникам раскрывает письмо Сергея Львовича дочери, посланное 26 мая 1834 года: «Я надеялся сегодня, в день рождения Александра познакомить его (Аббаса-Кули-агу Бакиханова) с Вяземским, но княгиня Мещерская и М-ль Карамзина, Софи, через два часа отплывают в Италию. — Александр сам провожает их до Кронштадта, так что мы не празднуем сей головшины»⁵⁴.

Но всё-таки Пушкин свои дни рождения отмечал. Однако предпочитал иную форму праздничного застолья: не за обеденным столом, а за письменным:

⁵⁰ Мир Пушкина. Т. 1. С. 254.

 $^{^{51}}$ Мир Пушкина. Т. 2. Письма Ольги Сергеевны Павлищевой к мужу и к отцу. 1831—1837. СПб., 1994. С. 136.

⁵² Керн А.П. Воспоминания. Дневники. Переписка. С. 41.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Мир Пушкина. Т. 1. С. 227.

День каждый, каждую годину Привык я думой провождать, Грядущей смерти годовщину Меж их стараясь угадать.

(III, 1; 194)

В отличие от родителей поэт свои дни рождения воспринимал в унисон с личным «метрономом». Праздник «рождения» трансформировался в праздник «жизни», увы, весьма скоротечной:

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит — Летят за днями дни, и каждый час уносит Частичку бытия...

(III, 1; 330)

Подобное трагедийное отношение к собственным дням рождения было характерно не только для Пушкина, но и для другого гения русской литературы — Льва Николаевича Толстого. Сотрудник музея «Ясная Поляна» Алла Полосина констатирует: «Без особого риска ошибиться отметим, что к своему дню рождения и к дням рождения близких или знакомых Толстой относился почти безучастно. Записи в дневниках, упоминания в письмах об этом событии редки, немногим больше дюжины. Фиксации дат дней рождения сопрягаются с биографическими фактами, размышлениями, чтением книг, с горечью по уходящему времени... Так же единичны воспоминания современников о днях рождения писателя» 55. Оказывается, что подобное мироощущение характерно не только для классиков, но и для современных авторов. Упомянутая выше песня «День рождения» имеет такую концовку:

Лишь одиночество одно Забыто Вами на столе, Как будто пачка сигарет... Спешу поздравить Вас, Спешу поздравить Вас!

 $^{^{55}}$ *Полосина А.Н.* Двадцать восемь есть особенное «совершенное» число. К 180-летию со дня рождения Л.Н. Толстого // Нева. 2009. № 2. С. 217.

Сегодня стали Вы На целый год старей!

Остается ответить на вопрос, поставленный нами в начале статьи: почему Пушкин, не слишком жаловавший семейные праздники, в декабрьском письме 1831 года обязуется праздновать дни рождения, крещение и именины?

Ответ содержится всё в тех же письмах Сергея Львовича и Надежды Осиповны дочери. 19 октября 1832 года: «День твоего рождения всегда будет для меня днем торжественным, и я поздравляю себя с моей дорогой Имянинницей»⁵⁶; 29 ноября 1834-го: «...и хоть ты и не любишь дня своего рождения, но я-то очень его люблю и поздравляю себя с его годовщиной». В этих высказываниях ключевым является местоимение «себя», поясняющее, для кого и зачем организуются и проводятся семейные праздники. Когда дети еще маленькие — это праздник всей семьи. Когда дети взрослеют, дни рождения детей превращаются в праздник родителей, родивших, давших имя и крестивших своих чад. Затем у детей появляются свои дети и... «повторится всё как встарь». В 1832 году поэт обрел статус отца. На смену своим, «нелюбимым» дням рождения, должны были придти «любимые»: дни рождения детей, семейные праздники, подарки, поздравления. Увы! Поэт погиб тогда, когда его старшей дочери Марии было 5 лет, Александру — 4 с половиной года, Григорию всего лишь два. Дарить подарки детям на родины, именины и крестины стало некому.

⁵⁶ Мир Пушкина. Т. 1. С. 121.

Вячеслав Козмин

КОРЧМА НА ЛИТОВСКОЙ ГРАНИЦЕ

Фразеологический подтекст в драме А.С. Пушкина «Борис Годунов»

В статье «Фразеология художественной прозы А.С. Пушкина» саратовский лингвист В.П. Воробьев отмечал: «Они (пословицы и поговорки) становятся для Пушкина обычной формой выражения мысли. В произведениях поэта пословицы и поговорки в значительной мере начинают появляться с 1820 года»¹. Формы выражения мысли через пословицу могут иметь и обратную направленность. При наличии большого багажа знаний в сфере народной фразеологии пословицы начинали влиять на «мысли» самого поэта, «подсказывая» автору сюжетные линии, характеры и манеру поведения его «народных» персонажей. Однажды в письме к С.А. Соболевскому (от 15 июля 1827 года) Пушкин осуществил «перевод» литературного текста на язык пословиц и поговорок: «Перенеси мужественно перемену судьбы твоей, т. е. по одежке тяни ножки — всё перемелится, будет мука. Ты видишь, что кроме пословиц, ничего путного сказать тебе не съумею» (XIII, 332). В статье мы, напротив, попробуем осуществить перевод одной сцены из драмы «Борис Годунов» на тот язык, на котором говорил народ и сам Пушкин, — язык пословиц и поговорок.

Сцена носит название «Корчма на литовской границе». Граница между Русью и Литвой во времена правления Бориса Годунова пролегала неподалеку от Святых Гор, а «корчмами» назывались заведения, в которых занимались «чарочной продажей питей»². Не только Пушкин, но и его друг поэт Н.М. Языков посвятил корчме целое произведение, которое так и называется — «Корчма». Стихотворение было написано в 1825 году по впечатлениям от путешествия автора из Дерпта в Петербург:

¹ Воробьев В.П. Фразеология художественной прозы А.С. Пушкина // Ученые записки Саратовского государственного педагогического института: Исследования по лексике и фразеологии русского языка и методике их изучения. Саратов, 1965. Т. 43. С. 113.

 $^{^2}$ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–14. М., 1978–1980. Т. 4. С. 671.

То млечное, то голубое — Волнами озеро Чудское Полгоризонта облегло. Меня палит несносным жаром: «Вези в корчму — я пить хочу»³.

Хоть и говорится, что «русская кость тепло любит»⁴, но «где солнце пригреет, там и вода примелеет», или «от жару и камень треснет». Поэтому знойным летом, находясь в пути, путешественник вовсе не мечтал о веселящем душу и тело напитке. Все его помыслы сводились к глотку обыкновенной воды, так как «вином жажды не запьешь, разве больше наживешь». На это и надеялся герой языковского стихотворения, очутившись в придорожной корчме:

Перед булыжною корчмою. Вхожу в нее — она полна. Не милы лица, одеянья Сего незнатного собранья... ....Я пить спросил — рукой немытой Хозяйка кружку мне дала,— Вода нечистая была: Душа питья не приняла, И я с поспешностью сердитой Корчму покинул и лечу. Несносный жар! я пить хочу⁵.

Увы, мрачная обстановка, царившая в заведении, а также вездесущая грязь лишили путника удовольствия испить воды. Поэтому он продолжил свое утомительное путешествие «несолоно хлебавши».

Спустя год, в июле 1826 года, Языков снова по той же дороге, минуя, очевидно, неприветливые питейные заведения Лифляндии, отправился в гости к А.С. Пушкину. По данным А.М. Гордина: «Лето 1826 года выдалось на редкость изнуряющее и жаркое, что не лучшим образом сказывалось на настроении Пушкина, и без того невеселом.

³ *Языков Н.М.* Полное собрание стихотворений. М.; Л., 1934. С. 191–192.

 $^{^4}$ Здесь и далее пословицы и поговорки цит. по: *Даль В.И*. Пословицы и поговорки русского народа. М., 2000 [Электронный ресурс: www.litres.ru].

⁵ Языков Н.М. Полное собрание стихотворений. С. 191–192.

И тут как нельзя более кстати был приезд в Тригорское из Дерпта на каникулы Николая Михайловича Языкова»⁶. На этот раз молодой поэт сделал для себя открытие: в отличие от неприветливых питейных заведений Лифляндии, в Тригорском, несмотря на всё ту же жару, истина обретается не в воде, а в вине. Здесь его угостили жженкой — благородным напитком, о котором Пушкин в своем послании к Языкову впоследствии написал:

...Нет, не кастальскою водой Ты воспоил свою Камену; Пегас иную Иппокрену Копытом вышиб пред тобой. Она не хладной льется влагой, Но пенится хмельною брагой; Она разымчива, пьяна, Как сей напиток благородный, Слиянье рому и вина, Без примеси воды негодной, В Тригорском жаждою свободной Открытый в наши времена.

(III, 1; 22)

Двум поэтам было о чем побеседовать и в Михайловском, и под липовыми сводами Тригорского парка. После возвращения в Дерпт Николай Михайлович писал своему брату: «Пушкин в большой милости у государя: это будет иметь благодетельное действие на нашу литературу. Он хочет напечатать свою трагедию «Борис Годунов», которую мне читал; она лучше всего, что он сочинил доселе, удивительно верно изображает нравы тогдашнего времени...» По-видимому, Пушкин читал младшему собрату по перу и свою «Корчму», сцену из трагедии «Борис Годунов» «Корчма на литовской границе». Возможным предметом обсуждения могли также стать пословицы и поговорки, каковых в пушкинском произведении немало. Тем более, что некоторые из них звучали весьма кстати во время поэтического застолья. Третий участник тригорских пирушек, Алексей Николаевич Вульф,

⁶ Гордин А.М. Пушкин в Михайловском. Л., 1989. С. 321.

⁷ Языков Н.М. Сочинения. Л., 1982. С. 331.

впоследствии вспоминал: «Во время пребывания своего в ссылке, в деревне, Пушкин под надзором игумена Святогорского монастыря не был и только угощал его по праздникам... От игумена Святогорского монастыря Пушкин позаимствовал поговорки, вставленные в «Бориса Годунова», именно в ту сцену, которая происходит в корчме на границе:

Наш Фома, Пьет до дна, Выпьет — да поворотит, Да в донушко поколотит... — и т. д.»8

Не случайно в том же письме брату Языков «начиняет» свой текст пословицами и поговорками: «Только дай мне бог здоровья, а я наделаю чудес в мире литературном; по исполнении описанного намерения всё пойдет у меня в гору, время запляшет по моей дудке…»

В обоих случаях ожидания путешественников в том, что «корчма невысока, да дорожка весела», не сбываются. И у Языкова, и у Пушкина посещение заведения заканчивается бегством. У первого — вследствие того, что хозяева и посетители придерживаются принципа: «Поиграв грязью, да и за́ щеку», государственный преступник Отрепьев, чья «веселая дорожка» могла закончиться острогом или виселицей, вынужден следовать пословицам: «Не мил белый свет — беги в темный лес»! и Дают — бери; бьют — беги»! И не случилось бы всего этого скандала, если бы в корчме поили только водой, хоть и не свежей: «Что за беда, коли пьется вода». Увы, здесь предпочитали не воду, а «зеленое вино», а вино, как говорится, «вину творит».

Начинается сцена с авторской реплики: «Мисаил и Варлаам, бродяги-чернецы; Григорий Отрепьев мирянином; хозяйка» (VII, 28). Посетители входят вместе, оправдывая тем самым смысл пословицы: «Всякий мирянин своему брату семьянин». Действительно, монахи-«чернецы» и «мирянин» в каком-то смысле братья, так как являются служителями веры. Что же касается места, которое они посещают и которое весьма удалено от храма, то, как говорится, «никакой мирянин от мира не прочь».

⁸ Вульф А.Н. Дневник. М., 1929. С. 39.

⁹ Языков Н.М. Сочинения. С. 331.

По-видимому, ранее Григорий поведал попутчикам о своем намерении бежать за границу:

Мисаил: «Что ж ты закручинился, товарищ? Вот и граница Литовская, до которой так хотелось тебе добраться».

Григорий: «Пока не буду в Литве, до тех пор не буду спокоен»...

Учитывая ситуацию, в которой оказался беглец, продолжением его ответа на вопрос Мисаила могла бы стать пословица «Охота пуще неволи». Причем «неволя» здесь представлена в самом что ни на есть прямом смысле — это то, что ожидало Григория на родине. А может быть, его ждало худшее: «В Москву идти — голову нести».

Варлаам: «Что тебе Литва так слюбилась? Вот мы, отец Мисаил, да я грешный, как утекли из монастыря, так ни о чем уж и не думаем. Литва ли, Русь ли, что гудок, что гусли: всё нам равно, было бы вино... да вот и оно!..»

Если учесть, что в старину вином называли водку-«полугар», которую изготавливали из зерна, то реплика «...Всё нам равно, было бы вино» оказывается равносильной пословице «Хлеб везде хорош, и у нас и за морем».

Два монаха, Варлаам и Мисаил, кажется, не случайно оказались в питейном заведении, которое, наряду с земными радостями, сулило «повышение» в церковной иерархии: «Ходи в кабак, вино пей, нищих бей, будешь архиерей»! По-видимому, после первых чарок собутыльники еще не достигли той стадии, когда «[у него] слово слову костыль подает». Однако «рожь в поле не околица, а пьяного речь не пословица», поэтому Варлаам расширяет жанровые рамки своего веселого «послушания» и, следуя логике пословиц «Пьян поет — себя тешит» и «Пьяный Тит псалмы твердит», запевает «Как во городе было во Казани...».

«Законы» застольного пения гласят: «Петь хорошо вместе, а говорить порознь». Но «мирянин» Григорий не поддерживает чистосердечный порыв умудренных жизнью сотоварищей. Его молчание могло быть истолковано и как гордыня («Во всякой гордости черту много радости»), и как чванство («Чванство не ум, а недоумье»), и как зазнайство («Зазнался, что вошь в коросте»). Да и вообще — «Глупый умного, пьяница трезвого не любят». Обескураженный Варлаам, кажется, слегка обижается на непьющего и не поющего Григория: «Что же ты не подтягиваешь, да и не потягиваешь?» — но в конце концов великодушно прощает Григория, «разложив» на два голоса с Мисаилом известную пословицу: «Вольному воля — спасенному рай»:

Мисаил: «Вольному воля...» Варлаам: «...А пьяному рай».

Варлаам слегка видоизменяет свою часть фразеологизма, подстраивая ее под сложившиеся обстоятельства — питие в корчме. За подобное вольномыслие и подмену изначального смысла пословицы Пушкин получил изрядную порцию критики. Один из рецензентов возмущался: «Сцену в корчме можно бы смягчить: монахи слишком представлены в развратном виде. Пословица: Вольному воля, спасенному рай, — переделана: Вольному воля, а пьяному рай. — Хотя эти монахи и бежали из монастыря и хотя это обстоятельство находится у Карамзина, но, кажется, самый разврат и попойка должны быть облагорожены в поэзии, особенно в отношении к званию монахов»¹⁰.

Автору непросто было бы согласиться с критиком, поскольку его трагедия базировалась не на канонах облагороженной поэзии, а на правде жизни и в том числе — на правде ее отражения в народных пословицах, например: «Сколько дней у бога в году, столько святых в раю, а мы, грешные, им празднуем» и «Пьяный хоть в тумане, а всё видит бога». Кстати, у автора «Бориса Годунова», кажется, существовал еще один вариант интерпретации этой пословицы — в стихотворении «Пора, мой друг, пора...» 1834 года: «...На свете счастья нет, Но есть покой и воля...»

В реплике Варлаама присутствует примечательное обращение к хозяйке корчмы: «Выпьем же чарочку за шинкарочку...», слегка напоминающее тост, вынесенный в название современной комедии «За прекрасных дам». Однако «шинкарочка» — все-таки не совсем дама, а хозяйка шинка, разновидности корчмы. Чарочка, чарка, чара — название сосуда для питья крепких напитков. Синонимами к слову «чарка» — стопка, кубок, стакан, рюмка. В своем «Толковом словаре живого великорусского языка» в статье «Шинковать» В.И. Даль сообщает: «Шинка́рь м. шинка́рка ж. целовальник, сиделец шинка́. Выпьем же чарочку за шинкарочку! Пушкин»¹¹. Примечательно, что у этой пословицы, в отличие от большинства других, имеется автор — Александр Сергеевич Пушкин. Однако поэт сочинил не только ставшую общенародной пословицу, но и «народную» песню. Об этом свидетельствовал П.И. Бартенев,

 $^{^{10}}$ *Булгарин* Φ .B. Замечания на комедию о царе Борисе и Гришке Отрепьеве // А.С. Пушкин. Борис Годунов. СПб., 1996. С. 488.

¹¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. С. 671.

который со слов П.В. Киреевского записал рассказ его о встречах с Пушкиным в 1835 году в Петербурге: «Пушкин с великою радостью смотрел на труды Киреевского, перебирал с ним его собрание, много читал из собранных им песен и обнаруживал самое близкое знакомство с этим предметом. Еще прежде, через Соболевского, он доставил Киреевскому тетрадку псковских песен, записанных с голоса, частью собственною рукою Пушкина, частью другой рукою (около 40 пес.)... Обещая Киреевскому собранные им песни, Пушкин прибавил: «там есть одна моя, угадайте»!¹²

Но вернемся в корчму. Поскольку «тихое молчанье никому не ответ», Григорий решает вступить в диалог и призывает оппонентов к сдержанности и разумному потреблению алкоголя. Его аргументы весьма близки целому ряду фразеологизмов: «Пей, кума, да не пропей ума», «Пей по всей, да примечай гостей», «Пей, да ума не пропей». Оно и понятно: беглому монаху не до разгульного веселья, потому что «пьяный, что малый: что на уме, то и на языке», «хмельной, что прямой: рот нараспашку, язык на плече», «пьяного речи — трезвого мысли».

Призывы Григория к умеренности вызывают понятное недовольство и даже подозрения у Варлаама: «Да что он за постник? Сам же к нам навязался в товарищи, неведомо кто, неведомо откуда, — да еще и спесивится; может быть, кобылу нюхал...» В этой фразе подспудно присутствует еще одна пословица: «Хмель в компанию принимает, а непьющего никто не знает», логически переходящая в сентенцию «Гусь свинье не товарищ». Правда, кто из присутствующих «гусь», а кто «свинья», читателю понять пока что трудно...

Одно несомненно: и Варлаам, и Григорий владеют поэтическим даром. Начитанный Григорий платит красноречивому Варлааму той же монетой: «Пей да про себя разумей, отец Варлаам! Видишь, и я порой складно говорить умею». Впрочем, учитывая специфику хмельного общения, Григорий мог бы ограничиться пословицей «И не складно, да ладно». Тем более, что проницательный Варлаам мог бы заподозрить молодого товарища в насмешке над его почтенными сединами, так как «молодой стареет — умнеет; старый стареет — глупеет (дуреет)».

Узнав от хозяйки корчмы, что на границе выставлены дозоры, Григорий про себя горестно вздыхает... поговоркой: «Вот тебе, бабушка,

 $^{^{12}}$ Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П.И. Бартеневым в 1851-1860 годах / вступ. ст. и прим. М. Цявловского. М., 1925. С. 52-53.

Юрьев день». Сейчас эта поговорка обозначает неожиданность, обманутые ожидания, нежданное огорчение. А возникла она как раз в то время, когда происходит действие в пушкинской трагедии. В Юрьев день, 26 ноября, русские крестьяне имели право на смену владельца. В царствование Бориса Годунова эта «льгота» была отменена. Григорий использует в своей речи «новорожденную» поговорку, которую и поговоркой-то назвать весьма трудно, так как она еще не обрела широкого круга смысловых значений. Герой интерпретирует ее содержание, исходя из неожиданно возникшей ситуации: невозможности пройти через пограничные заставы и сменить не только хозяина, но и царя. Кажется, автор в этом эпизоде слегка экспериментирует и прослеживает истоки эволюции отдельной исторической фразы в широкое понятийное образование — поговорку.

С этого момента и без того неполное понимание между Григорием и чернецами пропадает. Он думает «про Фому, они — про Ерему», традиционных персонажей русских пословиц. На самом деле, все его мысли — о бегстве. Речи Варлаама и Мисаила продолжают развиваться в том же «алкогольном» направлении:

Варлаам: «Эй, товарищ! да ты к хозяйке присуседился. Знать, не нужна тебе водка, а нужна молодка; дело, брат, дело! у всякого свой обычай; а у нас с отцом Мисаилом одна заботушка: пьем до донушка, выпьем, поворотим и в донушко поколотим».

«У Сидора обычай, а у Карпа свой». И у Варлаама с Мисаилом свой — пить до дна: «Пей досу́ха, чтоб не болело брюхо». Правда, подобный способ опустошения чарок к добру не приводит: «Пить до дна — не видать добра», «Кто чарку допивает, тот веку не доживает». Но, как говорится, «привычка — вторая натура». Чтобы ни одной капли не осталось на дне, монахи переворачивают чарки («Кубок на кубок, и ковш вверх дном») и стучат ладонью по дну, то есть поступают согласно пословице «Выпить на лоб (до капли)».

В это время «услужливая» хозяйка, вопреки пословице «Не ищи проселочной от столбовой», указывает Григорию спасительный окольный путь («Хотя криво поеду, а к злому не заеду»): «...будто в Литву нет другого пути, как столбовая дорога! Вот хоть отсюда сверни...»

В это время «слышен шум»: «Дозорные идут…» Григорий думает о дороге на Луевы горы, бегстве, а в пословице об этом говорится так: «Думы за горами, а беда (или: а смерть) за плечами».

Дальнейшие события оправдывают опасения Ваарлама. «Постник» Григорий руководствуется знанием человеческих слабостей: «Вино уму не товарищ», «Хмель шумит — ум молчит», «Вино с разумом не ладит». Он возводит напраслину на случайного сотоварища — в соответствии с пословицей: «На пьяного поклеп, а трезвый украл», — обвиняя того в собственных преступлениях. Он читает царский указ, но, как говорится, «уела попа грамотка». Варлаам оказывается «тертым калачом» («Пьяный да умный — человек думный») и осознает, что «учился читать да писать, а выучился петь да плясать». Слава богу, что память без вины виноватого что-то всётаки сохранила, восторжествовал принцип: «Не будь тороплив, будь памятлив», и чернец, находясь на краю пропасти, пожал таки плоды просвещения: «Кто грамоте горазд, тому не пропасть». Варлаам, вырывая бумагу: «...Я давно не читывал и худо разбираю, а тут уж разберу, как дело до петли доходит» (или «Ученье — свет, а неученье тьма»).

Действие в корчме, где, как правило, пьют не закусывая, развивается по сценарию, «изложенному» в пословице: «Первую пить — здраву быть, вторую пить — ум повеселить, утроить — ум устроить, четверту пить — неискусну быть, пятую пить — пьяну быть, чара шестая мысль будет иная, седьмую пить — безумну быть, к осьмой приплести рук не отвести, за девятую приняться — с места не подняться, а выпить чарок с десять — так поневоле взбесят». По мере потребления пития «зеленый бес» вселяется в собутыльников («Вина напиться бесу предаться», «В пьяном бес волен»). А бес обыкновенно приводит к дракам и побоищам («Честна свадьба гостьми, похороны слезьми, а пьянство дракой»; «Где ни напьется, тут и подерется»; «За ковш, так и за нож; за чарку, так и за драку»). Застолье в корчме на литовской границе к драке не привело, но до поножовщины было совсем близко: «Ребята! здесь Гришка! держите, вяжите его! Вот уж не думал, не гадал. Григорий вдруг вынимает кинжал; все перед ним расступаются». Далее преступник «бросается в окно», а приставы кричат ему вослед: «Держи! держи! Все бегут в беспорядке»: «Сам наперед бежит, а кричит: держи вора»!

Может показаться, что затронутая тема принадлежит к разряду низких и не достойных рассмотрения. Но с чего начинается пушкинская трагедия?

Шуйский:

Чем кончится? Узнать не мудрено: Народ еще повоет, да поплачет, Борис еще поморщится немного, Что пьяница пред чаркою вина, И наконец по милости своей Принять венец смиренно согласится; А там — а там он будет нами править По прежнему.

(VII, 5)

С помощью характерной при употреблении крепкого алкоголя детали Пушкин создает удивительно точный психологический портрет мятущегося венценосца, чье кажущее величие разъедают муки совести:

Душа сгорит, нальется сердце ядом, Как молотком стучит в ушах упрек, И всё тошнит, и голова кружится, И мальчики кровавые в глазах... И рад бежать, да некуда... ужасно!

(VII, 26)

Выражение «Мальчики кровавые в глазах» — переосмысленный автором трагедии вариант фразеологизма, присутствующего в разделе «Пьянство» сборника русских пословиц В.И. Даля: «Один глаз поперек (т. е. пьян); мальчики в глазах». Одним из последствий чрезмерного употребления спиртного может стать нарушение зрения. Привычная картинка начинает множиться, дробиться, двоиться и троиться. С этим связаны пословицы: «То пьян, коли пальцы впрямь, а народ в глазах, что ельник»; «Из пяти пальцев не вижу ни одного, а один в глазах семерит». Авторы современного «Большого словаря крылатых слов русского языка» предлагают также псковский вариант выражения: «А.С. Пушкин при этом использовал один из вариантов народного оборота (он известен до сих пор на Псковщине) «мальчики в глазах» (рябит, зеленеет в глазах), который имеет в диалектах немало вариантов: «угланчики в глазах бегают», «мухи (мушки) в глазах» и др. Они обычно характеризуют бо-

лезненное состояние. О людях, мучимых раскаянием за совершенное злодеяние, а также о людях, бывших свидетелями убийства, катастрофы и т. п.»¹³ Следовательно, эта пословица, как и записанная от игумена Ионы пословица о «Фоме», могла быть услышана поэтом в период михайловской ссылки. Поэт вводит прилагательное «кровавые», которое принципиально меняет смысл выражения. В то же время, симптомы «болезни» кающегося грешника весьма близки тому состоянию, которое испытывает наутро изрядно выпивший накануне алкоголик. Сейчас такое состояние называют похмельем, в трагедии — это муки совести, которые, впрочем, не чужды и горькому пьянице.

Трудно определить, насколько существенным оказалось влияние пословиц и поговорок на содержание трагедии «Борис Годунов». Однако факт такого влияния очевиден. Соответственно, полноценное прочтение целого ряда пушкинских произведений возможно только при условии знаний в сфере русской народной фразеологии. Когда Григорий Отрепьев затевает с приставом спор по поводу царского указа, последний отвечает пословицей «Не всяко слово в строку пишется». Так и чтение пушкинских произведений дает право на домысливание того, что осталось за кадром: «Не всяко слово в строку пишется, но между строк пословица слышится».

 $^{^{13}}$ Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка / под ред. С.Г. Шулежковой. В 2 т. Магнитогорск, 2008. Т. 1. С. 295.

Юрий Мудров, Анна Голованова

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ПАМЯТНИКА «ИСААКИЕВСКИЙ СОБОР» В 2021—2022 ГОДАХ

Предыдущий год для Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор» был ознаменован рядом круглых дат и юбилеев. Все они нашли отражение в издательских и выставочных проектах, представленных широкой аудитории.

Одним из общенациональных знаковых событий, объединивших культурные, научные и общественные круги и превалирующих среди тематики музейных мероприятий, стало празднование 800-летия со дня рождения святого Александра Невского. Имя благоверного князя неразрывно связано не только с Санкт-Петербургом, но и с храмами-памятниками, входящими в состав ГМП «Исаакиевский собор». Святой Александр Невский является небесным покровителем Северной столицы, а также небесным покровителем императоров Александра I и Александра II, чьи судьбы вплетены в летопись Исаакиевского собора и храма Воскресения Христова (Спаса на Крови)¹.

В каждом из храмов-памятников имеются живописные, скульптурные или мозаичные произведения², отражающие иконографические особенности изображения Александра Невского в первой трети XIX — начале XX века. В рамках празднования юбилея легендарного героя музей подготовил ряд мероприятий. Среди них следует отметить фотовыставку «Воин. Миротворец. Молитвенник», в основу которой были положены выдающиеся произведения монументально-декоративного

¹ Именно решение Александра I о перестройке Исаакиевского собора стало стартом для строительства выдающегося архитектурного памятника. Для решения этой задачи приглашались лучшие мастера, использовались новейшие технологии, выделялись огромные средства из государственной казны. Собор стал не только кафедральным храмом Санкт-Петербурга — столицы Российской империи, но и символом могущества всего государства. С именем Александра II связана история строительства другого храма-памятника. Спас на Крови построен на месте смертельного ранения императора.

² Авторами работ являются выдающиеся художники П.В. Басин, К.П. Брюллов, И.П. Витали, Майков, Т.А. Нефф (Исаакиевский собор), В.В. Беляев, Н.А. Кошелев, М.В. Нестеров, В.П. Павлов, В.Л. Соловьев (Спас на Крови).

искусства из убранства Исаакиевского и Сампсониевского соборов и храма Спаса на Крови. Выставка начала свой путь в городе Саранске³, центре Мордовии — на земле, связанной с именем великого флотоводца, святого Феодора Ушакова, после чего направилась в Смоленщину, в музей другого русского героя⁴ — адмирала Павла Степановича Нахимова. Далее по маршруту выставка была представлена на родине великого русского поэта и дипломата Федора Ивановича Тютчева⁵.

Открытое международное сотрудничество в прошлом году позволило показать фотовыставку в Болгарии⁶, стране, где почитают святого князя — небесного покровителя Александра II и русского воинства. По волеизъявлению и на средства болгарского народа в Софии во имя святого Александра Невского был воздвигнут величественный собор (1884—1912) — в память о русских солдатах, павших в боях за освобождение Болгарии от Османского ига. Выставка «Воин. Миротворец. Молитвенник» планировалась также к показу в Бачковском монастыре и ряде учреждений Болгарии, но все проекты в текущем году были «заморожены». Несмотря на это следует отметить, что выставку с нетерпением ждут в Сербии, и музей продолжает работу в этом направлении, что служит укреплению международных культурных связей.

Одновременно с зарубежным показом выставка демонстрировалась в городе Пскове⁷, также связанном с именем великого полководца — не только историческими событиями, но и почитанием и сохранением памяти о нем на всей Псковской земле. В дни празднования 780-летия Ледового побоища выставка была представлена у берегов Чудского озера⁸.

³ С 3 июня по 8 августа 2021 года, Мордовский республиканский музей изобразительных искусств имени С.Д. Эрьзи

 $^{^4}$ С 13 августа по 30 сентября 2021 года, Государственный историко-культурный и природный музей-заповедник А.С. Грибоедова «Хмелита».

 $^{^5}$ С 19 октября по 3 декабря 2021 года, Государственный мемориальный историко-литературный музей-заповедник Ф.И. Тютчева «Овстуг».

⁶ С 6 декабря 2021 года по 6 января 2022 года, Представительство Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству, Российский культурно-информационный центр (София, Болгария).

⁷ С 29 декабря 2021 года по 23 января 2022 года, Псковское региональное отделение Всероссийской творческой общественной организации «Союз художников России».

 $^{^{8}\,}$ С 23 марта по 22 апреля 2022 года, Гдовский музей истории края.

В 2022 году ГМП «Исаакиевский собор» продолжает миссию знакомства регионов Российской Федерации с монументальными произведениями искусства из собрания музея. Поводом служит очередная юбилейная дата, связанная с именем Александра Ярославича, — 475-летие его канонизации.

К началу работы фотовыставки был издан каталог, а позднее в свет вышел научный альбом «Защитник и праведник земли Русской: в поисках образа. Иконография святого благоверного князя Александра Невского в произведениях из собрания Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор»⁹, презентация которого состоялась 13 октября 2021 года. Месяцем ранее, 8 сентября, состоялась презентация сборника научных статей из серии «Кафедра Исаакиевского собора», выпущенного по итогам конференции «Святой благоверный князь Александр Невский: опыт изучения и сохранения культурно-исторического наследия» (13–14 апреля 2021 года)¹⁰. Всероссийская научно-практическая конференция пришлась на время пандемии, тем не менее состоялась в очном формате и собрала участников из многих регионов страны. Среди докладчиков были представители из Астрахани, Воронежа, Калуги, Москвы и Московской области, Переславля Залесского, Пскова и Псковской области и других городов и областей.

Ряд мероприятий был подготовлен и в связи с 90-летней годовщиной музея. 12 апреля 1931 года в Исаакиевском соборе торжественной демонстрацией опыта Фуко был открыт «Государственный антирелигиозный музей (бывший Исаакиевский собор)». Предпосылки музеефикации здания возникли сразу после национализации собора в послереволюционные годы, но основанием для организации непосредственно самого музея, комплектования его фондов и создания первой экспозиции стало постановление Президиума ВЦИК от 18 июня 1928 года, согласно которому Исаакиевский собор передавался в исключительное пользование Главнауке Наркомпроса РСФСР как музейный памятник. С 1928 по 1931 год были сформированы фонды музея и заложены основы экспози-

⁹ Защитник и праведник земли Русской: в поисках образа. Иконография святого благоверного князя Александра Невского в произведениях из собрания Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор». СПб., 2021.

¹⁰ Святой благоверный князь Александр Невский: опыт изучения и сохранения культурно-исторического наследия: Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. В 2 ч. // Кафедра Исаакиевского собора. Вып. ХХХ. СПб., 2021.

ции, посвященной строительству Исаакиевского собора и его архитектуре. Сообразно идеологическим установкам того времени в основу работы была положена антирелигиозная пропаганда. Но спустя всего шесть лет профиль музея был изменен, объектом изучения и показа стал сам Исаакиевский собор как художественный и исторический памятник. После окончания Великой Отечественной войны и первоочередных ремонтных работ, в 1948 году было изменено и название музея — «Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор», которое сохранилось до сегодняшнего дня.

Исаакиевский собор в Санкт-Петербурге — один из первых музеефицированных храмов, которому была возвращена утраченная в сознании общества духовно-историческая ценность. Немалая заслуга в этом принадлежит ГМП «Исаакиевский собор», деятельность которого уже несколько десятилетий служит убедительным примером соработничества с Русской православной церковью и уже девяносто лет направлена на изучение, сохранение и популяризацию культурно-исторического наследия. К памятной дате музеем была проведена конференция «Ревалоризация объектов храмового зодчества: от противоборства к соработничеству» (30 ноября — 1 декабря 2021 года), которая стала завершающим звеном в цепочке юбилейных мероприятий 2021 года.

На ежегодной научно-практической конференции, в настоящее время получившей статус Всероссийской, были представлены доклады специалистов из разных городов и регионов Российской Федерации. Участники обменивались опытом и обсуждали актуальные вопросы, связанные с проблемами атрибуции, изучения и экспонирования предметов религиозного назначения, являющихся частью Музейного фонда Российской Федерации. Были рассмотрены аспекты взаимодействия музеев-памятников и музеев-заповедников с Русской православной церковью. Большое внимание уделено вопросам сохранения выдающихся произведений монументального искусства на объектах церковного зодчества. Большая часть исследований, представленных как сотрудниками ГМП «Исаакиевский собор», так и докладчиками из других организаций, была приурочена к 90-летию музея и посвящена музеефикации Исаакиевского собора, а также некоторым вопросам истории его создания. По итогам конференции традиционно подготовлен сборник научных статей 11, в который включен новый

¹¹ Роль музеев в ревалоризации объектов храмового зодчества: от противоборства к соработничеству. К 90-летию открытия музея в Исаакиевском соборе:

раздел — приложение «Воспоминания, историографические очерки, эссе, заметки».

К юбилейному событию новый раздел появился и на официальном сайте ГМП «Исаакиевский собор»¹². «Лента Времени» отражает знаковые события истории музея. Большой интерес у посетителей вызывают события 1930-х годов, и в первую очередь — демонстрация опыта с маятником Фуко. В рамках праздничных мероприятий была подготовлена выставка «Музею 90 лет» (открытие состоялось 8 апреля 2021 года). Представленные экспонаты (исторические фотографии, документы и предметы из экспозиции 1930-1940-х годов) позволили передать атмосферу той эпохи и познакомить с экспозицией музея в первые годы его работы. О том, что представлял собой в то время интерьер собора, красноречиво рассказывают фотографии, сделанные в этот период. Стенды закрывали часть стен, живопись пилонов, мозаику иконостасов, но при этом аттиковая живопись на библейские сюжеты оставалась совершенно доступной. Более того, в экспозиции были представлены иконы, церковная утварь, облачения, поступившие в фонд музея из других церквей и оставшиеся от ризницы самого собора. Некоторые разделы знакомили посетителей и с самими основами христианского вероучения, а в подвале была организована выставка, рассказывающая о религиозных праздниках. Несмотря на нагромождение стендов, щитов, плакатов и других подобных конструкций, провозглашающих антицерковные лозунги и убеждающих посетителей в контрреволюционной деятельности духовенства, а также искажающих восприятие самого интерьера, все детали художественного убранства собора были сохранены. В этом больше всего видится заслуга сотрудников музея, которые, несмотря на идеологические установки, считали Исаакиевский собор прежде всего выдающимся памятником истории и культуры нашего народа, а своим долгом видели сохранение этого достояния для потомков.

Другим не менее интересным архитектурным памятником, входящим в состав ГМП «Исаакиевский собор» и сохраненным до наших дней благодаря музею, является храм Воскресения Христова, более известный как храм Спаса на Крови. В этом году отмечается 50-летие начала его реставрационных работ и 25 лет со дня их окончания. Ре-

Сборник научных статей (Всероссийская научно-практическая конференция, 30 ноября — 1 декабря 2021 года). В 2 ч. // Кафедра Исаакиевского собора. Вып. ХХХІ. СПб., 2022.

¹² Электронный ресурс: https://cathedral.ru/ru/anniversary_90.

ставрация одной из жемчужин Санкт-Петербурга, завершения которой, вдохновляясь строками А.Я. Розенбаума¹³, ждал весь город, состоялась благодаря инициативе бывшего в то время директором ГМП «Исаакиевский собор» Г.П. Бутикова при поддержке деятелей культуры. К памятным датам музей подготовил выставку «Спас на Крови. Время возрождения». Торжественное открытие 11 марта 2022 года началось с выступления входящего в состав ГМП «Исаакиевский собор» Концертного хора Санкт-Петербурга. Выставка стала своего рода посвящением мастерам-реставраторам, которые потратили немало сил и времени на сохранение уникального храма-памятника. Некоторые из них (И.Ю. Лаврененко, В.Ю. Никольский, С.А. Смирнов, Л.А. Соломникова, П.Г. Щедрин) присутствовали на церемонии и были награждены памятными медалями за вклад в сохранение музея-памятника «Спас на Крови», изготовленными на Санкт-Петербургском монетном дворе по заказу ГМП «Исаакиевский собор». Среди экспонатов выставки — предметы декоративно-прикладного искусства, исторические документы, архивные фотографии, фрагменты мозаик, реставрационные схемы, по которым воссоздавались утраченные элементы убранства. Как и к каждой выставке, организованной Государственным музеем-памятником «Исаакиевский собор», был подготовлен каталог с вступительной статьей, повествующей о кропотливом и ответственном труде реставраторов, которые бок о бок с сотрудниками музея сберегают замечательные образцы культурного наследия для следующих поколений.

В нынешнем году, как и большинство музеев Российской Федерации, ГМП «Исаакиевский собор» принял эстафету празднования еще одного большого юбилея — 350-летия со дня рождения Петра Великого. В мае состоялось открытие выставки «Исаакиевский собор — Петровский храм» и приуроченная к этому событию презентация монографии сотрудника музея В.О. Яковлева о локализации первой Исаакиевской церкви. Современный Исаакиевский собор — главный объект музея является уже четвертым храмом, освященным в честь преподобного Исаакия Далматского (день памяти святого совпал с днем рождения Петра Алексеевича), и, как и его предшественники, — единственным архитектурным памятником первому российскому императору.

¹³ Песня А.Я. Розенбаума «Налетела грусть» написана в 1984 году. В ней есть строки: «Хочу хранить историю страны своей, / Хочу открыть Михайлов замок для людей. / Хочу придать домам знакомый с детства вид, / Мечтаю снять леса со Спаса на Крови».

Светлана Камышева, Альбина Филиппова

МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ АКАДЕМИКА ВИТАЛИЯ ГРИГОРЬЕВИЧА КОСТОМАРОВА: ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

С середины 2021 года в Государственном институте русского языка имени А.С. Пушкина начал формироваться вузовский Мемориальный музей академика В.Г. Костомарова, который был знаком с Семеном Степановичем Гейченко и другими сотрудниками Пушкиногорья.

Уникальный ведомственный музейный проект направлен на создание мемориального языкового и лингвострановедческого комплекса, где музей, посвященный выдающемуся мастеру-языковеду В.Г. Костомарову, должен стать одним из ключевых культурно-образовательных центров с современной инфраструктурой, комфортной и привлекательной для всех категорий посетителей.

В перспективе в музее будет создана экспозиция, названная цитатойзаголовком книги В.Г. Костомарова — «Мой гений, мой язык», которая не только увековечит память об ученом, но и воплотит в уникальной форме многочисленные идеи музея русского языка: через биографию и деятельность В.Г. Костомарова и его окружения здесь будут показаны процессы, связанные с историей и изучением языка, его современным состоянием, преподаванием, распространением и популяризацией.

Основой музея явилась мемориальная коллекция предметов, принадлежавших выдающемуся ученому-лингвисту, инициатору создания и первому ректору Института Пушкина, лауреату Государственной премии СССР, премии Президента Российской Федерации, заслуженному деятелю науки Российской Федерации, одному из основателей методики преподавания русского языка как иностранного академику В.Г. Костомарову (03.01.1930–26.01.2020).

Предметы, вошедшие в состав коллекции, были перевезены в Институт русского языка имени А.С. Пушкина из подмосковного поселка Николина Гора, из дома В.Г. Костомарова, который он очень любил и где круглый год бывал на протяжении семидесяти лет. Мемориальное собрание насчитывает более 10 тысяч единиц и передано в институт дочерью В.Г. Костомарова Марией Витальевной Вейн, проживающей в настоящее время в США.

Коллекция В.Г. Костомарова представляет собой уникальную мемориальную и историческую ценность: все предметы принадлежат выдающейся личности нашей современности — большому ученому, активному популяризатору русского языка, в том числе как части нематериального культурного наследия России.

Прежде всего это личные вещи ученого: одежда, профессорская мантия, портфели и папки, мебель, спортивный инвентарь, другие предметы домашнего обихода; водительские удостоверения, фотографии, письма и другие рукописные свидетельства, дневники и тетради для упражнений будущего ученого (1943–1949), ежедневники, личные награды; книги (кроме словарей и профессиональной литературы в области языкознания и литературоведения), характеризующие другие интересы и предпочтения В.Г. Костомарова, широту его увлечений и познаний: художественная литература, книги по искусству и литературному краеведению, география и путешествия.

Предметы рассказывают о его семье, родственном и дружеском окружении: это семейные фотоальбомы, документы, принадлежавшие отцу и матери, жене и ее родителям, известным медикам с мировыми именами, книги с дарственными надписями-напутствиями будущему ученому-лингвисту, предметы быта, столичные и провинциальные газеты и журналы послевоенного времени, роскошные издания об искусстве, подаренные не только Виталию Григорьевичу, но и его жене и знаменитому тестю, крупнейшим специалистам в области нефрологии.

Последовательно и подробно говорят предметы из переданной коллекции и о других периодах жизни выдающегося ученого-лингвиста, повествуют об Институте Пушкина, международных связях, взглядах ученого на науку и жизнь.

В.Г. Костомаров был директором Научно-методического центра русского языка при МГУ, с 1969 года — ректор, а с 2001-го — президент Государственного института имени А.С. Пушкина. Создатель методики преподавания русского языка как иностранного, исследователь проблем стилистики, лингвострановедения, социолингвистики, особенностей языка масс-медиа, он одновременно стал инициатором и основателем Института русского языка имени А.С. Пушкина.

Нельзя не сказать и о том, что музейное собрание документирует еще одну сторону активной деятельности В.Г. Костомарова: он был редактором и соавтором ряда учебных пособий, в частности, комплекса

«Русский язык для всех» (26 изданий, удостоен Государственной премии СССР) и многих других.

Рукописные и машинописные источники, официальные документы, программы, сборники наглядно подтверждают, что В.Г. Костомаров был действительным членом Российской академии образования (до 1991 года — Академии педагогических наук СССР) и ее президентом в 1990–1992 годах, в разные годы — генеральным секретарем, вицепрезидентом, президентом Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, главным редактором журнала «Русская речь», основателем журнала «Русский язык за рубежом».

Дипломы, грамоты и предметы фалеристики представляют нам В.Г. Костомарова как заслуженного деятеля науки Российской Федерации (1995), лауреата премии Президента РФ в области образования, награжденного орденами «Знак Почета» (1969) и «Дружбы народов» (1980), медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», «Ветеран труда» (1989), «В память 850-летия Москвы», медалью А.С. Пушкина (1998), а также медалями Монголии (1973), Болгарии (1978, 1982).

Предметный ряд коллекции отражает избрание В.Г. Костомарова почетным доктором Тульского государственного университета (2004), Московского государственного педагогического института (2008), Московского государственного лингвистического университета (2010), университета имени Гумбольдта (ФРГ), имени Я.А. Коменского (Словакия), имени Я. Паннониуса (Венгрия), Миддлбери колледжа (США), университетов в Шанхае и Харбине (КНР), университета в Улан-Баторе (Монголия).

Кроме мемориальной ценности коллекция В.Г. Костомарова имеет и научно-историческую и лингвистическую ценность — как собрание фундаментальных трудов, учебных пособий, словарей, лекций, оттисков, журналов, вырезок из газет за разные годы по филологии, языкознанию, русскому языку как иностранному, лингвострановедению и другим наукам, изданных в России, странах СНГ и дальнего зарубежья на русском и многих других языках мира.

Мир изобразительного и театрального искусства тоже широко представлен в коллекции: живопись и графика, иллюстрированные широкоформатные альбомы, издания о биографиях художников и актеров разных стран и народов, программы театральных постановок, афиши. В ближайших планах музея — создание временной выставки

«На языке искусства. Предметы из мемориального собрания академика В.Г. Костомарова» с представлением данной категории музейных предметов.

Собрание В.Г. Костомарова включает экспонаты, которые уникальны как редкие исторические, литературные, художественные памятники культуры и могут стать основой будущих тематических выставок. Например, раздел «Редкая книга» (самый многочисленный в собрании, что характерно для музеев литературных), а в нем уникальная коллекция словарей по темам — русский язык (лексика, фразеология, орфография); языки народов России и языки мира (русско-английский, русско-болгарский, русско-немецкий, юкагирский, дагестанский, казахский); словари языка одного произведения, одного писателя и другое.

«Возраст» некоторых книг — более 70–100 лет (изданы в 1930–1950-х годах), есть экземпляры, которым 100 лет (например, издание «Розанов» Б. Шкловского с автографом автора, о котором в ближайшее время планируется отдельное сообщение в печати).

Автографы — еще одна отдельная и очень важная тема для изучения: автографы В.Г. Костомарова, дарственные надписи известных ученых и писателей, авторов книг и статей, редакторов изданий, дарственные надписи-напутствия В.Г. Костомарову от его учителей и наставников. Коллекция графики и предметов декоративно-прикладного искусства тоже обладает мемориальной и исторической ценностью (например, ценные подарки-сувениры со знаком «Олимпиада-80») и будет использована в экспозиционно-выставочной и культурно-образовательной деятельности Института русского языка.

Дарственные надписи и сохранившаяся в коллекции переписка свидетельствуют, что в ближайшем окружении В.Г. Костомарова было немало выдающихся людей русской науки, культуры, литературы. Среди них — глава отечественной науки о языке академик В.В. Виноградов, создатель знаменитого, выдержавшего более 30 изданий, нормативного «Словаря русского языка» С.И. Ожегов, писатель К.И. Чуковский и его семья, литературоведы и языковеды Г.О. Винокур, А.Б. Шапиро, Н.Ю. Шведова, А.А. Леонтьев, первый директор музея А.С. Пушкина на Пречистенке А.З. Крейн, зарубежные лингвисты, культурологи, педагоги, а также поэты и писатели России, СНГ и других стран мира.

В этом ряду золотых имен русской культуры — имя всем известного и всеми любимого созидателя и хранителя Пушкиногорья Семена Степановича Гейченко.

Книга «У Лукоморья», проспекты, статьи о музее-заповеднике в Михайловском, сборники с конференций, в нем проходивших, с автографами сотрудников, открытки с великолепными видами пушкинских мест Псковской губернии, а также письмо С.С. Гейченко к академику В.Г. Костомарову по поводу награждения первого медалью А.С. Пушкина свидетельствуют о возможных близких творческих отношениях двух выдающихся личностей русской культуры.

Дальнейшая работа сотрудников Мемориального музея академика В.Г. Костомарова предполагает создание нескольких музейных проектов, посвященных отношению В.Г. Костомарова к культуре, литературе, искусству. Среди них мероприятия, посвященные 225-летию великого русского поэта А.С. Пушкина, в которых будут задействованы все возможности «Пушкинианы» в собрании В.Г. Костомарова (более 1 000 единиц). Это скульптура «А.С. Пушкин в Болдине» (автор А. Просфирин), полные собрания сочинений А.С. Пушкина разных лет (с 1938 года), работы выдающихся пушкинистов XIX—XXI веков, графика, художественное литье, фалеристика, символика организаций, которым присвоено имя великого поэта, и конечно, книги о поэте.

В декабре 2022 года, накануне очередной годовщины со дня рождения В.Г. Костомарова, планируется объявить акцию «Это на самом деле со мной было», которая позволит собрать и опубликовать воспоминания музейных сотрудников, художников, музыкантов о встречах с ученым.

Мы будем бесконечно благодарны всем сотрудникам музеязаповедника А.С. Пушкина «Михайловское» за участие в этом действии: именно вы сможете помочь создать полную картину взаимоотношений С.С. Гейченко с В.Г. Костомаровым, собрав материалы и свидетельства о встречах ученого с другими сотрудниками музея и возможном участии ученого в пушкинских мероприятиях и проектах.

Сотрудники Мемориального музея академика Виталия Григорьевича Костомарова всегда рады видеть вас в стенах Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина. Свои воспоминания, пожелания, вопросы и предложения вы можете направлять по электронным адресам авторов:

sykamysheva@pushkin.institute (Светлана Юрьевна Камышева), aafilippova@pushkin.institute (Альбина Александровна Филиппова).

Краткие сведения об авторах сборника «Михайловская пушкиниана»

Голованова Анна Викторовна — кандидат культурологии, начальник научно-исследовательского отдела Государственного музеяпамятника «Исаакиевский собор» (Санкт-Петербург).

Давыдов Анатолий Иванович — с 1966 по 1995 год в Пушкинском Заповеднике: научный сотрудник, старший научный сотрудник, хранитель музея-усадьбы «Тригорское».

Долгова Анастасия Игоревна — кандидат искусствоведения, заместитель директора музея архитектурной художественной керамики «Керамарх» (Санкт-Петербург).

Иванов Михаил Владимирович, протоиерей — настоятель храма Казанской иконы Божией Матери (Пушкинские Горы).

Камышева Светлана Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент, руководитель Центра языковой политики и международного образования Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина (Москва).

Козмин Вячеслав Юрьевич — кандидат филологических наук, хранитель музея «Пушкинская деревня».

Козмина Мария Альбертовна — старший научный сотрудник Пушкинского Заповедника.

Мудров Юрий Витальевич — директор Государственного музеяпамятника «Исаакиевский собор», лауреат Международной премии имени А.А. Пластова в области изобразительного искусства, почетный член Российской академии художеств (Санкт-Петербург).

Осинина Яна Александровна — главный специалист Регионального центра по работе с редкими и ценными документами Псковской областной универсальной научной библиотеки имени В.Я. Курбатова (Псков).

Приставкина Елена Левитовна — заведующая сектором редких книг отдела хранения основного фонда Смоленской областной универсальной научной библиотеки имени А.Т. Твардовского (Смоленск).

Симакина Галина Федоровна — с 1963 по 1995 год в Пушкинском Заповеднике: научный сотрудник, хранитель музея-усадьбы «Тригорское» (1965–1989), заместитель директора по научной работе (1989–1995).

Субботина Елена Валерьевна — хранитель книжного фонда Всероссийского музея А.С. Пушкина (Санкт-Петербург).

Филиппова Альбина Александровна — кандидат филологических наук, главный хранитель музея В.Г. Костомарова Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина (Москва).

Содержание

[ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО]
I. МАТЕРИАЛЫ научно-практических чтений «Библиотека в усадьбе» (20–23 апреля 2022 года)
Мария Козмина ОБРАЗ УЧИТЕЛЯ В ПУШКИНСКОЕ ВРЕМЯ5
Анастасия Долгова, Елена Субботина НАГРАДНЫЕ КНИГИ В РУССКОМ ФОНДЕ ВСЕРОССИЙСКОГО МУЗЕЯ А.С. ПУШКИНА
Елена Приставкина УЧЕБНИКИ И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ XVIII ВЕКА В СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ УНИВЕРСАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ ИМЕНИ А.Т. ТВАРДОВСКОГО
Яна Осинина ПО СТРАНИЦАМ ЗАБЫТЫХ УЧЕБНИКОВ
 II. ПОИСКИ И НАХОДКИ: по итогам исследовательской и научной работы Анатолий Давыдов, Галина Симакина К ИСТОРИИ ФАМИЛЬНОЙ РЕЛИКВИИ ТРИГОРСКОГО
Галина Симакина ПОИСКИ И НАХОДКИ. ПСКОВСКАЯ ПОМЕЩИЦА Н.Г. ВУЛЬФ94

Михаил Иванов, протоиерей АГАФОН И АГАФОНИК: К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ РАССКАЗА С.С. ГЕЙЧЕНКО «ИЗ ДНЕВНИКА ИГУМЕНА СВЯТОГОРСКОЙ ОБИТЕЛИ»
Вячеслав Козмин
ВЕСЕЛЫЙ ПРАЗДНИК ИМЯНИН109
Вячеслав Козмин
КОРЧМА НА ЛИТОВСКОЙ ГРАНИЦЕ
Фразеологический подтекст в драме А.С. Пушкина
«Борис Годунов»141
Юрий Мудров, Анна Голованова
ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО
МУЗЕЯ-ПАМЯТНИКА «ИСААКИЕВСКИЙ СОБОР»
В 2021–2022 ГОДАХ
Светлана Камышева, Альбина Филиппова
МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ АКАДЕМИКА
ВИТАЛИЯ ГРИГОРЬЕВИЧА КОСТОМАРОВА:
ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ158
Краткие сведения об авторах сборника
«Михайловская пушкиниана»

Научно-популярное издание

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 92

ПОИСКИ И НАХОДКИ

МАТЕРИАЛЫ

научно-практических чтений «Библиотека в усадьбе» (20–23 апреля 2022 года)

СООБЩЕНИЯ

по итогам исследовательской и научной работы

Руководитель издательских проектов Пушкинского Заповедника Н.Б. Василевич

Редактор О.И. Бахтина Компьютерная верстка С.В. Лазаренкова Обложка и обработка фото Е.А. Мужаревская

На первой странице обложки: В.С. Сахарова. Кабинет библиотеки в доме Тригорского. 2012 год. Холст, масло. Из фондов Пушкинского Заповедника

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское» (Пушкинский Заповедник)

181370, Псковская область, пос. Пушкинские Горы, сельцо Михайловское

Распространяется бесплатно

Подписано в печать 23.10.2022. Формат 60х88 $^{1/}$ 16. Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Объем 10,5 печ. л. Заказ № 1741. Тираж 150 экз. Отпечатано в ООО фирма «Псковское возрождение». ИНН 6027024264. 180000, г. Псков, ул. Гоголя, д. 6.